

ФФ 6 94

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИКА

Объединенная редакция журналов
"Приключения, фантастика", "Галактика", "Метагалактика",
газеты "Голос Вселенной"
и издательство "Метагалактика" объявляют конкурс

МИРЫ ЮРИЯ ПЕТУХОВА

I раздел

Конкурс не лучшие цветные и черно-белые иллюстрации к произведениям писателя Юрия Петухом "Звездная месть", "Бойня", "Сатанинское", "зелье Западня", "Измена", "Дорогами богов" и др., включая публицистику.

Конкурс проводится по трем группам участников:

1. Профессиональные художники, графики.
2. Художники-любители.
3. Дети до 15 лет (здесь потребуются помощь родителей, учителей, воспитателей, работников библиотек, кружков, студий и школ художественного творчества).

II раздел

Конкурс литературно-критических рецензий на произведения писателя (или одно выборочное произведение).

Количество работ, их формат, техника исполнения не регламентируются и не ограничиваются.

По результатам конкурса для каждой группы установлены призы и денежные премии. Конкурсные работы будут публиковаться в наших изданиях и альбомах.

Конкурс рассчитан на 5 лет. Подведение итогов, определение победителей и выдача премий – каждые полгода: на 1 января и 1 июля каждого текущего года.

Внимание! И школы, детские дома, интернаты, колонии, гарнизоны, студии необходимые для конкурсных работ книги и журналы высылаются бесплатно по заявкам.

**Адрес для высылки конкурсных работ:
111123. Москва, а/я 40. "конкурс"**

Москвичи могут сами сдать свои работы по адресам:
– Долгоруковская, 39 (киоск журнала ПФ у троллейбусной остановки напротив метро Новослободская);
– Рязанский пр., 82/5 (м. Выхино, одна остановка на автобусе, 417 отд.связи, со двора).

ISSN 0869-2726

Индекс 70956

qп

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

Литературно-художественный журнал

6 94

rutracker.org
новое имя для torrentz.ru

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар
12 мар 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Петухов "Бойня" ч. 1 "Чудовище" .. 3	
"Вампиры и оборотни среди нас.	
Хроника преступлений".....	219
Янтарный Гугон	301
Наши комментарии.....	305

Художник Алексей Филиппов

© Журнал "Приключения, Фантастика"

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Розничная цена свободная.

Рег.номер - 319 от 1.10.90 Госкомпечати
Адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40.
Учредитель, издатель, главный редактор -
Петухов Юрий Дмитриевич

подписано в печать 01.07.94 г.
Формат 84x108/32. Тираж 46 тыс.экз Заказ - 281
Печ. л. 10.
Отпечатано в Московской типографии № 13
Комитета РФ по печати.
107005, Москва, Денисовский пер., д. 30.

Индекс 70956

Юрий Петухов

"БОЙЯ"

Фантастический роман — трагедия

ЧУДОВИЩЕ

«**Д**аже самая распоследняя Божья тварь, я думаю, имеет хоть какую-то, пускай ничтожную и бессмысленную для окружающих, но все же свою, собственную цель в жизни. Ведь правда? Даже если это и не жизнь вовсе, а одно мучительное недоразумение! Даже если это никакая не цель для прочих, а один туман на палочке. Все равно! Ведь не может же быть иначе?!

Меня, я думаю. Божьей тварью навряд ли кто назовет. Уж скорее наоборот. Только мне это без разницы. Мне наплевать на них на всех! Они – это они! А я – это я! И у меня тоже есть своя цель! И я так думаю, она не хуже, чем у других. Ведь я живу только ею, этой своей мерцающей впереди целью. Если она и покажется кому-то бессмысленной и ничтожной, так пусть подавится своим смыслом, черт с ним! А я делал это и буду делать. Я буду бить их, крушить, расколачивать вдребезги! Я разобью их все до единого, на самые мелкие осколки разобью! Когда это будет? Не знаю. Потому что я вообще ничего не знаю! Откуда взялся этот мир? Зачем он? Зачем все его обитатели?! Я не знаю даже, сколько живут такие, как я. Почему? Да потому, что я никогда не видел себе подобных и не слышал о них. Моя мать была совсем другой, не такой. Она говорила, что и отец был совсем другой, пока он не сварился живьем у своей трубы. Все – были и есть совсем другие!

Но я думаю, что не подохну до тех самых пор, пока хоть одно из них будет стоять целехоньким! Где б оно ни стояло, где б оно ни лежало, хоть на самом краю нашей бескрайней резервации! И не может быть иначе, и не будет иначе! А вот когда я сокрушу последнее и мир перестанет двоиться, тогда я выберу самый большой и самый острый осколок и перережу им собственную глотку...

Я думаю, что это все случится не скоро. Пускай пройдут годы, ничего. Но я сделаю это, я вытерплю все мучения на пути к своей цели. Пусть хихикают болваны и недоумки. Им не понять меня. Я сделаю это – и с радостью и с надеждою уйду из этой мерзкой, поганой жизни. И пускай они тогда смеются над бессмысленностью моей цели – мне уже будет все равно!

В нашем распроклятом местечке я обошел все уцелевшие дома и облазил все развалины. До сих пор мои конечности, и нижние и верхние, дрожат от напряжения. Ах, как я их бил! Как я их колотил! Порезался даже, вон сочится какая-то пакость из третьего левого щупальца, зеленая и вонючая. Тьфу, мерзость! Самому противно. Ну да ничего, я думаю, заживет. А нет, так и к лучшему. Чего мне ждать? На что надеяться? Какие я радости вижу? Ни черта! Эти хоть по вечерам получают свою порцию, присасываются к краникам у труб – и всю ночь балдеют. А я?! Для меня даже трубы не нашлось. А чем я хуже? Что я, не умею, что ли, краны вертеть да за швами присматривать?! Да это любой оболтус сможет, любой мальчуган, если у него хоть одна конечность имеется. А у меня их одиннадцать! Да я бы за десятком труб мог следить! Так нет, рожей, видать, не вышел! Слишком уж не такой, как все! Чихать хотел! Катитесь вы куда подальше!

...Кстати, о мальчуганах. Распустили молодежь. Вчера привязалась свора – куда я, туда и они. Улюлюкают, свистят, камнями бросаются – им и невдомек, что я боль только изнутри чувствую. Грозят! А чего грозить-то? Напугали! Один, маленький совсем, коlobком катится, двумя ножками по земле скребет – клоп, вонючка, а туда же. Да его мне коготком подцепить – и все, хана, крышка клопу. Нет, не отстает. Не понимает. А жалко ведь мелочь пузатую. Мне их жалко. А им меня – нет! Хотя чего жалеть-то? Их всех у труб пристроят, коли не передохнут, конечно, до шести лет, до совершеннолетия. Всем местечко достанется. Каждый будет свой краник посасывать. И

никто их не назовет чудовищем, никто не бросит камня вслед. Они – нормальные, обычные! Им хорошо на этом свете!

Ну да ничего. Я в этом вшивом местечке не задержусь. Вот переколючу завтра оставшееся в наипоследнем домишке, в руинах на окраине – и в путь. Только меня и видали! А на новом месте, глядишь, по-новому заживем. Только я одно могу сказать точно: если меня там и приставят к трубе и даже свой краник при ней подключат, я дела не брошу, цели своей не оставлю, нет! И в гробу я всех видал, пускай потешаются. А я бил их и буду бить! Колотить!! Расколачивать!!!»

Они застучали его на развалинах старого, еще дореформенного дома-громадины, в котором уже много поколений никто не жил. Был день, и потому они отлично просматривали всю местность метров на восемь. Дальше силуэты и очертания терялись в пелене, но грех было жаловаться – денек стоял ясный, не то что обычно. Чудовище, выставив, видно для обороны, на всякий непредвиденный случай, четыре щупальца назад и мерно раскачиваясь из стороны в сторону, вытаскивало что-то большое и плоское из груди камней, кирпичей и прочего строительного мусора.

Пак, самый старший из них и самый хитрый, зажал клешней хобот, чтобы не сопеть, как обычно, трубно и надрывно, и медленно, не спуская глаз с чудовища, отполз назад.

– Попалась, гадина! – заговорщицки сообщил он остальным и пригрозил другой клешней. – Ша!

Коротышка Чук взвизгнул было от восторга, засучил хилыми лапками, но Пак тут же огрел его по загривку, зашипел озлобленно.

– Где Грюня? – спросил он, убедившись, что оплеуха подействовала и дополнительных мер принимать не надо.

Волосатого Грюни нигде не было. Могло сорваться все дело. Близнецы-Сидоровы в нетерпении кусали друг друга за уши и хищно скребли когтями землю. На ней оставались глубокие борозды. Но шума не было. Каждый понимал ответственность момента. Даже безмозглый и безъязыкий перестарок Бандыра и тот молча скалил обломки желтых зубов и мелко подергивал прозрачными веками. Никто не знал, что надо делать».

– Я сбегая, поищу? – предложил шепотком Гурья-младший, изгибая длинную шею и заглядывая в глаза хитрому Паку.

- Тока втихаря, - согласился Пак и трубанул-таки хоботом.

На минуту все припали к земле, напряглись. Но чудовище, скорее всего, не расслышало. Хитрый Пак вздохнул тихо, с облегчением и закатил, видно от избытка чувств, еще одну оплеуху Коротышке Чуку. Тот беззвучно захныкал, зажимая лапками пухлый рот-клювик.

Гурыня-младший пополз, не оглядываясь, огибая камни. Но далеко ему уползти не удалось. Волосатый Грюня, будто с него уже содрали шкуру и расстелили ее по земле, лежал за ближайшей обвалившейся стеной, раскинув лапы в разные стороны. И спал. Причем блаженно и безмятежно похрапывал при этом.

Гурыня кусанул его за пятку. И тут же зажал Грюне рот, чтоб не развопился. Грюня был голосист.

- Ты че, падла, - шепнул в ухо Гурыня, - завалить всех думал?!

Волосатый Грюня бешено вращал единственным глазом, пытался вырваться.

- Пак тебе рожу поскоблит-то щас! - заверил Гурыня-младший на полном серьезе.

И Волосатый Грюня затих. Он вжал мохнатую голову в не менее мохнатые плечи, поджал лапы и оттого превратился в поблескивающий шерстью клубок.

- Где сеть?

Грюня затрясся, повел неопределенно глазом. Вечно он спал! И вечно не мог толком проснуться! Даже теперь, в такую ответственную минуту. Гурыня-младший кусанул его еще разок, посильнее.

- Мероприятию срываешь, жлобина! - прохрипел на ухо, помня наказ Пака. - Убью!

Впрочем, убивать перепуганного и все еще заспанного Грюню не пришлось. Гурыня-младший сам увидел серую суму, в которой лежала свернутая сеть. Она валялась в трех метрах на куче щебня и песка. Видно, Грюня потерял ее, засыпая на ходу. Выяснять обстоятельства дела времени не было. Гурыня-младший подхватил суму, по тяжести почувствовал - сеть на месте.

- А ну, живо, падла! И чтоб молчком!

Они быстренько доползли до основной группы. Получили по затрещине от вожака Пака.

- Чего застряли? Уйдет щас!

Роли они расписали заранее. Но хитрый Пак вкратце напомнил каждому, что надо делать и как. Для выразительности пощелкал легонько перед их носами своей клешней. Все поняли.

Легче всех было Близнецам-Сидоровым. Их поставили охранять выход из развалин, а точнее, в силу ширины и неповоротливости, просто заслонять путь, если чудовище вырвется и бросится убежать. Правда, Близнецы по своей простоте не понимали, что им может грозить, коли чудовище наткнется на них. Но Пак сказал, что все будет нормально. И Сидоровы поверили.

Остальные разделились на три группы. В первую входил самолично хитрый Пак, и больше никто. Он брал на себя основную тяжесть, не слишком-то доверяя сотоварищами. Размотанную, но еще свитую в трубку сеть он положил на плечи и теперь выравнивал, расправлял ее, помогал себе хоботом. Сеть была металлопластиковая – газовым резаком не перережешь!

Во вторую группу входили Гурья-младший, Гурья-старший, Бумба Пеликан и балбес Бандыра. В общем-то, с их заданием мог бы справиться и один надежный парень. Но Пак решил подстраховаться – народец в его ватаге был хлипкий, попробуй доверься им, обалдуям!

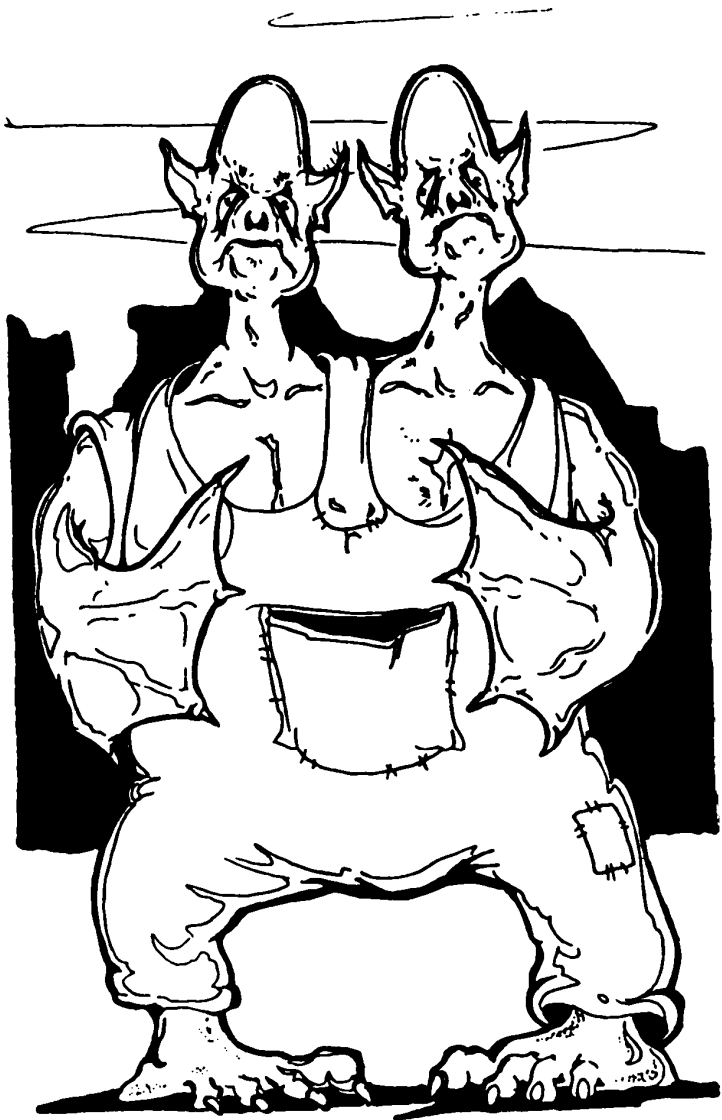
В третью – группу отвлечения – входили Коротышка Чук, Волосатый Грюня и пузатый трехногий подмастерье-переросток Хряпало – орун и визжала неслыханный. Его и взяли с собой только из-за луженой глотки. Роль этой группы была совсем проста. Но и достаточно опасна. И хотя хитрый Пак говорил, что не было еще случая, чтобы чудовище обидело кого-нибудь, пристукнуло или, хуже того, сожрало с потрохами, но... кто его знает, ведь на такое поглядишь – и этого с лихвой хватает, ощущение – будто тебя наполовину уже пережевали. Пак-хитрец не зря отобрал тех, кто зрением послабее да и ценности из себя особой не представляет ни для его ватаги, ни для будущей работенки у заветной трубы.

– Как крикну в голос, так и начали, ясно?!

Пак всмотрелся напоследок в каждого. И каждый кивнул.

Они осторожненько поползли вперед.

А чудовище, дрожа, хлюпающая и хряпающая, распространяя вокруг себя зловоние и мокроту, ковырялось в обломках и никак не могло вытащить застрявшего в искореженной и ржавой арматуре большого, в старинной массивной раме зеркала. Оно по-

ворачивалось и так и эдак, изгибаюсь, раздувалось, отчаянно манипулировало всеми конечностями, включая и нижние. Но вытащить зеркало не удавалось.

Хитрец Пак уже давным-давно заметил эту страсть к зеркалам у чудовища, эту какую-то непонятную ненависть к ним. Все в местечке прекрасно обходились вообще без зеркал, всем было просто наплевать на эти тусклые стекляшки — о чем бы голова болела, ха-ха! Тем более что и без них все прекрасно видно, а битого хлама и так предостаточно, хоть завались им! Но на этой вот ненормальной страсти и было построено все замышляемое. Недаром же Пака звали хитрым!

Само место располагало к действию. С трех сторон чудовище было загорожено обломками каменных стен, лишь с четвертой оставался проход — правда, довольно-таки широкий. Между стенами было метров шесть. Многовато, конечно, но ничего, если действовать слаженно, все пройдет отлично. Стены вот только обросли склизким противным мхом, можно и навернуться с них. Но совсем без риска-то и не бывает ведь, так? Пак готов был рискнуть ради небольшого развлечения. А почему бы и не поразвлечься немного, пока к кранику не подпускают, кроме как по особо торжественным дням? Не-ет, можно и поразвлечься.

Не спуская глаз с чудовища, он стал карабкаться на стену, на этот каменный обломок, торчащий справа и такой скользкий. Не так-то легко было это сделать. Пак даже порвал свой новенький комбинезон о какой-то крюк, торчавший прямо изо мха. И очень расстроился этим. Но горевать было некогда. Обломок был метра в четыре вышиной. На верхушке его росло чахленькое деревце без листвы. В его ствол Пак и вцепился клешней, когда основной путь был позади. Подтянулся, чуть не упустив сеть с плеч, но вовремя успев придержать ее хоботом.

Сверху все было отлично видно. Да и чудовище не казалось отсюда столь страшным, как снизу. Пак обернулся — Близнецы-Сидоровы стояли на посту живым двухговым изваянием, растопырив по сторонам руки-ласты. Они всегда относились к порученному делу серьезно, иногда даже чересчур серьезно. Пак не сдержал улыбки. Но за тылы можно было не беспокоиться. Он снял сеть с плеч, расправил ее в широко расставленных клешнях.

Противоположная стена была на метр-полтора ниже. Но Гурья, Пеликан и Бандыра что-то явно не спешили. Олухи

чертовы! – подумал про них Пак. Он начал нервничать. Краем глаза он отметил, что Хряпало, Чук и Грюня заняли свои места. Даже отсюда было видно, как всем телом дрожал Волосатый Грюня, толстяк и соня. Ну да ничего, пускай привыкает!

Наконец над краем противоположной стены появилась глуповатая рожа Бандыры. Он вертел головой и все время стучался костистым подбородком о каменный край, видно, оскальзываясь. Из-за Бандыры неожиданно показались змееобразная голова Гурыни-младшего, потом все тело. Следом на стену влезли Гурыня-старший, отличавшийся от брата лишь толщиной и неповоротливостью, и Хряпало. Судя по всему, Бандырой они пользовались как лестницей. Но и ему Хряпало протянул лапу, помог вскарабкаться.

Надо было начинать.

Чудовище, ничего не подозревая, копошилось внизу. Оно уже почти высвободило свою находку. Оставались минуты, если не секунды.

Пак напряг свои бугристые мышцы, закинул клешни с сетью за голову, вскинул хобот вверх...

Но не успел он подать знака, как произошло совсем не предусмотренное событие: балбес Бандыра с воплями и визгами, размахивая двухметровыми суставчатыми руко-ногами и изгибаясь так, будто у него нету позвоночника, сверзился вниз, прямо на чудовище. То резко передернулось, колыхнулось всем Своим волдыристо-бородавчатым зеленым телом. Но перепуганный и истошно вопящий, не помнящий себя от ужаса Бандыра, размахивая своими складными граблями, подскочил на его спине, оттолкнулся что было мочи и помчался прочь из каменной ограды прямо на Близнецов-Сидоровых. Близнецы исправно выполнили поставленную перед ними задачу и Бандыры не пропустили. Образовался жуткий живой ком, из которого торчали руко-ноги, костистые лапы, ласты, голоса и неслись хрипы, писки, крики, угрозы и жуткий, леденящий сердце вой: видно, Бандыре-балбесу почудилось, что он попался-таки в лапы жуткого чудовища.

Все это произошло в доли секунды. Само чудовище не успело даже шевельнуть своими выставленными за спину конечностями и повернуть бугристую слонообразную голову. И только Пак собирался подать наконец свой сигнал – ведь надо было делать дело, – как с трех сторон завопили на разные голоса Коротышка Чук, визгливый нытик, ревун Волосатый Грюня и заменитель сирены – Хряпало.

Но именно они спасли положение. Потому что чудовище, уже поднимающее голову вверх, вместо того чтобы заметить главную опасность и среагировать, отвлеклось. Все это и решило дело.

- Эге-гей!!! - заорал, перекрывая всех, хитроумный Пак. И бросил конец сети на противоположную стену. Команду он подал раньше, чем надо. Но теперь это не имело ровно никакого значения.

Обоих Гурынь тяжелым концом сети опрокинуло за стену - они исчезли мгновенно, будто их и не было. Пеликан Бумба устоял. Он вцепился в сеть одновременно обеими когтистыми руками и широким хрящевым клювом. И так, вместе с зажатым концом сети, громыхнулся вниз. Следом за ним сиганул Пак. Чудовище было накрыто! Но оно еще могло выпутаться, сбросить с себя металлопластиковую крупноячеистую сеть. Конечности его напряглись, выпрямились, само оно вскинулось во весь рост... Но не оплошали братья Гурыни - выскочили из-за стены, все в ссадинах и синяках от падения, вцепились в сеть с разных сторон и принялись бегать по кругу, окончательно запутывая молчаливо сопротивляющееся чудовище. Вместе с ним они чуть было не запутали и Бумбу Пеликана. Но тот вывернулся, чудом успел выскочить, расцарапав весь свой широченный клювище и измазав до невозможности в грязи и без того несвежий комбинезон.

Дело было сделано! Хитрый Пак торжествовал. Еще бы, такая победа! Предания о ней будут переходить из поколения в поколение, а значит, и его имя не исчезнет вместе с ним! Теперь можно было и не суетиться - опутанное чудовище лежало на земле, даже не пытаясь высвободиться. Соображает, подумал про него Пак, с металлопластиком шутки плохи, нечего и трепыхаться! Он отступил на несколько шагов - полюбоваться на дело своих рук.

Но спокойно любоваться ему не дали. Дикий ор, доносившийся снаружи, из-за стен, отвлек его. Пак выглянул: там происходило невообразимое. Близнецы-Сидоровы что было сил мутузили балбеса Бандыру. Тот яростно отбивался. Коротышка Чук и Волосатый Грюня дубасили Близнецов. Хряпало лежал рядом, на вид бездыханный - ему было уже все равно, он получил, видно, свое. Конца мордобоею не предвиделось.

- Отставить!!! - заорал Пак.

Его трубный глас возымел действие. Куча мала распалась. Все тяжело дышали, обливались потом и глазели на Пака. Пак в четверть силушки треснул клешней балбеса Бандыру прямо по темечку. Тот, похоже, не почувствовал, но почтительно присел на полусогнутых.

Близнецам-Сидоровым Пак сказал:

- Объявляю благодарность за службу! – и похлопал их по плечу.

Сидоровы зарделись от счастья, победно поглядели на пониже Бандыру.

- Операция прошла на славу! – продекламировал хитрый Пак, водя хоботом из стороны в сторону. – Все держались молодцами! Ни единой осечки, как по маслу... Все поняли?! – Он помолчал для выразительности, давая оценить торжественность момента, и добавил: – Лютое чудовище, терроризировавшее всю округу и готовившее подлый, злодейский план по прорыву наших всенародных труб, поймано! Всех поздравляю!

Ответом было громоподобное ликование. Особенно старались герои дня Близнецы-Сидоровы – хоть и одна пара лап была на двоих и одна лишь пара рук, зато глотки были две.

- Ладно, пошли! – сказал Пак уже неофициально.

И они побежали к добыче.

Вокруг чудовища суетились оба Гурыни и Пеликан Бумба. Непростое это было дело – расправить концы сети, закрепить их. Попробуй вбей крючья в стены и пол кривыми обрубками, которые не то что крюка, а и камня-то толком удержать не могут! Но Гурыни старались, помогая себе и ногами и зубами. Дело клеилось! Чудовище сопело, пыхтело и воняло. Несколько раз оно пыталось вырваться. Не получалось.

И все равно было страшно. Волосатый Грюня дрожал всюю. Ну ладно Грюня – он и всегда дрожит! Не по себе было и самому Паку, мурашки так и бегали у него по спине. Близнецы и те ступали как-то настороженно, по-куриному. И даже безмозглый и бесчувственный балбес Бандыра был не в своей тарелке и чаще обычного моргал прозрачными веками, скалился.

Но чем прочнее крепили сеть, тем смелее становились, разговорчивее. Ободренный и грязный Пеликан Бумба гоготал, захлебываясь и роняя слюну:

- Ловко я его, а? Ловко?!

Гурыня-младший считал, что главную роль сыграл он, и потому огрызался:

- Ловко гробанулся со стены – вот и ловкость вся твоя! Тут не на дураков рассчитано, тут с умом...

Впрочем, до выяснения отношений дело не дошло. По той причине, что всех объединяла неприязнь к чудовищу. И эта неприязнь становилась тем сильнее, чем беззащитнее делалось вздрагивающее чудище. Первым бросил камень Коротышка Чук.

- Получай, падла! – метнул свой Гурыня-младший. Старший слепо повторил бросок брата.

Камни грудой посыпались в пленника.

- Вот так!

- Держи подарок!

- Х-хэк!!

- Ловко, ловко я его!

- Пряма щас и забьем падлу! Чего с им возиться! Распаялись на глазах, подзуживая друг друга, переглядываясь и перемигиваясь, толкаясь локтями и путаясь в распяленных концах сети.

- Ща я его приложу! Ща!! – взъярился Гурыня-младший, размахивая подобранной железью и намереваясь воткнуть ее прямо в зеленый бородавчатый горб.

- Брось! – цыкнул на Гурыню хитрец Пак. Он один не принимал участия в процедуре «побития камнями». – Брось, тварь, кому говорю!

Обиженный Гурыня отбросил железью. И ухватил булыжник поздравее.

Чудище на камни почти не реагировало, лишь вздрагивало чуть-чуть, когда были особо сильные и меткие броски. И все же, выбрав коротенький миг затишья, оно бросило обидчикам:

- Дураки вы все! Плевать я на вас хотел!

Паковская команда взъярилась пуще прежнего. Безмозглый Бандыра от избытка чувств вспрыгнул чудищу на горб и принялся дубасить его своими складными граблями. Кончилось тем, что он запутался, и его пришлось тащить из сети, будто репку. Бандыра выл, словно пришел конец света. Но ни одна из его граблей не оторвалась при вытягивании, наверное, они оказались крепче металлопластика.

Выгавив балбеса Бандыру, все уцепились за руки, клешни, лапы, ласты – и закружились в бешеном, дикарском хороваде вокруг огромной жертвы, попавшейся в их тенета. Восторг был неописуемый, особенно предавался ему Коротышка Чук – он визжал, как никогда в жизни, не поспевая своими

хлипкими лапками за другими и оттого то взлетая в воздух, то волочась по грудам разбросанного мусора.

Остановились лишь тогда, когда вымотались все до единого. Когда окончательно лишились сил. Так и попадали на землю вокруг чудовища – тяжело отдуваясь, закидывая головы и закатывая глаза. К этому времени приполз искалеченный Хряпало, он был не в лучшем состоянии, чем другие. Но ему захотелось хоть немного поторжествовать. Хряпало запустил камень в чудовище. И обполз его в эдаком медленном, но выразительном круге почета. Затем и он распластался, перевернувшись на спину.

- Как есть дураки! – заключило опутанное чудовище.

Препираться с ним не стали.

- Ну, взялись, что ли?! – предложил Гурыня-младший.

- Чего? – не понял его Пеликан.

- Чего-чего... кончать пора, падлу!

Пеликан Бумба промолчал.

- А чего, глядеть на него, что ли?! – не унимался Гурыня.

- Стало быть, пора, – неуверенно согласился с братом Гурыня-старший. – Эй, Пак, ты самый умный! Ты и говори!

Хитрый Пак многозначительно оглядел всех, повздыхал, поспеел, потрубил слегка своим хоботом для важности и сказал, переворачиваясь на другой бок:

- Кончим, не волнуйтесь! Только попозже немного. По правде говоря. Пак и сам не знал, как им прикончить чудовище. Камни его не брали, резака им никто не даст своего, и утащить навряд ли получится! Долбить, его арматурой? Или ковырять острой железякой, как это собирался Гурыня-младший? Так ведь неизвестно, проковыряешь ли – вон какой здоровый, толстый! А как начнешь ковырять да колоть, так сразу зеленая дрянь какая-то чуть не фонтаном бьет, аж не продохнешь! Эх, голова, голова, вари, кумекай, соображай!

- Чего это позже?! – заволновался Хряпало. – Когда позже? Я, может, к вечеру окочурюсь! Что ж это мне, так помирать, что ли! Я даром орал, что ли, громче всех! – Хряпало даже привстал, раззявился, обращаясь ко всем сразу: – И вы тоже! Думаєте, вечные, что ли? Вон Мартышка тоже так думал, все о кранике мечтал, а вчера конька отбросил! А Гугоря с Болявкой забыли? Или не вы их на той неделе в отстойник отволакивали? Все сдохли. И мы сдохнем! Чего ж тянуть-то?!

- Правду говорит! – поддержал Хряпалу Гурыня-младший.

- Верно!

- Да чего там, засыпем камнями с головой, само сдохнет! - взвизгнул Коротышка Чук.

- Цыц!

Пак встал и щелкнул сразу обеими клешнями.

- Мы его так просто на тот свет не отпустим, проговорил он, то бледнея, то зеленея. - Мы ему пытку устроим!

Все замерли, ловя каждое слово.

- А ну, Грюня, Бумба, Близнецы!

Названные повскакивали с мест, подошли ближе, выражая готовность, граничащую с покорностью.

- А принесите-ка сюда ту штуковину, что оно вытащить хотело! - скомандовал Пак-хитрец.

Никто не понимал затеваемого. Но Паку верили.

Огромное, в два роста, зеркало, обрамленное резную массивную раму, несли все, кроме побитого ослабленного Хряпалы. Поставили перед умным Паком.

Зеркало было мутное, запыленное - ничего в нем видно не было. Пак ухватил клешней за шкурку Волосатого Грюню, который уже умудрился заснуть, и протер им гладкую, матово поблескивающую поверхность. Грюня толком проснуться не успел, как дело было сделано. Но ему пришлось долго и мелко трястись, очищая свою шкуру.

Пак заглянул в зеркало. На него смотрело лицо как лицо, не хуже других, даже посимпатичнее: высокий, абсолютно лысый лоб до самого темени, два ряда круглых умных глаз, морщинистый широкий хоботок, свисающий ниже подбородка. Пак от удовольствия шевельнул сходящимися к макушке ушами и широко улыбнулся, раздвигая серые толстые губы - из-за хобота улыбка была почти не видна. Но все равно - Пак себе понравился. Сейчас все меньше оставалось таких, как он, и все больше рождались самых настоящих уродцев на вроде обоих Гурын, Близнецов-Сидоровых или же Коротышки Чум. Во всяком случае в их местечке.

Ждали его слова.

И Пак не задержался.

- Тупари вы все тут! - сказал он с ленцой. - Кретины безмозглые...

Безмозглый Бандыра обидчиво заворчал, поежился. Но Паку до него дела не было.

- Кончать! Да это любой обалдуй сможет. А мы над ним опыт проделаем! Думаете, он что, просто так зеркала по всему

1/8/92

городишку колотит? От нечего делать, да? Остолопы вы, вот что я вам всем скажу!

- Да ладно уж, - пробурчал Пеликан Бумба, он был второй по уму в этой компании, но скромный. - Не тяни.

- А чего тянуть? - покладисто провозгласил Пак. - Мы щас зеркальце поставим перед ним да поглядим - в чем дело! Ясно, тупари?

До большинства не дошло, но и они закивали.

Огромное зеркало водрузили прямо перед невыносимо мерзкой пакостной рожей чудовища. Пошевелинуться, отпихнуть зеркало да и просто отвернуться оно не могло, путы мешали.

Когда зеркало установили, все расступились, словно по команде, хотя ее и не было.

С полминуты чудовище перекаtywало водянисто-желтые, мутные глазные яблоки подсырей прозрачной кожей отвратительной морды. Потом кожа полопалась, источая вонючую зелень, сразу в трех местах, глазища: прорвались наружу, налились красным. Бесчисленные жвала задергались, задрожали, покрываясь желтой пузырящейся массой, распахнулся смрадный багровый зев, усеянный зеленоватыми бородавками и бледными шевелящимися полипами... И чудовище дико, надрывно взревело.

Но длилось это недолго. Глаза тут же пропали под кожей. Зев закрылся» Из сомкнувшихся жвал пробулькало:

- Дураки вы все же! И гады порядочные!

Гурыня-младший громко расхохотался. На него реакция чудовища произвела самое приятное впечатление.

- Ура Паку! Молодчага! Это надо ж умыслить такое! Вот голова, вот ум!

Умный Пак помалкивал. Он был доволен собою. Знал, что чудовище выбрало самую простую тактику - не смотреть в зеркало. Так, будто его и нет вовсе. Но Пак знал и другое - всю жизнь-то не просидишь с закрытыми глазами!

И они решили ждать. Устроились поудобнее. Послали Волосатого Грюню в поселок, разжиться чем-нибудь съестным. Но Грюня совсем пропал, видно, заснул по дороге. Ничего, терпели, развлекались, побрасывая камушки в чудовище, пересказывая давно всем знакомые истории и байки.

До вечера чудовище лишь дважды выкатывало свои бельма и ревело жутким образом, дергалось, пыталось вырваться – не получалось. Веселью не было ни конца ни края.

Но к ночи все устали и решили отложить развлечение до утра. Утомленные и довольные, разбрелись по домам.

«Ушлепали. Дурачье! И этого недобитка своего, Хряпалу, уволокли. Подонки! Ублюдки! И все же что взять с этик мальчуганов?! Они хоть говорить не разучились, не то что их папаши и мамыши. Те долакались, доприсасывались – последние мозги порастеряли. А впрочем, какое мне дело. Наплевать!»

Чудовище медленно высвободило одну конечность, пропихнуло ее в ячейку и с легкостью выдернуло из заросшего землей пола ближайший крюк. Все это оно проделало с закрытыми глазами, на ощупь. Следом за первым повыскакивали из стен и пола еще несколько крюков. Натяжение сети ослабло. Чудовище тяжело и прерывисто вздохнуло, судороги прокатились по его крупному телу.

«Умники, хитрецы! Другой надавал бы вам тумачков да шлепков, чтоб неповадно было. Да теперь уж ладно, чего там. Попробуй-ка я побушевать в этом каменном ущелье, помахать щупальцами – да половина из них костей бы не собрала, пришлось бы потом соскребать со стен! Но не понимают, не соображают! Думают, победили, поймали! Мелюзга! Злобные растут, дикие и беспощадные. Но других-то нет, и этих осталось – по пальцам перечесть. А что они народят? Поди-ка угадай! Глядишь, и я со временем в красавцах ходить буду. Да что с них возьмешь! Кто из них читать выучился? Никто! Даже этот, хитренький, с хоботом, не смог сладить! Да и кто их научить-то мог! Так, я думаю, еще два, от силы три поколения – и некому будет у труб вахту нести. Хотя, черт их знает, бабка говорила, время от времени снаружи к нам подбрасывают всяких там, сброд разный, что во внешнем мире по своей пакостности и ублюдству не удержался. Вот их-то и к нам, под колшак, на развод. А кто знает, может, на этом только и держится? Может, никого бы уже давным-давно не осталось в резервации, кроме механизмов да всяких там автоприслужничков на подземных заводах и в хранилищах? Никто ничего толком не знает. А они, мальчишки эти, и вовсе слыхом не слыхали про внешний мир. Да и кто им расскажет? Если и видали, так туристов одних, когда те по своим трапам разгуливали. Да и то наверняка ничего не поняли. Только я их в этом не виню. Им кажется, что

все здесь всегда так и было, что так везде есть и так оно и должно быть. Олухи несчастные! Откуда им знать! Никогда не прощу своим, что выродили меня такого на свет! И то, что жить оставили! А пуще всего, что бабка с матерью читать научили да порассказали много всего разного. Они-то сохранили кое-что, они сами, к краникам не прикладывались, тем, что у труб. Только таких ведь больше не найти, уж в нашем местечке – точно! Выучили, рассказали... Дескать, чтоб хоть кто-то память хранил. А зачем? Кому все это надо?! Я когда читал всю эту муть – а я ведь читал и днями и ночами, подбирал в развалинах книжки, журналы и читал – так вот, когда я грезил над этими желтыми страничками, я себя таким же ощущал, как те, что писали, и как те что на картинках были! А как же иначе, ведь в голове у нас – одно! А когда-то и все у нас одно было! За что же, за что? Я ж после этих грез ненавидеть стал не только себя, а всех! Всех до единого! Но больше всего я ненавижу свое отражение! Мир не видывал ничего пакостнее и страшнее! Меня начинает трясти, рвать, когда я вижу себя в зеркале! Меня выворачивает наизнанку, и я не могу терпеть этой муки! И потому я буду их разыскивать везде, повсюду, находить, выгаскивать, выкапывать – и бить, бить, бить! Пускай смеются и издеваются! Я знаю, что не то что любить и терпеть, а и просто выносить меня невозможно. Но разве я в этом виноват? Пока я был маленьким, бабка и мать еще терпели меня, ходили за мной. А потом и они сказали, чтобы убирался из дому, – кто хочет жить вместе с чудовищем, под одной дранкой, в одной тесной землянке? Кто?! Ну да ничего, наплевать! Я уже знаю, что буду делать. А вот эти несмышлениши? Они как дальше-то?! У них нет ничего, ни прошлого, ни будущего. И откуда им знать, что раньше здесь была большая страна, жило много народу, росли леса, текли реки? Конечно, и я не видал ничего из этого, но я столько прочитал и просмотрел, что как будто бы и видал. Во всяком случае, я знаю. Но мне трудно представить, чтоб среди этих развалин потекла вдруг река. Голубая, чистая вода? Тут и цветов таких нет. Тут развалины и трубы, трубы, трубы... На черта им столько труб?! Все чего-то гонят из-под земли, из хранилищ. Все гонят и гонят. Я и не знаю толком – что. Когда прорвало отцову трубу, его стометровый участок они вдвоем с матерью обхаживали. Прорвало-то – всего ничего, струйка одна и пшикнула – а папашу заживо сварило. Вот так! Только у него штуковина-то эта, что с рождения всаживают под кожу и при совершеннолетию подправляют, когда к

трубе уже допущен, так вот она и сработала. Мигом железный прислужничек приперся, мигом все заварил. А на хрена тогда папаша нужен был, я спрашиваю? За каким чертом?! Хотя и чего ему свет коптить было, он ведь из краника исправно высасывал порцию – уже и не говорил, и не пел, лишь хихикал все да на карачках вдоль трубы ползал! Так мать говорила. Сам не помню. Зато, рассказывал там, за колпаком, – никаких труб, все чистенько, все свеженько! Никаких заводов и хранилищ. Красота! Я, правда, в эти байки не очень-то верю. Как это без труб?! Так не бывает! Но мало ли чего! И в книгах тоже разное пишут. Будто бы раньше везде были и трубы, и заводы, и бункера, и фабрики там какие-то, а потом к нам переводить стали – сначала одно, потом другое, потихоньку-полегоньку, не все сюда, все сюда... Так решили, видно. Им виднее было. Но еще до этого всякие-разные появляться на свет стали: Вначале никто не знал почему. А потом – хотя и знали, да молчали, чего панику сеять. И все сюда, все сюда... Может, и верно? Зачем всем подыхать-то? Наверное, так и надо было. Тогда и к трубам приставлять начали да к краникам присасывать – чтоб от труб не убежали! Хотя какая польза, в толк не возьму! Так и приспособились. Кто пошустрее, так те умотали во внешний мир, там получше житуха-то, ясное дело, вот они и переселились. А кто у краника – куда ж ему, ему и тут хорошо! Правда, колпак позже появился, намного позже, когда поползли облачка прям, из сердцевины резервации на внешний мир. И то не сразу дело делалось-то! А большая страна была! Даже не одна, говорят, страна, много разных народов жило, непохожих... Не знаю, верить или нет? Теперь все разные, все непохожие – ну чего общего у Хряпалы с этим клопом на ножках?! Ничего! А у меня с хитрецом ихним? Ноль! Только теперь по-другому деление-то, теперь два народца-то: те, что за колпаком, и те, что тут! А может, тут лучше, а? Может, там вообще жизни нету?! Ведь никто из наших там не бывая. Они-то вот, однако, бывают. Редко, но бывают. Я на них зла не держу, ведь и в самом деле – не всем же подыхать в одной яме?!»

Чудовище освободилось полностью. Но сеть с уродливого горба не сбросило, и та колыхалась на нем дырявой накидкой, шалью.

Осторожно, чтобы не разбить, чудище приподняло зеркало в раме, поднесло его к стене и повернуло стеклом к камню.

«Пускай постоит. В темнотище его расколачивать – и радости-то никакой! Не увидишь, как мерзкое отражение рассы-

пается на мириады кусочков и исчезает. А это надо видеть! Иначе и смысла нету. А вот рассветет, и тогда...»

Чудище почувствовало мягкое ворсистое прикосновение, замерло. Кто-то подошел совсем близко и на ощупь пытался тянуть на себя сеть. Краешком глаза, перекатившегося под кожей почти к самому горбу, чудище увидало одного из своих давешних мучителей, того, которого называли Волосатый Грюня и которому за день от жоака и прочих досталось немало оплеух. Грюня нащупывал крюки, отбрасывал их. Почти ничего не видел, мало того что он был соней, он был и слепышом,

- Чего тебе? - не утерпело чудище.

Грюня с перепугу заорал благим матом, упал лицом в землю. Его трясло такой дрожью, что становилось страшно за него - еще выскочит из своей, волосатой шкуры!

- Не бойся, - произнесло чудовище мягче, - чего ты боишься?

Волосатый Грюня лежал ни жив ни мертв. Во всяком случае, дар речи он потерял надолго.

- Ну ладно, не хочешь - не отвечай.

Чудище засопело. Стало устраиваться на ночлег - прямо тут же, в развалинах, на том месте, где его мальчишки опутали сетью.

Но Грюня через некоторое время пришел в себя, осмелел.

- Я только хотел крючья повыдергивать, - сказал он, приподнимая заросшее шерстью лицо. - Не все, штук восемь. Чтоб ты сам потом выпутался... А я б убежал.

Чудовище засопело сильнее.

- Ну спасибо. А чего это так вдруг? Чего подобрел-то? - спросило оно.

Грюня не нашелся. Но он уже не дрожал. В темнотище чудище было совсем и не страшным. С ним можно было запросто побеседовать. Оно совсем не собиралось, похоже, проглатывать его, разжевывать, топтать, рвать когтями или еще как-либо уродовать.

- Хитрец Пак сказал, что завтра приведет сюда туристов, - промямлил нерешительно Грюня. - Или послезавтра, когда они придут... Мне страшно. Я не знаю, зачем он их хочет позвать, но мне очень страшно.

- Да ладно уж, не бойся, - проговорило чудовище. - Ты их видал когда?

- Угу. Только раз.

- Ну и что?

- Ничего.

- Вот и на этот раз ничего не будет. Не надо бояться. Они сюда глазеть приезжают. Чего их бояться?

- Ну, тогда я пошел? – просительно произнес Грюня.

- Иди, – согласилось чудовище.

Волосатый Грюня, оглядываясь ежесекундно и втягивая голову в плечи, натываясь на мшистые каменные обломки стен, поплелся в сторону поселка.

- И не бойся ничего! – крикнуло ему вслед чудовище.

Оно еще долго не могло после этого уснуть. Думало.

«Хороший мальчуган. Добрый. Сколько-то он протянет тут? Его можно было бы научить читать. Рассказать обо всем. А потом он бы научил кого-нибудь из мальчуганов, следующего. Ведь память должна храниться. Ведь должна? Или... Не знаю. Обречь на мучения еще одного? А чего ради? Каких таких целей ради? Вот свою цель я понимаю, пускай не все с ней согласятся, но она понятная. А вот память – зачем? Нет, лучше, наверное, не стоит. Добра в мире от нее что-то не прибавляется. Но и без нее не так-то много на свете этого продукта! Поди разберись, что лучше! И к чему это он упомянул про туристов? Ведь они же никогда не сходят с трапов, натянутых прямо над трубами? Ведь они же всего на свете боятся? Как это они придут сюда? Бред! Не придет никто. У них свои дела, у нас свои. Никто не придет, кроме самих мальчуганов. А они заслуживают того, чтобы их поугаать немного! Попугаем! Вот только пусть заявятся! Я думаю, они сделаются подобнее после этого. А как же!»

Начинало холодать. И чудовище ежилось под сетью. Ему было зябко а неудобно на этих продуваемых мокрыми ветрами развалинах – ведь и оно было живым существом.

Хитрый Пак проснулся еще до рассвета. Папаши в лачуге не было, он сегодня дежурил в ночную. Это означало, что он не получил очередной порции из краника вечером и должен был бродить по своему участку всю ночь, до тех пор пока не сменят. А как сменят – сразу можно будет хлебнуть горячащего и забыться! Хуже всего было вот в такие пересменки, раз в полгода, когда приходилось выдерживать больше суток без поила. Пак это уже понимал по состоянию своего молчаливого драчуна-родителя, хотя и сам мало вникал в такие дела – ведь к кранику его не подпускали.

И потому он поднялся сразу, без мучений, был бодр и свеж. Первым делом он вылизал вчерашние миски, там осталось немного баланды. Раздача откроется лишь днем. И потому ждать нечего. Он выскочил на улицу. Голова закружилась от тошнотворных аммиачных испарений. Снова прорвало где-то, решил он. И побежал будить Пеликана Бумбу и братьев Гурынь. Они жали ближе всех.

К рассвету ватага была в сборе.

Протирали глаза, жмурились, зевали, кряхтели, волосатый Грюня пошатывался, норовил плюхнуться прямо на землю. Его поддерживали, щипали за мясистые ляжки и прочие места. Переросток Хряпало, как и ожидали, ночью окочурился. Тело отволокли вниз, через два пролета, к отстойнику и сбросили его в люк. О Хряпале тут же забыли, были дела поважнее.

- Пошли кончать гадину! - предложил Гурыня-младший, вытягивая длинную шею и покачивая своей змеиной головкой.

- Успеется, - ответил Пак-хитрец. - Есть новость.

Все наострились. В их местечке новостей почти не бывало.

- Ночью с пересменки приходил Доходяга Трезвяк. Сами знаете этого болвана, что вкальвает за просто так, за миску баланды.

- Слыхали о придурке, - подтвердил Пеликан.

- Так он сказал, что сегодня туристы придут. Вон Грюня слышал, не даст соврать...

Грюня испуганно вытаращил глаз, круглый и заспанный. Промолчал, лишь кивнул.

- Да вы еще не все про туристов-то слышали? - презрительно скривил хобот Пак. - Молокососы! Ну, чего помалкиваете?

Выяснилось, что, кроме Пеликана Бумбы и Гурыни-старшего, никто толком не представлял - что это за существа такие, туристы.

- Ладно, увидите, - сказал Пак, - объяснять долго. Ходят тут по трапам, глазают. Им у нас интересно. Трезвяк сказал, что они сегодня в нашем местечке будут отлавливать уродов всяких, тех, кто к трубам не приписан, сами знаете.

- Давно пора! - согласился Гурыня-младший. - Развелось дряни поганой!

- Ага! - встрял Коротышка Чук. - Сам видал - рычат, плюются, говорить не могут! - Он скособочился и вымолвил: -

Да чего там, у меня брательник такой, из дому сбежал! Давно пора поймать гаденьша!

- Резаками их надо резать, вот что! - сказал Гурыня-младший.

Безмозглый и безъязыкий Бандыра; хлопал своими жабьими веками, тряс головой и помалкивал - ему явно не нравилось то, о чем говорил умный Пак. Но и уйти из ватаги он побаивался.

- Короче, отведем туристов к чудовищу! Поглядим, как они с ним... если не околеет, конечно, за ночь! - завершил Пак.

Ватага, как и обычно, согласилась с ним. Близнецы-Сидоровы озабоченно гоготали, похлопывала руками-ластами. Гурыни приплясывали вприсядку, сплетались шеями. Пеликан Бумба щелкал клювом и корчил рожи. Волосатый Грюня мирно похрапывал в ногах у балбеса Бандыры.

Одного Пак не рассчитал. Он устроил сборище невдалеке от папашиной трубы, на пути к лачуге.

Папаша Пуго возвращался с работы. Его качало из стороны в сторону. Руками, свисавшими до земли, папаша поддерживал равновесие. Шел целенаправленно, глядя в одну точку.

- Веселый! - воскликнул Коротышка Чуку.

Только тогда хитрый Пак заметил родителя и обернулся. Но было поздно. Папаша подскочил к нему а, уперевшись в землю тремя конечностями, четвертой выдал сыночку такую затрещину, что тот полетел напрямиком в канаву.

- Гы-ы-ы, гы-ы! - утробно порадовался папаша Пуго и пошел своим путем.

- Принял из краника, - завистливо проговорил Бумба.

Вылезший из канавы Пак врезал хорошенько ему и Коротышке Чуку. Погрозил вслед папаше клешней.

- Вот его бы первым под отлов... - просипел тихо.

- Его нельзя, - рассудил Бумба. - Он работник.

Туристы появилась лишь после того, как открылась раздача и всем выдали по миске баланды - работникам и их детям.

Грюня, будто замороженный, смотрел снизу вверх, на трапы и на тех, кто по ним шел. Он никогда в жизни не видел таких прекрасных существ. Сегодня ночью в развалинах, он соврал чудовищу. А теперь стоял и любовался, забыв про сон.

Туристы были все совершенно одинаковые, у них не было ни хоботов, ни змеиных шей, ни даже когтистых лап. Все они были высокие, стройные, у каждого было по паре длинных ног

7/31/92

и по паре коротковатых, на Грюнин взгляд, рук. Головы и лица же вообще были абсолютно сходны. Те, кто наблюдал такое единообразие, поражались – и каких только чудес не бывает на свете!

Правда, умный Пак пояснил:

– Не знаю – врет Доходяга Трезвяк или нет, но у каждого на роже маска напялена, какая-то дыхательная. Им наш воздух не нравится!

– Падлы! – возмутился Гурыня-младший

Один из туристов приостановился и бросил что-то в ватагу. Пак кинулся первым, подобрал кругляк в бумажке и пихнул его за щеку. Вкус был неприятный, необычный. Но Пак жевал, потом проглотил – раз съедобное, надо есть. Ему завидовали остальные.

Туристы водили из стороны в сторону какими-то поблескивающими штуками, останавливались, приседали, кидали еще и еще кругляки и прочие вещи. Но Паку больше не досталось. Староста согнал к трапу чуть не весь поселок – толчея была невообразимая: народ любопытствовал, глазел на туристов, те глазели на согнанный народ, все время показывали то на одного, то на другого, приседали, подсакивали, раскачивались и, похоже, были очень довольны и веселы.

Как ни кричал им Пак, как ни размахивал клешнями, то бил себя в грудь, то указывая в сторону развалин, все было напрасно – туристы не спускались вниз. Они лишь кидали да кидали кругляки да вертели своими штуковинами.

– Обдурил Трезвяк! – сделал вывод Пак-хитрец. – Доходяга чертов!

– Еще посчитаемся, – сказал Гурыня-младший. – Со всеми посчитаемся!

Туристы ушли к башне, от которой шел трап, и скрылись в ней. Нагляделись. Народ стал потихоньку расходиться. Многим в ночь надо было идти, ничего не поделаешь – смена, работа. Повеселились немного, отвели душу, пора и честь знать!

– Айда к чудовищу! – скомандовал Пак.

Близнецы-Сидоровы возбужденно загоготали. Коротышка Чук прижал лапки к груди и от избытка, чувств испортил воздух.

– Я не пойду! – прошипел Гурыня-младший. – Надоело в бирюльки играть, цацкаться!

Он резко развернулся и стал быстро удаляться.

- Пожалеешь! - крикнул ему вслед Пак.

Гурыня не ответил.

Его старший брат не посмел уйти, а может, и не захотел просто. И они все направились к развалинам.

Но они не нашли чудовища на месте. Между тремя каменными стенами лежала брошенная сеть да поблескивали мелкие осколки разбитого зеркала. По этим осколкам было сразу видно, что зеркало не само упало, что его долго и старательно расколачивали - чуть ли не в пыль.

- Ушла, гадина! - зло выкрикнул Пак и выругался.

Безмозглый Бандыра захлопал своими складными лапами высоко над головой, завыл протяжно.

- Живо обыскать все! - дал команду Пак.

Облазили все окрестности. Но чудовища нигде не было.

Начинало смеркаться. Идти по домам не хотелось. И Пак решил устроить на развалинах короткий привал. Улеглись прямо на грудах мусора. Спешить было некуда, каждый знал, что лучше прийти немного попозже, когда родичи, вернувшись от труб, забудутся под действием своего каждодневного пойла. И потому лежали, отдыхали, думали о своем. Паку представлялось, что его назначат старостой и он будет важный и толстый, станет покрикивать не только лишь на эту малышню, а на всех обитателей поселка. Близнецам-Сидоровым грезилась огромная, с корыто, миска баланды. Грюня спал, и ему ничего не снилось - темнота и пустота царили в его мозгу. Старший Гурыня думал о брате и о том, что у них не сегодня, так завтра обязательно будет стычка и придется младшему накидать хорошенько, чтоб не своевольничал. Коротышка Чук мечтал о том, что вырастет в великана и всем покажет! Бумбе представлялось, что он справился бы с обязанностями главаря ватаги ничуть не хуже хитреца Пака, может, и лучше. Бандыра ни о чем не думал, ему и так было хорошо.

Стемнело.

Чудовище выставило глаза из своего укрытия. Оно могло их вытягивать на стебельках-ножках, но не слишком далеко. В подвале, о котором из жителей поселка никто не знал, было сыро. Но чудовище терпело. Оно ждало ребятню с самого утра, намереваясь, как и было задумано, немного попугать нахальных и жестоких мальчишек. Но не дождалось. Решило спрятаться. Перед этим лихо расправилось с зеркалом - самым ненавистным своим врагом.

Уже сидя в подвале, оно решило – если пугать, так в темноте! При свете от такого «пугания» кого-то из мальчуганов могла и кондрашка хватить. А чудовище не хотело никому зла.

И вот наконец стемнело. Самая пора была выскочить из укрытия и с ревом броситься на них, размахивая щупальцами и топоча! То-то кинутся врассыпную!

«Пора! Чего ждать? Неужто за все мучения и унижения я не имею права немного поволновать этих сорванцов? Имею! Глядишь, и проснется в ком-нибудь из них сострадание, поймут, что не только лишь на силе и злобе мир держится. Пора! Хотя нет, надо выждать, пусть отдохнут, пускай, а вот когда встанут, начнут собираться... Эх, плюнуть на них на всех да по своим делам идти! Чего мне в этом городишке делать?! Нечего! Сегодня последнее раскокал! Не хватало еще с мелюзгой связываться!»

Чудовище собиралось уже вылезти. Но вдруг замелькали какие-то вспышки, пробились откуда-то лучи света – широкие и яркие, явно не те, что днем иногда пробиваются сквозь свинцовые тучи. В одном из таких лучей бежал змееголовый Гурыня-младший. Своим корявым обрубком он указывал на что-то. Кому? Это было непонятно.

Лишь мгновением позже чудовище разглядело странные машины на гусеницах. Но не те, что доводилось видеть на пожелтевших картинках, – а совсем другие – приземистые, обтекаемые, с башенками и торчащими вперед стволами. Чудище решило, что вылезать пока не стоит.

То, что произошло дальше, уложилось в одну-две минуты. Свет стал до невыносимости ярким. И Гурыня-младший нырнул из его лучей во тьму. Лишь вопль его сотряс воздух:

– Все, падла! Каюк!

В этом ярком свете заметались в трех стенах фигуры, отбрасывая резкие причудливые тени. Пружинистый четырехлапый Бандыра первым почувствовал опасность и прыгнул прямо на стену, вцепился в ее край. Тут же раздался отрывистый треск, и Бандыра, обливаясь черной на свету кровью, сразу прекратив мигать и хлопать своими прозрачными веками, сполз по стене. Его удивленно-глупая морда была обращена к машинам. Остекленевшие выпученные глаза посверкивали словно пуговицы.

– Шухер!!! – завопил хитрый Пак и метнулся к выходу из западни.

Из первой машины выскочили две фигуры – стройные и длинноногие, в одинаковых дыхательных, как и было сказано Паку, масках. В руках туристов были зажаты короткие трубки с рукоятками. Из них польхнуло. Снова раздался треск. Но Пак выскользнул. Он был уже в темноте.

Одна из машин, резко подав назад, принялась шарить прожекторами, выискивая беглеца. Стреляли наугад. От безумной пальбы, сопровождаемой невероятным треском, можно было сойти с ума. Оцепеневшее чудовище не верило ни глазам своим, ни ушам. То, что происходило, не укладывалось ни в какие-рамки.

Оно видело, как в луч прожектора внезапно попал Гурыня-младший, словно привидение, вырванное из темноты. Его тут же скосила отрывистая очередь. Гурыня привел их, Гурыня погиб от них! Странное происходило дело.

Совсем далеко, на пределе, нащупали прожектором Пака. И погнали, и погнали – одна из машин пропала в темноте. Оставшиеся две освещали каменный тупик. Туристов было уже четверо. Они стояли полукругом, преграждая выход. Но не стреляли.

В каменном тупике, сбившись в кучу, жались к стене Волосатый Грюня, глуповато-доверчивые Близнецы-Сидоровы, Бумба Пеликан, вовсе не радующийся исчезновению вожака, смиренный Гурыня-старший и съжившийся колобком Коротышка Чук. Бежать им было некуда.

Издали доносились приглушенные выстрелы. Туристы чего-то выжидали.

Чудовище поглядывало из своего подвала. Ему было как никогда жутко.

Первая очередь раскрошила камни над головой, заставила пригнуться и опуститься на колени. Вторая – фонтанчиком ударила перед стоящими в загоне, обдала их осколками гравия, щебня.

– Не надо!– выкрикнул Бумба Пеликан. – Вы ошиблись! Это не нас надо отлавливать!

– Мы из поселка! – пробубнил Грюня. – Не надо!

Третья очередь заставила опуститься их еще ниже.

Первым не выдержал Гурыня-старший. Он дернулся в сторону, потом вперед, норовя перевернуться на лету через голову и кубарем выскочить в темноту. У самой границы света и тьмы он распластался, вытягивая в последний раз свою шею и судорожно подергивая обрубками. Его тело зацепили

крючьями и забросили в большой металлический короб на корме машины. Туда же последовал и мертвый, полудеревяневший Бандыра.

Машины чуть отъехали назад, высвобождая проход пошире, но не ослабляя света прожекторов. Доверчивые Близнецы-Сидоровы, расставив свои ласты, пошли следом, пригибая головы пониже, на полусогнутых... Сначала убили одного. Голова его совсем свесилась, изо рта на комбинезон текла густая кровь. Но тело, управляемое второй головой, еще шло, и ласты так же топорщились... Дико заверещал Коротышка Чук, вжимаясь в стену, захрапел Бумба Пеликан. Но снова раздался треск. И вторая голова закинулась назад. Близнецы, немного постояв на опористых когтистых лапах, обмякли, словно опустевший внезапно мешок, тело их съежилось, запрокинулось набок.

В этот момент чудовище и выскочило из своего укрытия. Оно даже успело заметить, что не все из туристов стреляли, что двое водили какими-то штуковинами, лежавшими у них на плечах. И из этих штуковин не вырывалось пламя и не трещало, не гремело... Но было не до мелочей, не до деталей. В один прыжок, не помня себя от ярости, чудовище смяло своим тяжелым телом двоих, стоящих в центре, – их трубки не успели даже повернуться в его сторону. Захватив боковым щупальцем третьего, чудовище разможило его о стену. Четвертый, резко развернувшийся лицом к нападавшему, стрелял прямо в дрожащий зеленовато-серый бок, усеянный бородавками. Понадобилась доля мгновения, чтобы обратить его в кусок жижи, трепыхающийся у гусениц машины. Боли чудовище не почувствовало. Лишь онемели два щупальца.

И тогда начали стрелять из башенки. Но не по чудовищу. Оно стояло слишком близко, и ствол мог лишь упереться в него боковиной, но никак не отверстием.

Завизжал пуще прежнего Коротышка Чук. Молча упал Пеликан Бумба. Пополз, оставляя кровавую дорожку, Волосатый Грюня. Он был, наверное, сильно ранен. Но полз к выходу. Единственный круглый, широко раскрытый глаз смотрел с мольбой.

Чудовище чуть качнулось – и ствол уперся в броню машины, теперь он был скорее не стволом, а крюком, во всяком случае, стрелять из него было нельзя.

Грюня еще дышал, когда чудовище подошло ближе.

– Зачем? – пролепетал он. – Кому мы мешали?

- Ничего, все пройдет, ты же живой, - проговорило чудовище.

- Пак сказал, что будут отлавливать тех, кто не годен...

Из огромного глаза текли слезы.

Чудовище хотело сказать еще что-то. Но оно заметило, что глаз начинает стекленеть, и отвернулось...

«Несчастный Грюня! Его-то за что?! Отлавливать? Врете, не отлавливать! И даже не отстреливать особо деградировавших! Это все враки! Чистая ложь! А чего ж не поохотиться, коли тут резервация?! Коли тут все для охоты есть?! А какие трофеи?! У вас там, во внешнем мире, за колпаком, такие и не водятся! Так вот вы какие. Раньше вы на нас смотрели как на племя уродцев, несчастных, как на дармовых, за глоток сивухи и миску баланды, рабов! А теперь и так перестали! Теперь как на зверей смотрите, позабыв, что предки-то у нас одни, что прапрадедушки и прапрабабушки наши были сестрами и братьями! Ну ладно, давай! Тешьте себя! Поглядим еще - кто на кого охотиться будет!»

Погнавшаяся за Паком машина возвращалась. В тишине ее лязг был особенно слышен. Наверное, находившиеся в ней уже сообразили, что дело неладно.

Чудовище спряталось за стеной. Оно знало, что надо делать.

Когда машина подъехала ближе и остановилась, чудовище подпрыгнуло и обрушилось всей массой на башенку. Броня выдержала, но ствол, торчащий из нее, превратился в кривую загогулину. Почти сразу чудовище сползло назад. И не ошиблось - люки откинулись. И наверх выскочили трое с трубками. Они ничего и никого не боялись здесь. Они знали, что обитатели резервации не имеют никакого оружия, что это вырождающиеся мутанты, не способные толком защитить себя... И они просчитались. Их смерть была мгновенной и почти безболезненной. Все! С туристами было покончено.

Чудовище заглянуло в короб на корме. Там лежал скрюченный Гурья-младший в изодранном очередями комбинезоне, со свернутой шеей. Рядом полусидел умный и хитрый Пак - хобот его был рассечен надвое, на лысом огромном лбу зияла дыра. Видно, в последний миг Пак успел повернуться к преследователям лицом. Но теперь это не имело ровно никакого значения.

«Сволочи! Они всегда были сволочами! И мы виноваты тоже!»

Чудовище по одному отнесло тела мальчуганов к потайному подвалу, спустило их вниз.. И завалило камнями, обломками кирпичей. Сверху накатило огромный цементированный кусок стены. Чужаков-туристов оставило как они и были.

Потом оно немного передохнуло. И, не оглядываясь, побрело прочь из городка.

«Все будет как прежде. В поселке и не заметят пропавших. Кому какое дело до них! Ну и пусть! Они сами по себе, а я сам по себе. У них там свои дела, своя работа. А у меня все свое, собственное. Нам рядом не ужиться. Эти, конечно, придут еще. Все расследуют, все определяют. Будут искать. Пускай ищут! Плевать на них! Пускай отстреливают, отлавливают! Пускай охотятся! И пускай знают – и на охотников охотник същется! Я не пугаю. Мне до них нет дела. У меня своя цель. И я ее не собираюсь менять. У меня нет другой цели. Я буду их бить! Крушить! Расколачивать вдребезги! По всем городкам! По всем местечкам! По всей нашей бескрайней резервации! А когда я расколочу последнее и мир перестанет двоиться, я выберу самый большой, самый острый осколок и перережу им собственную глотку!»

—Вы все тут безмозглые кретины! Недоумки! Обалдуи! Дурачье! — орал, разбрызгивая по сторонам слюну, Буба Чокнутый. — Олухи, дерьмом набитые! Недоноски!

— Потише ты, разговорился! — попробовал его унять Доходяга Трезвяк.

Но разве Бубу уймешь! Это лет двадцать назад, когда его перешвырнули из внешнего мира сюда, с ним можно было сладить. Но и тогда он был самым настоящим чокнутым. А теперь и вовсе свихнулся.

— Да я за вас за всех глотка пошла не дам, сучьи потрохи! Вы же, падлы, туристов не знаете! Да они через два часа здесь будут, да они нас всех передавят, как щенят, поняли?!

Семиногий котособаченок Пипка обиженно всхлипнул под лапой Бубы, но выскользнул и отполз подальше от греха — даже он понимал, что с Чокнутым лучше не связываться.

— Ууууа-а, — тихохонько пропел из угла папаша Пуго.

Он лежал прямо на полу а луже собственной мочи, несло от папаши псиной я еще какой-то дрянью. И надо было бы выкинуть его из дома собраний, да только пачкаться никому не хотелось – лежит, ну и пускай лежит, все ж таки работник, заслуженный обходчик, мастерюга. Вот продрыхнется – и опять в смену заступит. Лучше него знатока своего дела и не найдешь!

– Ты потолковой разобъясняй, едрена кочерыга, – вставил инвалид Хреноредьев. – Я тя, почитай, битый час слушаю, а в ум никак не возьму!

– Во-во! Я и говорю – тупари! Идиоты! – взъярился пуще прежнего Буба. – Пока вы прочухаетесь, туристы здесь будут! Нам кранты всем! Они за своих посчитаются, перебыют всех до единого, ясно?!

Бубу слушали. Да и как не слушать, в поселке давно не было никого из того мира. Один Буба только и знал повадки тамошних. Правда, болтал иногда такое об этом самом внешнем мире, что хоть стой, хоть падай, загибал, небось! А тут переполошился, прямо из шкуры вылезти готов. Нет, Трезвяк Бубе не доверял. И все же, кто его знает!

– Давай сначала! И неразборчивей толкуй!

Буба налился кровью, стал багровым и страшным – вот-вот не то лопнет, не то всех перекалечит. Нервишки у него были расшатаны еще с тех пор. Хотя и подлечился здесь немного, без ширева-то. Ведь загибался двадцать лет назад, до последней стадии дошел. Его когда перешвыривали, так и думали: подойдет здесь, точно, подойдет. И он сам так думал. Но оклемался, за год всего-навсего, выправился. И еще пять лет ходил, не мог поверить, что без ширева его ноги носят.

Возврату из зоны назад нет, это и Чокнутый знал. Потому не просился назад, чего возникать попусту! От этих рож его поначалу тошнило. Он их за галлюцинации принимал, за продолжение своего горячечного бреда. А потом привык, ко всему привыкнуть можно. Особенно тут.

– Последний раз объясняю, – проговорил он надтреснуто, пытаясь взять себя в руки. – Эта тварюга горбатая, что по пустырям ошивалась да стекляшки кокала с малышкой нашей, десяток туристов за раз угробила! Там, в развалинах! Просекли момент?!

– Я пошел прятаться, – сказал Доходяга Трезвяк и встал. Бегемот Коко преградил ему путь.

- Ну уж нет, братишка. Тебя в совет выбрали, так советуйся давай, а то я те харю-то набью сейчас, при людях, избранничек хренов!

- Ты мене не трожь, сука! - вскочил инвалид Хреноредьев.

Бегемот дал ему щелчка, и инвалид опустил на свое место.

- Извиняюсь, стало быть, - поправился все же Коко, - не хренов, а херов! Суть не меняется!

- То-то! - твякнул Хреноредьев. Он был удовлетворен.

Трезви понял - не выбраться.

- Так вот, дорогие посельчане, - продолжил Чокнутый, - они из своих пушек нас всех как солому пережгут. И на развод не оставят! За каждого ихнего по тыще наших ухлопают! И все равно ведь найдут, ясно, оболтусы?!

- Больно едрено! - вставил Хреноредьев. - В одночасье не скумекаешь, кочерьжь ты через полено!

Буба вспрыгнул на стол, топнул сапогом, что было мочи, потом еще раз - пяток он не жалел.

- Молча-ать! Всем молча-а-ать!!!

От дикого шума проснулся папаша Пуго. Не разобравшись, в чем дело, он с воем и визгом пронесся через всю комнату из своего угла прямо к окну - и сиганул в него. Через мгновенье округу потряс истошный вопль, видно, приземлился папаша не слишком удачно.

- Матерый человечеще, - задумчиво проговорил в тишине Бегемот Коко и скрестил на груди все четыре руки.

- Одно слово - работник! - поддержал его Хреноредьев. - Ноне таких и не осталось, повымерли все.

Буба сразу как-то успокоился, спихнул со стола Пипку. Выпил воды из жестянки - вода была ржавая и отдавала керосином.

- Думайте, придурки, или всем загибаться, или...

- Чего примолк, договаривай! - Бегемот был настроен решительно.

- ...или будем сообща отыскивать виновных! Понятно?!

- Мазуту объелся, что ль! - ее выдержал Хреноредьев - И где ж ты его, виновного-то, отыщешь теперя?! Она, гадина, умотала, как ее, эта, горбатая которая... Да и не возьмешь ведь голыми руками, едрит ты дурошлепа!

Бегемот кивал. В такт движениям его огромной головы, покачивалась мясистая, на пол-пуда, губа, глаза были туманные.

- Инвалид прав.

- Дурак ты, Коко, недоделанный! И Хреноредьев твой - остолоп, тупица, дебил! - Буба был готов выпрыгнуть вслед за папашей Пуго в окошко. Он с трудом сдерживал себя, чтоб не перейти в рукопашную с членами поселкового совета. - Дегенераты! Не надо никого искать и ловить! Это дохлый номер! Выдвинем своего, нашенского виновного, обяжем... и сдадим туристам, дескать, весь спрос с него! Понятно?!

В комнате стало совсем тихо.

- Ну, какие будут предложения? Кто чью кандидатуру выдвигает?! Пошевеливайте мозгами, кретины!

Тишина стала зловещей.

- Иначе всем крышка!

В эту минуту что-то зачавкало, захрюкало. Завоняло псиной. Сначала появились две огромные мохнатые лапы, они вцепились в края подоконника из-за окна. Потом показался и сам обладатель лап - папаша Пуго. Он залез внутрь, уселся на подоконник, поскреб волосатую грудь и радостно осклабился.

- Гы-ы, гы-ы!

Все как один уставились на него.

- Выбирать надо лучших! - твердо произнес инвалид Хреноредьев. И добавил от полноты чувств: - Едрена-матрена!

Котособаченок Пипка осторожно, оставляя мокрые следы, пополз к выходу. Папаша Пуго поймал его длиннющей своей лапой, поднес к обезьяньим губам, поцеловал слоняво, потом прижал к груди и стал медленно и тяжеловато поглаживать.

- Лучше обходчика Пуго в поселке никого нету, - сказал Бегемот Коко.

- Гы-ы, гы-ы, гы-ы! - папаша Пуго любил, когда его хвалили.

Буба Чокнутый слез со стола, оправил комбинезон на впалой груди, откашлялся и, стараясь придать голосу солидное звучание, спросил:

- Будем голосовать?

- А как же, едри ты кочергою!

- Я попрошу воздержаться от реплик! Кто за нашего доблестного и достойнейшего поселчанина, передовика и трудягу папашу Пуго, поднять руки.

Бегемот задрал вверх все четыре. Инвалид Хреноредьев махнул своим обрубком. Доходяга Трезвяк проголосовал не сразу, будто было о чем думать! Молчавшую до того мастерицу и активистку Мочалкину-среднюю насилу добудились, но и

она, озираясь помутневшим сиреневым глазом, позевывая и роняя слюну, последовала общему примеру.

Буба Чокнутый с приторной улыбкой на синюшных губах направился было к избраннику. Но остановился на полдороге – уж больно от того воняло – и торжественно провозгласил:

– Это большая честь, поздравляю!

Папаша снова ослабилась и на радостях напустил еще лужу. Но теперь это не имело ровно никакого значения.

Хитрый Пак очнулся от холода. Никогда в жизни он так не замерзал, пробрало до самых костей, до позвоночника. Его мелко, но неудержимо трясло. Кроме того, было совершенно темно, почему-то невероятно тесно – как никогда не бывало в их лачуге – и сыро. Он ничего не помнил, ничего не мог понять.

Первое же движение доставило ему лютую боль от мизинцев на ногах и до кончика хобота, будто его бросили в горящие угли.

– Э-эй! – тихо позвал он.

Но никто не откликнулся.

Надо было что-то делать. Превозмогая боль, Пак качнулся вправо, потом влево. Он был зажат меж каких-то ледяных тел. Каких именно, в темноте невозможно было разобрать.

Неужто в отстойник выбросили, подумалось Паку, вот ведь сволочи! Вот гады! За что?! Ведь он такой здоровый, такой сильный! Ведь из него выйдет отличный работник, ничуть не хуже папаши, может, и получше еще!

Оскальзываясь, опираясь о камни, отпихивая от себя оочевевшие тела, он полез наверх. Он знал, надо лезть именно наверх. Там мир, там жизнь, там все! А здесь – смерть, удушливый смрад, трупы, трупы, трупы...

Через час, совершенно обессилов, он выполз из подвала. И тут же потерял сознание.

Он не знал, сколько пребывал в беспамятстве. Но когда открыл глаза, увидел над собою змеиную головку Гурыни-младшего. Тот был весь в кровище, ободранный и страшный. Но глазки, холодные и злые, глядели вполне осмысленно.

– Прочухался?!

Гурыня пнул Пака ногой в бок. Тот застонал.

– Это ты, гаденыш?! – спросил Пак, кривясь от боли. – Выжил, сволочь!

Он вдруг сразу все вспомнил – неожиданно, в одно мгновение. И развалины, и поиски чудовища, которое они пленили за день до этого, и длинноногих туристов на тропе, а потом тех же туристов на бронемашине, с оружием и блестящими штучковинами. Он вспомнил ужасную ночь, выстрелы, погоню. Он вспомнил все. Но ему показалось, что было это давным-давно, сто лет назад, и было совсем не с ним, а с кем-то другим. И все же первым вернулось главное – предательство Гурыни-младшего, это он привел туристов!

– Уйди, тварь поганая! – прохрипел Пак.

Гурыня снова ударил его ногой в бок. Помешкав, пнул в висок. Но не слишком сильно.

– Они думали, я окочурюсь, – прошипел он и рассмеялся, мелко, нервно. – На-ка, выкуси!

– Уходи! – повторил Пак.

– Шя, побежал!

Гурыня неожиданно цепко и сильно ухватил Хитрого Пака за щиколотки и поволок. Пак даже не видел, куда его тащут. Он лишь вздрагивал на каждом камешке, на каждом обломке, попадавшем под спину.

– Хрена им всем! Вот что я скажу! Не на того напали! – приговаривал Гурыня на ходу. – На мне все заживает в пять минут, понял?! Я как-то брюхо пропорол арматуриной, ржавой, падла, как терка иззубренной. Так чего думаешь, сдох! Хрена! Я всех переживу. Всех в отстойник отволокут, а я тока сверху подпихивать буду, понял?! Ты тоже живучий, я знаю. Во как засадили – в пять очередей, небось, а вон, гляди, три железяки вышли уже и ран не видно, одни пятнышки. Не бойсь, к вечеру-то оклемаешься. А нет, так я те все бока отобью, я те рожу расквашу, теперь я сильней, я вожак, понял?!

– Сука-а... – Пак не мог говорить.

– Давай, давай! Я те за каждую обиду отвешу!

Гурыня не шел, а почти бежал, волоча за собой Пака. Он совсем не разбирал дороги, и потому спина Пака начала кроветочить – на грунте оставались темные маслянистые пятнышки.

– Уматывать надо по-быстрому, понял?! Ты ж у нас самым умным был, самым хитрым! Чего ж ты, падла?! Не соображаешь, что ли, или вовсе мозги отсырели в подвальчике?! Застукают на месте – второй раз на тот свет отправят, понял, падла?!

– Они все равно найдут, дур-рак!

- Поговори еще!

Гурыня остановился на секунду и, не оборачиваясь, врзал Паку пяткой. Тот охнул и снова потерял сознание.

Последнего любовника Эда Огрызина задушила ночью, в собственной постели, прямо посреди старого пыльного и дырявого, но огромного матраса, доставшегося ей от бабки, сошедшей с ума.

И не то чтобы она на него держала зло. Нет, просто он ей надоел до предела, опротивел. Это он-то и прозвал ее Огрызиной. А какая она Огрызина?! Никакая вовсе не Огрызина, а милая женщина средних лет, хорошенькая и пухленькая, таких баб мужики любят.

Предыдущие двое мордовали ее каждый божий день. По вечерам. Как приходили со смены, так и принимались лупцевать. Но зато как потом любили! Вдвоем! До слепоты в глазах и поросячьего визга, до судорог и колик! Нет, тех двоих Эда никогда бы не придушила. Но они ушли сами: один к этой уродине Мочалкиной-средней, расплывшей мокрице, а другой вообще сгинул, из поселка пропал. Иди – свищи!

Когда Гурыня-младший приволок к ней Хитрого Пака, Эда готовила тюрю для детишек. Ей было наплевать, сколько ртов в хибаре – двадцать восемь или двадцать девять. Хотя нет, она припомнила, что троих недавно отволокла к отстойнику, отмучились трое. Стало быть, меньше дармоедов!

- Пускай отлежится! – сказал Гурыня и для подкрепления своих слов треснул Огрызину по лбу, так, что та плюхнулась на задницу. – Тут его хрен найдут. Но гляди, продашь, падла, я те все восемь зенок по очереди выдавлю, вот этими! – Гурыня растопырил на обрубке свои черные крючковатые костяшки.

- А мне что! – ответила Огрызина, – Мне все до фига!

- Соображаешь.

Гурыня убежал.

Даже среди обитателей поселка Эда Огрызина выделялась своими необычайными способностями. Она рожала по шесть раз в году и всегда тройнями. Большинство ее детенышей погибало. Кое-кто уползал в развалины. Она никого не прогоняла, но никого и не удерживала. Да она и не помнила всех в лицо – поди, запомни этих паразитов проклятущих! Каждый – ни в папаш, ни в мамашу, а в черта с дьяволом и всех их соратничков. Эда ничего не знала да и никогда не слыхивала даже о

мутациях и прочих ученых вещах. Для нее что было, то и было, то, значит, и должно было быть. Ей, и вправду, все было до фи́га.

- А ты дышишь? - спросила она у Пака. - Или околел слушаем?

Пак дышал. Ему становилось лучше. Прав был Гурыня, предатель подлый, наведший на его ватагу туристов, решивших малость поохотиться в экзотических условиях. Прав!

Огрызина оглядела Пака и, решив, что не такой уж он и маленький, положила с собой рядышком, прямо на старый бабкин матрас. Только толку из этого не вышло, силенок у раненого явно пока не доставало.

К обеду Огрызина сбежала на площадь, посудачила с хозяйками. На площади сегодня было совсем пустынно. Но кое-что удалось выведать.

- Слушай, ты, Хитрец, - скороговоркой пробубнила она в самое ухо лежавшему, склонившись над ним, нависая шарообразным оплывшим телом и беспрестанно мигая всеми своими колючими поросячьими глазками. - Слушай, чего говорят-то! Твоего папаньку, работника Пуго, сегодня туристам на расправу отдадут, усек?! Говорят, вчерась ихних приشلепали, тех самых, что в развалинах выродков ловили, усек?

Пак ничего не понимал.

- Так ото, оказывается, папанька Пуго их придавил там, во дела какие! Не, ты тока подумай, Хитрюга, это ж надо, а?! Такой скромный на вид, такой честный, такой работающий - передовик! И чего отмочил!

- Вранье! - отрезал Пак.

- Я те точно говорю! Зуб даю! - Огрызина лязгнула челюстями, и один зуб, черный, изогнутый, с зелененькими прожилками, выпал Паку прямо на грудь. - Ой, чего это?! - Огрызина сама перепугалась. Но потом смахнула зуб на пол, в грудку мусора у матраса. - Старею, небось! - кокетливо проговорила она и захихикала.

- Все вранье! - повторил Пак.

- Ну и не верь, мне-то что!

Пак приподнялся на локтях и прислонился к стене. Силы прибывали, тело почти не болело. Он даже сумел ощупать себя клешнями - вроде бы все было на местах. Хотелось пить. Но он терпел.

- Чего еще болтают?

Огрызина оживилась, захихикала.

- Болтают, что все равно побьют народец, всех под корешок срежут, вот чего. Ты, Хитрец, этого не поймешь, тут в погреб надо лезть, вот я чего скажу.

Пак сморщился.

- Дура!

Огрызина повернулась к нему и выдала хорошую оплеуху. Пак полетел с матраса прямо в кучу мусора. Но теперь он смог сам подняться, вскарабкаться на тряпье. И он даже не обиделся на туповатую, но простодушную Эду, чего на нее обижаться!

- Как есть - дура!

Огрызина вышла, покачивая крутыми мясистыми боками, волоча за собой жирный тюлений хвост, который помелом гнал по углам пыль, но пола не расчищал. Огрызина в подпитии говаривала, что хвост ей достался по прямой линии, от дедушки. Но никто не видал того живьем, даже старожилы поселка. Да и какая разница, тоже - фамильное наследство! Дед сошел с ума прежде бабки. И Эда якобы самолично отволокла его, еще полуживого, к отстойнику, будучи совсем девчонкой. Но это были явные враки, потому что никто ее девчонкой не помнил, она всегда была матерой и ядреной бабищей.

Только она исчезла, как появился загнанный и мокрый от пота Гурыня. Он без разговоров подбежал к матрасу, выдернул из-за спины что-то длинное и поблескивающее и пребольно стукнул этой штуковиной прямо по лбу Паку.

- Гляди чего у меня!

Пак ткнул клешней в брюхо Гурыне. Тот отшатнулся.

- Ого! Оживаешь, падла! Может, тебя кокнуть, пока совсем не ожил, а?

Гурыня навел на Пака железяку с маленьким раструбом на конце, но на спусковой крюк не нажал. Лишь затарахтел - громко и неумело, подражая ночным выстрелам.

- Кончай паясничать! - сказал Пак. - Дай сюда! Гурыня понял, что вожак не собирается уступать своих прав, и обиженно зашипел. Отступил на шагок.

- Обожди, падла, я те чего?! Я тя вытащил откуда, забыл, что ли, у-у! - Гурыня взмахнул железякой. Но тут же размяк. - Да ладно, не бойсь! Видал, чего нашел, а?! На пустыре, понял, падла? Я там еще припрятал, для тебя. Понял? Не, ты понял, падла?!

Пак закричал и снова наморщился.

- Ну и дурак!
- Чего-о?!
- Того-о! Дурак, говорю.
- Я тя щас, падла...

- Не шуриши, щенок. Она ж сама не стреляет, к ней еще такие штуковины нужны! Говорю тебе, дурак – ты и есть дурак!

Гурыня расхохотался, откинув далеко назад длинную шею, покачивая змеиной головкой.

- Все есть, умник! Ты думаешь, один ты хитрец, падла? Не-е, врешь. А будешь возникать, я тя, падла, в ватагу не приму, понял?!

Пак горько усмехнулся.

- Ватага... Какая там ватага, дурак, все парни полегли, в подвальчике друг дружку греют. Ты, сука, продал!

Гурыня изловчился и еще раз треснул его по огромному лысому до самой макушки лбу, так, что у Пака звезды из глаз посыпались.

- Я б ты мог там придавить, падла! Понял?!

- Ладно, заметано! – отрезал Пак. Больше всего ему не хотелось вступать сейчас в длительные и бесполезные споры.

- Ну и ништяк! – обрадовался Гурыня. Он был отходчивым малым.

- Чего там про папаньку болтают?

Гурыня вытянул шею.

- А их поймешь, что ли?! Охренели вообще, падла, то ли наградить собираются, то ли повесить – не разберешь! Таскают по поселку, каждый по глоточку ему из запасов дает... Но разве ж эту бочку, падла, напоишь! Да он всю трубу высосет и не охренеет!

Паку было наплевать на папаньку. Но раз за него взялись, могут и до самого Хитреца Пака добраться. И доберутся ведь! Тогда все, тогда кранты. И не оживешь больше!

- А ты его это... кокни из железяки. Слабо?! – Пак смотрел прямо в глаза Гурыне. – Помнишь, как он тебе в зубы дал.

Гурыня поковырял указательной костяшкой во рту, пробубнил нечто неопределенное. Потом глазки его загорелись.

- А че, щас пойду и кокну! – сказал он, зверея на глазах. – Кокну падлу, сучару вониючую! Я его давно собирался кокнуть! Тебя тока боялся, все ж таки папанька! Кокну, гадом буду, кокну!!!

Пак привстал с матраса и дал Гурыне увесистую затрещину. Тот опешил.

- Еще раз ссучишься, дешевка, я тебе шею твою змеиную узлом завяжу, усек?!

Гурыня кивнул. Он все усек, он вообще был очень понятливым. Он сообразил, что Пак оклемался и уступать места жожака вовсе не собирается. Но все же он счел нужным напомнить:

- А кто ты, падла, спас, а? Ты не забывай, Хитрец, ладно? Я ж ты выручил, другой бы бросил подыхать, точняк бы бросил.

- Ладно, сочтемся, - сказал Пак как-то двусмысленно.

Но у Гурыни полегчало на душе.

- Надо когти рвать, - прошипел он на ухо жожаку, - тута все равно захомутают, падлы! Долго на дне не пролежишь. А они и с дна достанут.

В комнату вполз один из детенышей Эды Огрызины. Должно быть, выбрался как-то из хлева, осмелел с голодухи. Детеныш был противный, гадкий: весь зелененький, сыренький, пухленький, на шести тонюсеньких ножках. Головы у него не было - прямо из жирного брюшка смотрели мутненькие глазки, один зеленый, другой красный. Детеныш причмокивал, верещал - есть просил.

Вот ведь гады нарождаются, подумалось Паку. И что за молодежь пошла такая! Кто работать станет через десять лет?!

- А ну-ка, испробуй на гниде! - сказал он Гурыне.

Тот встрепенулся, обрадовался. Повернул ствол к детенышу. И уже тогда Пак сообразил, что железяка у Гурыни была заряжена. Он, Хитрый Пак, самый умный в округе малый, с огнем играл!

- Получай, падла!

Раздался хлопок. Совсем тихий, не похожий на ночные. И детеныша разнесло в клочья. Стены, пол, потолок хибары, а заодно и Пака с Гурыней забрызгало желтой вонючей дрянью. Похоже, кроме нее ничего во внутренностях детеныша Эды Огрызины и не было.

- Нормалек! - сказал Пак и протянул клешню. - Дай-ка сюда пушку.

- Чего?!

Пак молчал.

- Чего, падла?! Чего?! Это ж я нашел, моя!!!

Пак вырвал железяку. Ударил Гурыню ногой в пах. Тот скрючился, потом уселся на пол, начал качать головой из стороны в сторону и тихонько подвывать.

- Ладно, не плачь, чего ты? У тебя ж еще есть, сам говорил. Наврал, небось?

- Е-есть, - подтвердил Гурыня, - е-е-сть, зачем отнял?!

Пак ударил его по голове железякой, чтобы не возникал. Гурыня все понял.

- Чего делать-то будем? - поинтересовался он совершенно обыденно и спокойно, без нытья.

- Поглядим еще, - ответил Пак.

Рассвело в этот день позже обычного - наверное, опять нагнало большую тучу с востока. А там совсем плохие дела, там не светает уже много лет, так и стоит дым с копотью столбом - хочешь, дыши, хочешь, не дыши, твоя воля.

Но Чудовище брело именно в том направлении, на восток - какая разница, где бить эту мерзость! А найти везде найдут!

По дороге оно вытащило из заплечного мешка малюсенькое карманное зеркальце, погляделось в него искоса, вполглаза, а потом медленно и сладострастно растоптало, чуть ли не в пыль.

Вот так вот! Всем им так!

Изрешеченная пулями конечность немного побаливала. Но совсем немного, ранки на волдыристой коже затянулись, так, бередило слегка кость, сухожилия - как от дурной погоды. Только ведь погода здесь всегда дурная, куда денешься!

Было жаль погибшую малышню, даже туристов становилось жаль - и они не рассчитывали найти могилы в этой поганой дыре. Да что поделаешь, сами напросились! Чудовище все понимало, все чувствовало. Но плакать оно не умело.

После расправы над туристами надо было улепетьвать как можно быстрее, заметать следы, прятаться, а может и уйти на глубины - на второй или третий ярус, а то и в самую преисподнюю, туда, где в переплетении труб черт ногу сломит. За двести лет было столько понастроено, понапроложено, понавязано и позапутано, что и разбираться бессмысленно, все одно не разберешься. И все ж таки на глубины не манило.

Идти напролом, через пустыню, было опасно. И Чудовище решило заглянуть к Отшельнику, посоветоваться. Когда-то Отшельник давал ему самые толстые и самые интересные книги. Но он давненько не показывал носа из своей берлоги, может, болел, а может и помер.

Берлога была километров за тридцать от поселка, у самых холмов. И Чудовище, без долгих раздумай, свернуло к ней.

В прошлый раз то ли лаз был пошире, то ли само Чудовище поуже да порезвей, короче, протиснуться сразу не удалось, пришлось расширять дыру, оббивать спекшиеся края лаза, закаменевшие и глинистые.

Раза два или три Чудовище отвлекалось от этой нудной работенки – наверху, там, где должно было быть небо, что-то начинало трещать, трещало, трещало, а потом и смолкало. Что там могло быть? В небе никто не был, откуда знать! Шум стихал, пропадал, но и тишина не несла душевного равновесия. Муторно было.

Наконец удалось протиснуться в дыру. Выдохнув из себя остатки воздуха, Чудовище проползло несколько метров в темноте лаза, оттолкнулось от внутреннего края и мягко перевалилось в воду, почти не ощущая ее теплого нежного касания. Все здесь было как встарь.

«Вот ведь, устроился Отшельник! Живет и не тужит. Всем бы так жить! И за каким дьяволом меня носит по поверхности! Им там хорошо в поселочках, у труб! Они насосутся из краников, похлебают баланды у разливной – и счастливы до следующей смены. А мне-то чего там делать? Любоваться на их счастливые рожи? На папашу Пуго любоваться, что ли? На этого облезлого дегенерата, так и не научившегося разговаривать, но выполняющего двойные нормы по обходу труб?! Так, что ли?! Да и что это вообще такое – двойные нормы обхода? Разве от того, что обойдешь чего-нибудь два или три, а то и четыре раза, мир лучше станет, или, может, изменится что-то?! Ведь нет же!

Все они там чокнутые. Не только лишь один этот Буба. Подумаешь, он из внешнего мира! Не помнит ни хрена. Он в этом мире в бреду жил, только здесь-то и прочухался. А тоже мне, председатель поселкового совета! Сам себя выбрал, сам всю эту канитель затеял. А кому она там нужна? Папаше Пуго? Или может, дуре Мочалкиной? Им на все наплевать! Даже Хреноредьеву, как бы он ни пыжился и ни корчил из себя ветерана, наплевать ровным счетом на всех до единого! Но все равно, они – это они, пускай сходят с ума – хотя и сходить-то вроде бы не с чего – пускай развлекаются, как хотят. Но мне-то что?! Не-е, пора в глубины! Пора самому в отшельники!»

С такими мыслями Чудовище вдохнуло поглубже и погрузилось в воду с головой.

И хотя оно неплохо видело в темноте, в этой крошечной подводной тьме ориентироваться приходилось в основном

наощупь, по стеночкам – шершавым, обросшим полипами и водорослями.

У самого дна протиснулось еще в одну дыру, пошире первой, проползло несколько метров – там начинался подъем, снова по стеночке, впритык. Но здесь было посветлее, сверху пробивался свет лампочки, пусть и совсем слабо, но пробивался.

Вынырнув, Чудовище огляделось и медленно, прямо из воды начало подниматься по скользким ступенькам к большой железной двери. Над ней и висела совсем крохотная тусклая лампочка. Горела себе, как могла, как получалось, освещала путь, а значит, и Отшельник был жив.

Поднявшись на площадку перед дверью, Чудовище тем же манером, что стряхивают с себя воду собаки, передернулось – от головы до кончиков щупальц. И замерло.

Отшельник обычно открывал сам. Надо было подождать: пришел в гости, так и веди себя как гость.

«Интересно, как они там? В поселке, небось, всю шуруют, разыскивают виноватых. Еще достанется олухам этим! Они понять-то не смогут, за что их наказывать хотят! Точно не поймут! А может, и обойдется? Буба Чокнутый остатками мозгов пораскинет, сумеет вывернуться! А нет, так это их личное дело, мне-то что! Но, скорее всего, никого обижать не станут, ведь они-то там, за куполом, за стеночкой и барьерчиком, они-то ведь нормальные, должны ведь понять, что к чему! Должны, должны... А кто их знает! Ежели облавы устраивают, так может, и они свихнулись! Ладно, Отшельник умный, он все растолкует».

Дверь не открывалась.

Чудовище, поразмыслив немного, подняло с площадки обломок кирпича и постучало по ржавеющей, покрытой множеством мелких капелек металлической поверхности. Дверь поддалась, чуть сдвинулась. Она была незапертой! Чудовище удивилось, обычно Отшельник не страдал забывчивостью, всегда запирает за собой. Но надо было идти, куда теперь деваться!

В коридоре с потолка капало, видно, прорвало где-то трубу. Капала явно не вода, а какая-то мерзкая жижа с сильным отвратительным запахом. Коридор был длинным и пустынным. Каждый шаг отдавался эхом под его сводчатыми потолками. Но это была еще не пещера. Это были лишь подступы к пещере. Вот только автоматика не работала – ходи-броди сколько влезет!

Чудовище отмерило нужное количество шагов до потайного люка, прижалось к нему всем телом. Крышка люка сползла набок. Теперь оставалось подняться по винтовой лестнице на три пролета, миновав три площадки. Там пещера.

- Это ты, Биг?

Голос (позвучал неожиданно, из стены. И это был вовсе не голос Отшельника, а какой-то старческий сип, тусклый и невыразительный.

Чудовище вздрогнуло. Мышцы буграми перекатились под сырой пористой кожей, большой горб, соединяющий голову со спиной, напрягся, вздыбился еще сильнее, круче.

- Это я, Отшельник, - ответило оно так же тихо.

- Ну, проходи, чего встал! Забываешь старых друзей, чуело?!

Голос совершенно не вязался с шутливым тоном. И это настораживало.

- Проходи, проходи!

Сделав еще несколько шагов, чудовище оказалось перед деревянной перекошенной дверцей, висящей на старинных бронзовых петлях. На дверце была прибита одним гнутым гвоздем табличка с кругленьким благообразным черепом, пронзенным зигзагом молнии. Табличка также была старинной, теперь такие делать не умели, по крайней мере здесь, под куполом. За дверцей и находилась пещера, обиталище Отшельника, его Берлога.

- Ты заснул там, что ли? - спросил старческий голос, но уже бодрее.

- Нет, я иду! - ответило Чудовище и дернуло на себя ручку дверцы.

Пещера была огромна. Не пещера, а целый зал с высоченными, увешанными каменными сосульками всех цветов потолками или сводами, с уходящими во тьму стенами, с гладким, будто мозаичной плиткой выложенным полом. Посреди этого пустынного зала стоял грубо сколоченный деревянный стол, заставленный пустыми пыльными бутылками. Рядышком валялся колченогий стул с гнутой спинкой, явно не самодельный. Но за столом никого не было. На этот раз берлога Отшельника поражала запущенностью.

- Ну чего ты там застрял, Биг?!

Голос доносился из угла. И Чудовище пошло на этот голос, такой знакомый и совсем не узнаваемый. Теперь оно разбира-

ло в полутьме нишу, занавешенную странными то ли водорослями, то ли обрывками...

- Не включай света, глаза болят.

Отшельник сидел в нише, скрестив ноги, поджав их под себя. Голова у него стала еще больше, чем была в их последнюю встречу, и напоминала она теперь не кастрюлю с просвечивающими тоненькими стенками, а целый котел, в котором что-то бурлило, кипело, переливалось... Лишь свечение вокруг этого котла оставалось прежним – нежно-розовым, еле заметным.

- Молчи, – сказал Отшельник, – я и так все знаю.

Огрызина не заметила утраты одного из своих отпрысков. Да если бы и заметила, что ей! Ей все – до фига! На день она повторяла любимое присловье раз по сто, наверное, чтоб ни у кого сомнений по этой части не возникало. Но никто и не сомневался. Тем более, Хитрый Пак с Гурыней.

- Вы чего, тута, что ль, жить-то будете? – спросила их Эда, одновременно обмакивая пальцы в желтую слизь на стене и поднеся их к носу.

- Поглядим еще, – повторил Пак на иной лад.

Эда попробовала слизь на вкус.

- Тьфу! Дрянь-то какая! Вы, что ль, нагадили?!

- Заткнись! – ответил Гурыня.

Эда погрозила ему кулаком, но не расстроилась.

- Ладно, вы как хотите, а я в подпол полезла!

И ушла.

Пак нацелился ей в спину железякой, сказал вяло:

- Не промахнешься.

- Это точно, – поддакнул Гурыня.

Как бы ни хотелось Паку сохранить репутацию умного малого и хитреца, ему ничто не шло на ум, ничего-то он не мог придумать. Больно непривычная раскладка получалась – куда ни плюнь, в себя попадешь! И от Гурыни этого, придурошного, толку не будет, какой от него, пустоголового, толк! И бежать некуда, и посоветоваться не с кем, и поплакаться некому! Прямо, хоть иди и сдавайся!

- Ты сбегал бы пока за своей железякой! Да не забудь эти хреновники, ладно? Без них...

- Да понял, падла! Я мигом обернусь, гадом буду! Туда – сюда, падла!

Гурья сорвался с места как ошпаренный. Он и вообще-то был заводной, а в последние двое суток совсем очумел.

Пак достал из кармана комбинезона осколок зеркала. Долго рассматривал себя. Лицо его при этом кривилось, глаза слезились, но не все – лишь два верхних, те, что были под вмятиной на лбу, оставшейся на память от туристов. Сама дыра почти заросла уже. Пак ощупал затылок – выходного отверстия не было, значит, этот комочек железа застрял где-то в башке. Ну и черт с ним! Не очень-то Пак расстроился от такого приобретения. Если что и задело за живое, так это краса его и гордость – широкий морщинистый хоботок, свивавший чуть ниже подбородка и невероятно изуродованный теперь багровым водянистым рубцом. Вот сволочи! Он был готов тут же сразиться с десятком этих наглых охотничков. Он бы их собственными клешнями на клочки бы порвал, в капусту искрошил!

Но долго предаваться отчаянию не стоило. Пак спрятал осколок обратно. Присел, встал, потом еще раз, еще... помахал руками, согнулся. Поднатужившись, перевернул тяжеленный сырой матрас. Хотя и не жрал ничего весь день, изранен, избит, искалечен, а все ж таки молодой организм брал свое, восстанавливал силы. А силенка ныне ох как нужна была Паку!

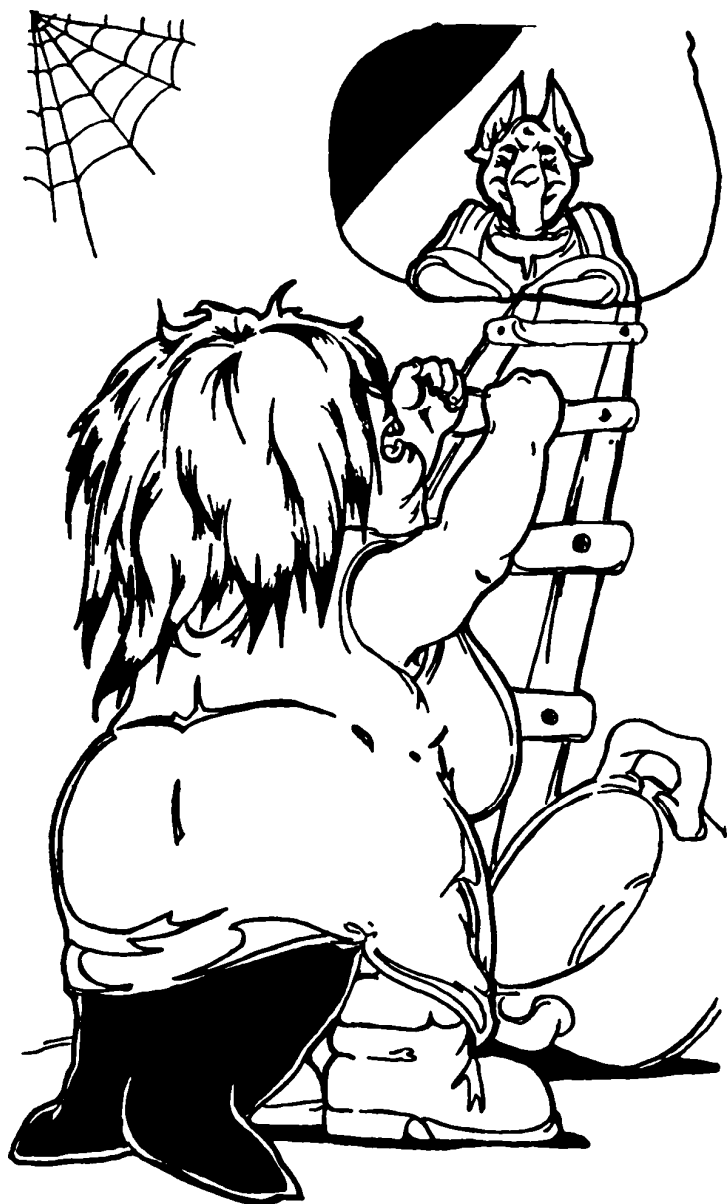
– Поглядим еще! – процедил он в третий раз, совсем зловеще.

Вышел из комнатки. Осторожно, стараясь не шуметь. Заглянул в хлев. Там, за прогнившей и почерневшей от старости бревенчатой перегородкой в метр высотой копошились Эдины детеныши. Они были омерзительны.

Пак собрал в пересохшем рте остатки слюны и плюнул за перегородку. Один из Эдиных сопляков на лету поймал плевок длинным жабьим языком и тут же завохтал, заерзал. Остальные, сгрудившись вокруг счастливого, плаксиво подвывали. Все как один дрожали в каком-то непонятном ознобе.

Среди выродков были и довольно-таки здоровые особи. Парочка крайних, тех, что лежали у самого заборчика, были вдвое больше Пака, во всяком случае вдвое жирнее и толще.

Вот гаденыши! Паку смотреть на них не хотелось. Но он понимал, что когда прижмет, придется лезть в этот гадюшник и самому притворяться выродком. И еще неизвестно, как дело обернется, может, туристы всех недоносков и переносков разом-то и ухайдакают?! А чего им стоит? Нет, нигде не было спасения!

На прощанье Пак треснул железякой по загревку самого жирного выродка и вышел из хлева.

Снизу, из подпола доносились какая-то возня. Там что-то падало, гремело, звенело... Пак заглянул в дыру, полуприкрытую фанерой. Но почти сразу же ему в лицо плеснуло чем-то горячим, помойным, аж дыхание сперло.

- Уйдитя-я! Я тут не при чем буду! Не виноватая я! - истошно завопила снизу Эда Огрызина. - Там ищитя, наверху-у!

Пак захотел спуститься и разобраться с толстухой. Но передумал.

- Осатанела, что ль? - поинтересовался он, вытирая лицо.

Эда тут же успокоилась.

- Хитрец, ты? Чего пугаешь-то?! Я уж думала, конец, туристы по мою душу пришли! Ну ты совсем блажной, разве ж так шутят?!

Пак не стал пререкаться.

- Ты про меня молчи, дура! - сказал он коротко. - А то я тебя без туристов прикончу!

- Все ходот, пугают, понимаешь, стращают все! - заворчала Огрызина. - Нужны вы мне больно, да катись хоть сейчас, плакать не стану. Я б тебя еще на матрасе придушить могла б, а я пожалела на свою голову. Вот и жaley вас теперича...

Паку надоела пустая бабья болтовня. И он вернулся в комнатушку. Постоял немного, прислушиваясь, потом отодрал доску с заколоченного окна, присмотрелся. Снаружи все было вроде бы спокойно. И он вылез.

Папашу Пуго нарядили в самые лучшие одежды. Еле ссыкали в поселке дореформенные штаны - черные, широкие, на пуговках, и телогрейку, синенькую, расшитую голубями мира. Наряд пришелся впору. Лишь длинные грабли папаши торчали из рукавов на полметра, свисали до самой земли. Но они и отовсюду торчали, не научились, видно, шить на таких, как папаша Пуго, да и когда теперь научатся.

Поселковые женщины заглядывались на передовика-красавчика, обряженного получше иного жениха.

- Гы-ы, гы-ы! - радовался сам папаша.

Буба Чокнутый носился с «народным избранником» как с писаной торбой. Дура Мочалкина и вовсе слюной исходила.

- Ну и чего мы с им теперь делать станем, едрена вошь? - спроси Бубу инвалид Хреноредьев, после того, как все было готово для сдачи избранника туристам.

- Ну и безмозглый же ты обалдуй, как я погляжу, - ответил Чокнутый. - Дурак из дураков!

Хреноредьев раздулся пузырем, из носа потекло.

- Ты при людях, едрена-матрена, мене не оскорбляй, Буба! - сказал он запальчива - У нас тоже гордость имеется, едрит тя кочергой!

Папаша Пуго обнял Хреноредьева и споняво поцеловал в синие губы.

- Гы-ы, гы-ы, гы-ы!

Сколько ни поили папашу, а он оставался все таким же, как и в самом начале, не падал, не пускал пузырей из носа, не норовил притулиться где-нибудь в уголку и соснуть чуток. Видно, папаша чувствовал свою особую роль неким врожденным чутьем и потому - держался молодцом. Лишь почти новехонькие черные штаны на радостях замочил, но ему это в вину не ставили.

Мочалкина кокетливо отводила слипающиеся глазки, старалась смотреть поверх голов, в пространство.

- А я повторю, Хреноредьев, - сказал Буба, - при всех повторю, что тупарь, он и есть тупарь! Здесь, как верно заметил наш Коко, хер хрена не слаще.

Хреноредьев подпрыгнул и ударил Бубу в живот протезом-деревяшкой. Да так, что Буба согнулся в три погибели и застонал. Папаша Пуго дал щелчка инвалиду, и тот упал без чувств. Потом он пригнулся к Бубе и смачно, врасос поцеловал и его. Мочалкина зарделась. Она все думала, когда же Пуго про нее-то вспомнит! И вспомнит ли!

Но все завершилось благополучно. Бегемот Коко разнял спорщиков, дал каждому по затрещине, в том числе и дуре Мочалкиной. Та сразу же позабыла про папашу и уставилась на Коко влюбленными глазами.

- Пора!

Буба стряхнул пыль с колен, расправил плечи.

Они стояли чуть ли не посередине площади. Но никто, кроме двух десятков местных хозяек, сгрудившихся в одну кучу, на них не реагировал. Трапы, по которым обычно ходили туристы, чуть покачивались и, казалось, протяжно и тонко-сенько пели на ветру. Железная клепаная башня, проржавевшая снизу и немного покосившаяся, стояла как и обычно -

наглухо задраенная. Люки не открывались. И никто не появлялся, хотя пора бы уже, пора было появиться!

- Буба, браток, может, ты и впрямь Чокнутый, а? - спросил неожиданно Коко. - Может, про нас и думать забыли, а мы тут дурака валяем?! - При слове «дурака» он выразительно поглядел на Хреноредьева. И тот снова лишился чувств.

Папаша Пуго приподнял инвалида за шкирку, он не любил, когда обижали слабых и всегда жалел их.

- Гы-ы, гы-ы!

От липкого и слюнявого поцелуя Хреноредьев очнулся.

- Все, едрит-переедрит! - сказал он задиристо. - Все! Щя начну всех калечить! Без разбору, едрена-матрена!

Но калечить он, конечно же, никого не стал. Он и сам-то был калекой - из трех ног лишь одна своя, остальные две - деревянные. Руки у него были с рождения кривыми, да и какие это руки! Туловище все - наперекосяк, ни сказать, ни описать. Поговаривали, что и с мозгами у Хреноредьева было не лучше.

Доходяга Трезвяк помалкивал и ни во что не вмешивался. Ему было страшновато. Правда, состояние это для Доходяги было привычным, еще бы, жить под куполом с этим народцем, на трезвую голову, и ничего не бояться мог лишь воистину чокнутый, тот, у кого крыша совсем набекрень съехала!

Рядом с Трезвяком стоял Длинный Джил, глухонемой мужик с окраины. Он был припадочным и на работу не ходил. Но поглазеть на всякое-разное любил.

Джилу было почему-то жалко и папашу Пуго и инвалида Хреноредьева, в его глазах стояла такая невыраженная скорбь, что Мочалкина, случайно заглядывавшая в них, начинала реветь в три ручья. Но Джил был меланхоликом и ни во что не вмешивался. Так и стояли с Трезвяком на пару. И если Доходяга думал о том, как бы смотаться, то Длинный Джил помышлял о спасении передовика Пуго от этих ловкачей-туристов.

- Все ясно! - заявил наконец Буба Чокнутый. - Эй ты. Бегамот, иди-ка сюда!

Коко не пошевелился даже. И Буба сам подошел к нему.

- На вот тебе разводной ключ, - он достал железяку из кармана, - иди к башне и поколоти! Да погромче!

Коко вздохнул. Но согласился.

- Прощайте, братишки! - сказал он грустно. Все замерли.

Но Коко не успел подойти к башне.

- Стой! - выкрикнул неожиданно Буба.

Бегемот остановился, прижав разводной ключ к животу всеми четырьмя лапами.

- Стой! - повторил Буба. - Так не годится!

Он шепнул что-то на ухо Трезвяку. Тот куда-то убежал, прихватив с собой Джилла и Хреноредьева. Через пару минут они приволокли старую перекособоченную, оставшуюся, наверное, еще с позапрошлого века трибуну, выкрашенную в бордовый цвет. И поставили ее посреди площади.

- Уф-ф! Едрит ее через колоду, тяжеленная! - прокомментировал события Хреноредьев, - Несерьезно все это!

Трибуна имела метра три в ширину, два в высоту и полтора в глубину. Больше пяти человек поместиться на ней не смогло бы при всем желании. Но Буба и не собирался впахивать на нее всех. Он прислонил папашу Пуго к передку трибуны. Сам забрался наверх.

- Не-е, едрена колокольня, - проворчал снизу Хреноредьев, - так не пойдет, так нескромно как-то!

Буба сморкнулся в него сверху из одной ноздри, но не попал, инвалид был увертлив.

- Граждане! - возопил Буба. - Соотечественники! Труженики!

Хозяйки как-то одновременно, кучкой сдвинулись с места и подобрались поближе к выступающему. Стекался и прочий народец, в основном, калеченный или малолетний.

- В эту торжественную для всех для нас минуту...

- По-моему, он чего-то не то говорит, - прошептала дура Мочалкина на ухо Трезвяку.

Тот хотел поддакнуть. Но не решался, мало ли чего, времена какие-то смутные пошли, еще настучит кто, что языки слишком длинные у некоторых.

- ...все как один, миром, выйдем мы на площадь и покаемся! Нам есть в чем каяться, собратья, на всех на нас лежит великий грех, тяжкий и неискупный. Мы подняли руку на самое... на самое святое!

- Эй, Буба! - выкрикнул кто-то из толпы. - Ты трепись, да не затрепывайся! На кого это мы все руку подняли! Чего болтаешь! Какой такой грех?!

- Точно, охренел Чокнутый!

- Я те щя дам, охренел, я те, ядрена вошь, щя покажу! - взвился взбалмошный Хреноредьев. - Ты у мене забудешь, как оскорблять честных людей!

На этот раз успокоительного инвалиду прописал Длинный Джил – он просто прихватил крикуна за горло, и тот покорно смолк.

– Нет! Нет, собратья!!! Все покаемся, все до единого! На колени! На колени, я говорю, олухи! С места не сойдем, пока прощения вам не будет! До второго пришествия простоим!

– Гы-ы, гы-ы! – радовался внизу папаша Пуго.

– Все как один!

Буба вдруг осекся. Выпучил глаза.

Он вспомнил про Бегемота Коко.

Тот стоял с разинутым ртом у башни. Разводной ключ валялся под ногами Бегемота, в пыли. По щекам у сентиментального Коко текли слезы.

– Ты чего хавало раззявил?! – завизжал Буба с трибуны. – Болван! Негодяй! Предатель! А ну, стучи, дегенерат! Я для кого говорю, ублюдок паршивый!

Перепуганный Коко подхватил ключ и принялся со всей силы колотить по железному боку башни. В жутком грохоте потонули яростные вопли Бубы Чокнутого и неожиданные, громкие рукоплескания толпы. Многие уже стояли на коленях, но и они хлопали.

Доходяга Трезвяк спрятался за трибуну. Ему было не просто страшно, на него вдруг повеяло ужасом – сейчас придут они, и все будет кончено!

Папаша Пуго стоял на полусогнутых в луже, которую он сам и наделал перед трибуной, и с чувством ударял одной огромной ладонью о другую не менее огромную ладонь. Кто-то из малышни подбежал к нему и, подпрыгнув что было мочи, водрузил на лысоватую голову папашы большой и красивый венок, сплетенный из валявшихся тут же на площади обрывков проволоки, каких-то прозрачных трубочек и прочего мусора.

– Гы-ы-ы!!! – рев папашы Пуго перекрыл все звуки. Это был звездный час обходчика-передовика. – Гы-ы-ы-ы!!!

На такой восторженный рев нельзя было не откликнуться. Но туристы не откликнулись и на него.

У Бегемота Коко уже онемели все четыре руки, но он продолжал наколачивать по железу. Он совершенно оглох от грохота и не слышал диких воплей Бубы.

А тот орал как никогда в жизни:

– Хва-а-атит!!! Га-ад!! Остановись, своло-очь!!!

Кончилось тем, что Буба свалился с трибуны прямо на папашу Пуго. Но тот не расстроился и не обиделся. Он привлек Чокнутого к себе, обхватил огромными гориллиными ручищами и принялся лобызать – со всей братской и товарищеской страстью, с искренним и неукротимым желанием поведать о своих пылких чувствах...

А Хитрый Пак сидел в засаде и выжидал. Он выбрал самое удобное место – за мусорным бачком, который стоял в ряду таких же собратьев значительно левее трибуны, но зато напротив люка. Лучшей точки было и не найти.

Паку надоело бояться. И он решил, что прикончит любого, кто высунется из люка. Пусть только попробуют! Он им всем даст жару! Ну, а если и его пришлепнут, значит, так тому и быть, судьбы не минуешь.

С минуты на минуту должен был подоспеть Гурыня-предатель. Его хлебом не корми, баландой не накачивай, дай в заварухе какой поучаствовать. Но что странно, каких бы приключений ни искал Гурыня на свою собственную задницу, куда бы он ни совался, всегда из воды сухим выходил! Другое дело – это дурачье, что выдуривается на площади. Пак поглядывал на народец с презрением. Быдло! Простофили! На коленях о прощении молят! Сейчас, прямо, дадут им прощения! Как бы не так!

– Ну че, падла? – прошипело из-за плеча. Пак даже вздрогнул, не ожидал он, что Гурыня подкрадется столь незаметно.

– Че они, суки, выкобениваются, а?!

– Заткнись! – оборви Гурыню Пак. – Гляди!

Папаша Пуго все-таки сломался, не выдержал огромного напряжения и рухнул в собственную лужу. Уснул мертвецким пьяным сном.

Но от Бубы Чокнутого не так-то просто было отделаться. Он приказал принести веревки, и папашу, бесчувственного и счастливого во сне, подняли. Веревки обвязали вокруг кистей, концы забросили на трибуну, подтянули тело, закрепили концы. Теперь знатный обходчик висел на веревках, едва касаясь почвы ногами и мерно покачивая из стороны в сторону своей головой с реденькой рыжей шерсткой. В обрамлении пышного венка эта голова – пускай не мыслителя и философа, не поэта и художника, а простого труженика – выглядела внушительно, даже как-то аристократически.

А Буба не мог остановиться. Проповедь захватила его, понесла. И казалось, что вовсе не Буба Чокнутый вещает с трибуны простому люду, а некий грозный и всевидящий небесный страж, спустившийся на землю и поучающий заблудших.

- Не будет прощения! Ибо грехи столь велики и неискупимы, что прежде гора взлетит к небу и оживут статуи, чем снизойдет на вас благодать!!! Ниц! Падайте ниц! Уткните свои поганые рожи в землю, в навоз, задохнитесь в нем, захлебнитесь! И пусть это покажется вам раем по сравнению с теми муками, которые ожидают вас впереди...

- И все-таки, по-моему, он чего-то не то говорит, - выражала свои сомнения Трезвяку Мочалкина.

Трезвяк думал, что смываться поздно. Что это конец! Что вот-вот из люка вылезут туристы с железяками в руках и всех тут перещелкают, никто и ахнуть не успеет. Доходяга стоял ни жив, ни мертв.

- ...приидите же! Приидите и примите покаяния наши! Или обратите нас во прах! Истребите аки саранчу и скорпионов! Огнем очистите нас, ибо сами мы неспособны! И пусть суд будет неумолим и праведен!

- Нет, Доходяга, - Мочалкина наконец утвердилась в своем решении, - Буба у нас - точно, чокнутый! Пора его переизбирать, как ты считаешь?

Но Доходяга Трезвяк ничего не ответил, он сидел за трибуной и тихо трясся.

- Все вы чокнутые! - заключила Мочалкина.

Бегемот Коко вернулся к трибуне и стоял, смиренно сложив руки на животе. Ключ он потерял где-то по дороге. Но не велика была потеря, чтоб сожалеть о ней. Как зачарованный Коко слушал Бубу.

Но того хватило ненадолго. Буба быстро скис и умолк, захлебнулся в собственном красноречии, выдохся. Все смотрели не на башню, и не на люк, из которого должны были появиться туристы, а на умолкшего оратора.

- Спекся, болван! - процедил за своим баком Хитрый Пак.

- Шлепнуть его, и дело с концом, падла! - заявил Гурыня.

Пак не стал ему отвечать, зачем попусту нервы портить, и так уже до предела натянуты. Он неотрывно следил за люком. Даже глаза болели.

- Покаемся, братья! - истощно выкрикнул напоследок Буба. И завершил на совершенно истерической ноте, обращаясь

почему-то не к башне, а к небесам, воздев руки к ним и задрвав голову: – Приидите же, судии праведные! И покарайте нас!!!

После этого Буба, уже будучи в бессознательном состоянии, снова сверзился с трибуны. И снова в ту же лужу. Но теперь папаша Пуго ничем не мог ему помочь.

– Нехорошо! – сказал Хреноредьев. – Нескромно!

Вдвоем с Длинным Джилом они отволокли Бубу за ноги прямо к мусорным бачкам – пускай полежит, авось, прочухается. Но Пака с Гурыней они не заметили. Вернулись назад. Стали решать, что же делать.

– Разбежаться надо, – предложил Доходяга Трезвяк из-за трибуны.

– Я те разбегусь! – ответил ему Бегемот Коко. – Шкурник! Единоличник паршивый! Морда твоя кулацкая!

Трезвяк замолк. И надолго.

– Надо созвать женсовет, – предложила Мочалкина, – и поставить вопрос ребром!

Длинный Джил промычал ей нечто невнятное, постучал себя кулачищем по макушке и посмотрел в глаза – пристально, навевая тоску смертную. Мочалкина громко, с захлебом и причитаниями зарыдала.

– Я, едрена корень, так понимаю, – важно начал Хреноредьев. Но завершить не смог по той причине, что он ровным счетом ничего не понимал.

Толпа гудела. Все ждали чего-то. Но ничего не было. И это вызывало большое недовольство и грозило перерасти в серьезные волнения, а может, и бунт – поселчане были народцем разношерстным, не всякий мог понять, что бунтовать нехорошо, у многих на это просто мозгов не хватало. Назревал большой скандал, который мог кончиться плачевным образом и для верховода Бубы Чокнутого, и для всех поселковых избранников.

– Гы-ы, гы-ы! – временами спросонья подавал голос папаша Пуго.

– К ответу! Зажрались!

– Дашь всеобщее покаяние, едрена-матрена!

– Кончай бодягу!

– Всех их пора!!!

Толпа уже бесновалась. И в любую минуту могло произойти непоправимое.

Но весь гам и шум перекрыл леденящий души вопль. Даже не вопль, а взвизг какой-то:

- Шухер, ребя! Атац!!!

Все будто по команде повернули головы к башне.

В жуткой, неестественной тишине над площадью проплыл скрип – долгий, протяжный. Люк медленно открывался.

- Я все знаю, Бит, – повторил Отшельник, – ты правильно сделал, что заглянул ко мне.

Большой выпуклый глаз, матово отсвечивая синевой, смотрел на Чудовище. И столько было в этом умном, мудром, всепонимающем взгляде доброты, что Чудовище поневоле размякло и снова превратилось в того маленького и любознательного Бига, подростка, юношу, который часами выслушивал рассказы Отшельника. Когда это было! Но ведь было же!

Отшельник сильно сдал. Его тельце стало совсем немощным, хилым. Каждая кость выпирала наружу сквозь полупрозрачную сероватую кожу. Плечи совсем заострились, были сведены к самой шее. Но Чудовище не видело его тела, оно смотрело в этот бездонный глаз, тонуло в нем, растворялось. На минуту вспомнился Волосатый Грюня, безжалостно убитый туристами, и та мольба, то отчаяние и нечеловеческая тоска, что застыла в его стекленеющем глазе. Может, и он, доведись ему выжить после охоты, стал бы вот таким же Отшельником... Может, и стал бы. А скорее всего, нет. Разве предугадаешь будущее. Грюни нет, и уже никогда не будет. А в мире все остается по-прежнему, так, будто и не было никаких грюнь, близнецов-сидоровых, бандыр и других, лежащих сейчас в подвале.

Подбородка у Отшельника почти не было, нижняя часть лица как-то незаметно переходила в шею, и только малюсенький ротик-клювик обозначал этот переход. Отшельник и говорил-то, почти не разжимая губ. И тем не менее голос звучал громко. Болезненно, старчески, но громко.

- Ты вот что, Биг, – произнес Отшельник, – сходи-ка вон туда, видишь? – он чуть повел пальцем вправо. – Я открою... А ты принеси мне, сюда...

В правом углу зала-берлоги сдвинулся с места замшелый и огромный валун, открылся вход куда-то, в темноте Чудовище и не разобрало, куда именно.

- Иди, иди, не бойся!

Чудовище прошло несколько метров, оглянулось.

- Возьмешь там пару бутылок или нет, лучше большую банку. И тащи ко мне! – сказал Отшельник. – Потом поговорим.

За валуном была еще одна пещера, поменьше, вся забитая всевозможной посудой. Там были бутылки, бутылки, бутылочки, банки, склянки, кастрюли, котлы... Наверное, раньше здесь располагалось хранилище, а может, и еще что. С самого края стояло громоздкое и непонятное сооружение, перевитое трубами, шлангами. Из сооружения выходил маленький изогнутый краник. Под краником стояла большая двухведровая банка зеленого стекла. Капелька за капелькой падали в банку – почти беззвучно, но с какой-то дьявольской размеренностью, будто отсчитывали уходящие секунды.

Чудовище хотело нагнуться за банкой. Но заметило поодаль другую, точно такую же, только наполненную до верху и закрытую пластиковой крышечкой.

– Ну что ты там застрял?!

Голос Отшельника прозвучал недовольно. И Чудовище не стало размышлять над множеством вопросов, которые возникли у него в этой пещерке, а подхватило полную банку. Вернулось к нише.

– Вот, держи!

– Спасибо, Биг. А меня что-то и ноги носить перестали. Видал, какая голова? То-то, все растет и растет, скоро ей в берлоге будет тесновато, ха-ха! – в голосе не было ни капельки веселости.

Только теперь Чудовище поняло до конца, осознано наконец, что Отшельник болен. И что он страшно болен, что он неизлечим. Оно поставило банку у ног сидящего и отошло.

Отшельник попробовал нагнуться, но у него это не получилось. Тогда он привычным движением, почти машинально протянул руку, вытащил из углубления в стене металлическую трубку и резко ткнул ее концом в крышечку. Та не поддавалась.

– Помоги, Биг!

Чудовище взяло трубку в щупальце, продавило крышку. Отшельник тут же ухватился за другой конец, присосался.

Он пил долго. Чудовищу показалось, что сейчас он лопнет, разве можно влить в такое маленькое и худенькое тельце столько жидкости! Да он сошел с ума, наверное!

Отшельник оторвался от трубки, когда в банке оставалось меньше трети. Он тяжело дышал. Не мог говорить. Но когда дыхание наладилось, сказал:

– Такие дела, Биг. Не удивляйся, я теперь без этого пойла не могу. Придется, видно, перебираться туда, к агрегату, а то помру, Биг!

Чудовище смотрело и думало: «Нет, Отшельник, ты помрешь в любом случае. Эко вон тебя разобрало! А ведь такой был здоровый, такой сильный! Сколько планов было на будущее, казалось, что жить тебе предстоит вечно, что ты сумеешь найти спасение для этого проклятого мира! А почему бы и нет, вон ведьловища какая! Там мозгов больше, чем у всех остальных обитателей Подкуполья, точно больше! Что же ты делаешь, Отшельник! Зачем?!»

Чудовище пыталось заставить себя не думать об этом, оно знало, что Отшельник читает мысли – и не только у тех, кто рядышком стоит, – во ничего с собой поделаться не могло.

– Ладно, Биг, не расстраивайся, – сказал Отшельник, – я и сам все знаю. Только ты меня хоронить-то не спеши. Всякое бывает ведь, может, и обойдется.

Он снова присосался. Но выпил совсем немного.

Свечение вокруг его огромной и полупрозрачной головы стало сильнее. Да и сам Отшельник как-то приободрился, голос зазвучал почти по-прежнему – ровно, спокойно, без старческого дребезжания. В глазу появилось сияние, не блеск, а именно сияние, неземное, нечеловеческое. Длинные волосы, спадающие от висков и с затылка до деревянного помостика, на котором сидел Отшельник, зашевелились, зазмеились словно живые. Дырочки ноздрей округлились – было видно, как он задышал вдруг глубоко и ровно, без натуги и хрипов. Лишь тельце оставалось таким же серо-желтым, изможденным.

– Все будет нормально, Биг. Давай-ка о тебе поговорим. Ведь дела твои неважные, верно?

– Верно, Отшельник, – подтвердило Чудовище. – Дела мои – хуже некуда. Похоже, крышка мне. Но сам знаешь, я за жизнь не цепляюсь. Жаль только, если задуманного не довершу, вот чего жаль!

Отшельник впервые за все время моргнул – серая кожистая перепонка на миг опустилась на огромный глаз, но тут же убралась опять наверх.

– Не время стекляшки давить, Биг, не время! Ну чего в голову вступило? Так и будешь воевать с пыльными зеркалами?! Ну войой, войой, это дело нехитрое, любой справится.

– Да ладно тебе, чего прицепился! – Чудовище немного обиделось.

– Я не навязываю. Но ты подумай, Биг. Я тебе вообще-то не собираюсь советов давать, где я их тебе возьму! Но кой о чем потолковать надо. Ты ведь на туристов-то зол? Говори?!

- Еще бы, Отшельник! Они всю малышню почти из поселка перебили на пустыре. Я сам еле ушел! Еще бы, не зол! Да попадись они мне...

В голове у Отшельника что-то забулькало, завихрилось, закрутилось - все было видно сквозь полупрозрачный череп, сквозь кожу. И невозможно было угадать, что происходит внутри этого гигантского мыслящего котла.

- В том-то и дело, Биг! Попадись они мне... Ты заранее в них врагов видишь! А какие они враги? Они и не враги вовсе! Они просто не такие, Биг, понял?!

И все равно, теперь коли попадется мне на пути кто из них, живьем не уйдет. Это я тебе могу заранее пообещать, Отшельник. Сам подохну, но и им жить не дам! Нет, специально искать не стану. Но пусть только попадутся!

- Совсем глупый ты мальчишка! Каким был, Биг, таким и остался. - Он вдруг тяжело вздохнул, снова моргнул. И перестал шевелить губами. Теперь его слова сами проникали в мозг Чудовища: - Ах, если бы все было так просто, Биг. Если бы это были звери или люди со звериной моралью, нелюди, Биг, разве стал бы я тебя отговаривать? Нет, никогда! Но они совсем не такие. Они там, у себя за барьером добряки, каких и не сыщешь, у нас нет таких, не осталось, Биг! Они любят друг друга, верят друг другу, они никогда не оставят без помощи нуждающегося, Биг, я это знаю. Последнее с себя снимут, кровь отдадут свою, костный мозг, все, что потребуется, Биг, и не за миску баланды, не за кружку пойла, нет, так отдадут, по-человечески, по-людски... Они как за головы-то взялись, так над каждой животинкой, Биг, над каждым росточком трясутся, оберегают все, что живет, растет, движется, никого в обиду не дадут, точно! Попробуй у них там тронь кого-нибудь, задень случайно - такая шумиха поднимется, что и несдобровать обидчику. Не-е, Биг, они добрые, они хорошие, очень хорошие... Но там, Биг, у себя. А здесь они совсем другие. Не спеши их винить, может, это не вина их, а беда. Все беды, Биг, от непонимания. Мы для них не люди! И не животные даже. Любая тварь. Божья для них бесценное создание, имеющее все права на жизнь, будь то червь или каракатица, слизняк или букашка какая. Все под солнцем и небом рождены! Всем места хватит! А мы, Биг, изгой, уроды, мутанты. Мы ни в какие категории не вписываемся. Мы для них ничто... Нет, мы для них лишь одно - неприятное воспоминание, раздражающее, от которого лучше отмахнуться, стереть его из памяти. И они не ведают, что

творяют. Они думали, здесь все сами собой передохнут, не пройдет и сотни лет! А здесь приспособились, остались некоторые, да еще и потомство дают – страшное, по их меркам, жуткое, уродливое. Так-то, Биг. Их и совесть гложет – не всех, тех, кто помнит еще, – и раздражение захлестывает, дескать, все во всем мире прекрасно и воздушно, ухоженно и облаго-рожено, а эта дыра мерзкая портит дело, она поганым плевром на зеркальной сияющей поверхности. Думаешь, им обходчики нужны, работники? Нет, Биг, это все по старой традиции остается, по привычке. Им никто не нужен! Тут все на полной автоматике! Они еще качают сюда пойло, поддерживают кое-где раздаточные. Но тоже по привычке, Биг. Если бы ты знал, какие у них там дебаты шли, оставить нас здесь или усыпить всех, безболезненно, незаметно совсем, чтоб стереть наконец-то плевок поганый. Решили пока оставить. Но разрешение на отстрел тех, что полностью утратили остатки человеческих качеств, на отстрел монстров, как они говорят, добились, Биг! Под благим предлогом добились, чтоб, дескать, генофонд планеты случайно не подпортился, вот так-то! Но здесь штука такая, Биг, попробуй у нас отличи: с мозгами ты или нет, монстр ты или обходчик-передовик. Мы для них, Биг, все монстры. Рано или поздно всех отстреляют. Еще и гордиться будут, дескать, полезное дело совершили, подвиг! Попробуй-ка, разубеди!

– Они нас не жалеют. И мы их жалеть не будем! – вырвалось у Чудовища. – Не уговаривай меня, Отшельник. Это враги!

Отшельник раздвинул свой рот-клювик. Заговорил обычным способом. Большой темный глаз стал грустным, подернулся пеленой.

– Зло порождает зло, Биг. Не надо умножать зла, его и так достаточно в мире. Я заклинаю тебя, не делай опрометчивых поступков. Ты всех погубишь! Любой повод они используют для начала массовых охот, тотальных отстрелов! Понял, Биг?!

Чудовище ответило не сразу. По его телу волнами пробежала дрожь, сотрясая массивные бугристые мышцы под волдыристой и влажной кожей. Горб как-то обострился, стал совсем уродливым. Чудовище переминалось с конечности на конечность, пребывало в явном замешательстве. И все же оно собралось.

- Ты, наверное, слишком много выпил из этой банки, Отшельник, вот тебе и мерещатся всякие страсти. Не пей больше, не надо, я прошу тебя!

Глаз снова засиял.

- Ничего, малыш, ничего. Мои мозги варят, дай Бог каждому! И я не слишком много выпил, я отдаю себе полный отчет, Биг. Меня не берет уже эта дрянь, это паршивое пойло. Оно только возвращает мне силы, Биг.

- Ты скоро умрешь от него... - тихо проговорило Чудовище, проговорило вслух, как бы подтверждая свои мысли таким путем.

- Всякое может случиться, малыш. Но сейчас не об этом. С тех пор, как ты убил охотников, Биг, над поселком повисла угроза кары. Понял? Ты можешь не любить их, презирать. Пусть они безмозглые, жалкие, противные, подлые, мелочные, сварливые, низкие и недостойные. Но согласись, Биг, отвечать за тебя они не должны. Это будет нечестно, Биг, несправедливо. Каждый должен отвечать сам за себя. Кончай свои игры со стекляшками! Не для них же ты появился на свет?! Ты еще не знаешь всех своих способностей, всех возможностей. Они будут открываться постепенно, И они не помешают тебе, Биг. А туристов не бойся. Я вижу будущее, верь, они не убьют тебя. Я тебе это обещаю, я вижу это, они тебя не прикончат... по крайней мере, до тех пор, пока я жиг.

- Поживем - увидим, - неопределенно протянули Чудовище, - чего гадать. Только я тебе, Отшельник, скажу прямо: я бил эту мерзость! И буду бить! А когда я расколочу вдребезги последнее, я возьму...

Отшельник тихо засмеялся - будто кашлял или задыхался.

- Знаю, знаю. Возьмешь самый большой и острый осколок и перережешь себе глотку, так?!

- Так!

- Хорошо, Биг, это твое дело. Но это будет потом, а сейчас твоя жизнь не принадлежит тебе. И не бойся, я буду помогать, не такой уж я и хилый, Биг, не такой уж и слабак! Мы еще поживем с тобой!

Отшельник снова надолго присосался к трубочке, банка пустела на глазах.

Чудовище стояло и не знало, что ему делать. Умный Отшельник так ничего толком и не присоветовал, не дал никаких инструкций, а еще говорил, что все-то он знает.

Лишь одно стало ясным и до боли понятным – хочешь, не хочешь, надо возвращаться.

– Возьми-ка эту штуковину, может пригодится! Отшельник протянул Чудовищу трубку, точно такую, какие были в руках у туристов.

– Не надо, обойдусь, – ответило Чудовище. И отвернулось.

Крышка люка медленно съезжала вправо. Но прежде, чем она полностью освободила проход, раздался громкий хлопок, что-то с силой вжикнуло по металлу и отлетело. Полая железная башня загудела исполинской струной.

Народец заволновался, засуетился. Оцепление с него будто рукой сняло. Все загомонили вдруг, загудели, заголосили.

Очнувшийся Буба высунул голову из-за бачка и завопил благим матом:

– Это все папаша Пуго! Это он! Его хватайте!!! На Бубу не смотрели.

Все ждали, кто же вылезет из башни? И когда?

Пак в четырех метрах от Чокнутого Бубы молча, и сосредоточенно лупцевал Гурыню. Еще бы! Тот своим дурацким преждевременным выстрелом чуть не испортил все дело! А может и испортил! Он бил придурка зло, метко и безжалостно. Но тот не кричал и даже не стонал, сносил побои молча – знал, за дело лупшуют.

Ошалевший Буба, совершенно не понимая, что происходит, присоединился к Хитрому Паку и с остервенением принялся бить Гурыню ногами. Тот не мог стерпеть подобного, да еще не от жоака, а от постороннего, пускай и взрослого мужика, избранника. Он извернулся и вцепился своими костяшками в горло Бубе, повалил его на землю и начал душить.

На площади у трибуны били инвалида Хреноредьева, Бегемота Коко и Длинного Джила. Трезвяк куда-то смотался. Дуря Мочалкина с трибуны координировала действия толпы.

– Эй, ты, обрубок, не ты, вислоухий, а вот ты, зайди с другого края! Я те говорю, с другого! Выбрось палку! Бить только кулаками! Раз, два, взяли! Опа!

Из кучи-малы доносилось:

– Едрена-матрена!

– Прощевайте, братишечки!

– Бей супостатов! Громи!

– Попили кровушки, изверги! Души его, души, падлу!

– Мы-ы! Мы-ы-ы!

- Сограждане, покайтесь немедленно, едрит вас через колено!
- Щя! Щя мы те покаимся!
- Бей!
- Эх! Ох! Ух!
- На колени, едрена вошь!
- Дави!
- И-эх! Хорошо!!!

И еще многое другое, не передаваемое, но звучное и смачное.

Лишь один папаша Пуго висел на своих веревочках, словно распятый, и ошалело, с радостным оскалом желтых лошадиных зубов, но по-прежнему не открывая глаз, выдавал привычное:

- Гы-ы, гы-ы!

Никто и не заметил, как из дыры в башне показалось нечто невообразимое – большее и страшное.

Один Пах не растерялся. Но прежде, чем навести железку на появившегося и выстрелить, он от неожиданности закричал во всю свою луженую глотку:

- Ага-а!!! Вот оно что!!! Они все вместе!!! Все заодно!!!

И несколько раз подряд нажал на спусковой крючок.

Две пули попали прямо в лоб Чудовищу. И отскочили. Еще одна застряла в плече. Три или четыре прошли мимо, снова заставив полную трубу тяжело и низко загудеть.

Чудовище не ожидало такого приема. И потому растерялось. Когда Отшельник перед уходом дал ему план подземных коммуникаций и указал по какой трубе надо идти, чтобы вернуться в поселок, Чудовище еще не знало, как оно поступит. Лишь по дороге пришла окончательная решимость. Но почему здесь столько народу? И почему вообще труба привела сюда, на площадь, ведь в плане она заканчивалась в развалинах? И почему стреляют?! Прямо вот так, в лоб, без предупреждения, без причины?!

Но больше всего Чудовище поразило то, что в сотне метров от него, там, внизу, у мусорных баков, заваленных неубираемой вот уже десятки лет всяческой дрянью, стоял живой и невредимый Пак Хитрец! Да еще с трубкой в руках! Откуда он здесь взялся?! Ведь суток не прошло с тех пор, как Чудовище держало его на собственных руках – безжизненного, холодного, с огромной дырой прямо во лбу и рассеченным надвое хоботом?!

Пока Чудовище размышляло – а это длилось не больше секунды – Пак снова навел на него трубку. Чуть левее из-за кучи мусора выскочил избитый до предела Гурыня и тоже выставил вперед металлическую трубку. Надо было спрятаться назад, в башню. Но Чудовище опешило – еще один мертвец воскрес!

– Они все заодно! Бей его!!! – выкрикнул Пак.

– Изрешечу, падла! Убью!!! – завизжал Гурыня.

– Я не виноват! Это все папаша Пуго! – закричало следом непонятное существо, представляющее из себя сплошной синяк, залитый кровью, но в котором по особой стати и выправке все же узнавался Буба Чокнутый. – Это все он!!!

– А-а-а! Чудовище! Они напустили на нас чудовищ!!! – заорали из толпы, разом переставшей избивать активистов. – Спасайся, кто может!

– Собрание закрыто, сограждане! – торжественно объявила с трибуны дура Мочалкина. – Прошу расходиться! – и спрыгнула вниз, на покореженного инвалида Хреноредьева.

– Ух ты, едрена-матре-ена-а! – удивился тот.

Именно в этот миг Чудовище почувствовало, как в него вонзилось не меньше десятка пуль. Оно тут же полностью вылезло из люка, съехало по трапу чуть ниже. И спрыгнуло на землю.

– Спасайся!

– Убивают!!!

– Вот она, кара! Пришли!!! Праведные!!!

В давке затоптали Бегемота Коко, отдавили ему все четыре руки. Брюхо у Коко было непробиваемым. Голова тоже. Мочалкина выносила с поля боя Хреноредьева, на руках, как младенца. Длинный Джил сидел на корточках, охватив руками голову, и мычал.

– На колени! На колени, грешники! Падлы! – орал какой-то сумасшедший.

Папаша Пуго очнулся наконец. Он висел и гыгыкал радостно. Наблюдал, как из кармана синенькой телогрейки, расшитой голубьями мира, выбирается на свет Божий котособаченок Пипка.

Вид у Пипки был еще тот – помятый и напуганный. Он полз, цепляясь всеми семью лапками за грубую ткань, полз вверх, норовил до плеча добраться и устроиться на нем. Папаша Пуго тянул к нему свои непомерные обезьяньи губы, облобызывать хотел Пипку. Но не доставал. Венок сполз папаше

на левый глаз, прикрыл его. Папаша почти ничего не видел. Да в общем ему было и наплевать на это.

- Чудовищев напутают, бабы! Спасайся! Вот он, суд праведный!!!

- Атас!

- Шухер!

- Щя мочить начнут, падлы!

- Едрены катаклизмы!!!

Пак стоял на прежнем месте и в упор расстреливал Чудовище. Но то и не думало падать. Оно медленно, неотвратимо приближалось. Трус и балбес Гурьян удрал. А Пак все стрелял и стрелял. До тех пор, пока Чудовище не вырвала у него из рук железяки и не закатило затрещины. Он упал и сразу провалился во тьму.

Но ознаменовалось это мгновение еще и другими событиями:

- Это не я! – возопил изуродованный Буба.

Пипка добрался до плеча, уселся поудобнее и взмявкнул.

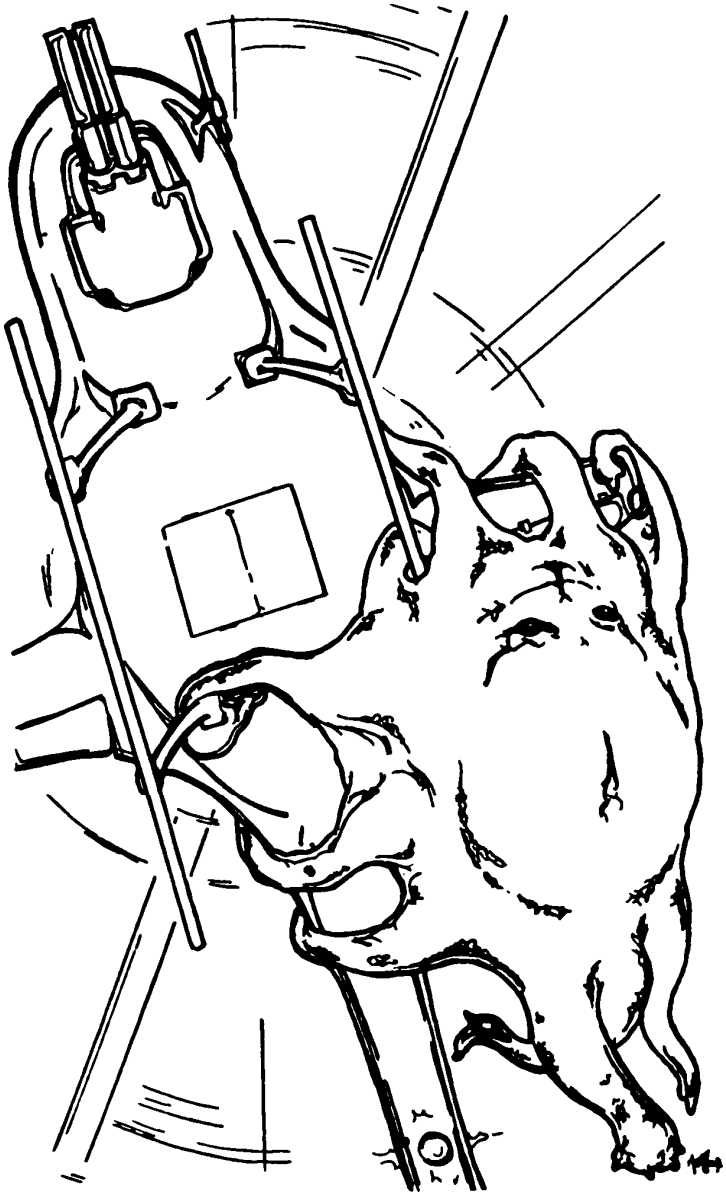
Толпа замерла, как по команде, кто где стоял – так и застыли. Головы одновременно поднялись к небу, туда, откуда слышался вдруг резкий неумолкающий треск.

Над площадью, взметая тучи пыли, разгоняя мусорные валы, наводя ужас и поселяя в сердцах ледяное оцепенение, срывая шапки с голов и сбивая воздушной волной с ног ослабленных, зависли четыре больших и черных винтокрылых машины. Никто не видал таких прежде, разве что слышали от стариков, да и то не все. Но это не меняло дела – пришла она, кара небесная, зависли над головами те, кто судить не будет. И пощады теперь не жди!

Машины медленно снижались. В один миг площадь стала такой чистенькой, какой ее никто не видывал отродясь – будто сотня дворников с метлами прошли по ней, а следом проползла сотня поломоек с тряпками в руках.

Народ, опомнившийся и трясущийся от страха, разбежался – кто куда. Только папаша Пуго висел на трибуне. Да котособаченьок Пипка сидел на его плече. Один не мог убежать. Второй ничего не понимал и вдобавок после папашиного кармана ему все раем казалось.

Правда, за бачками оставались еще двое: Чудовище и Пак Хитрец. Но их не было видно сверху, они притаились за опрокинутыми широченными крышками.

Чудовище приглядывалось, прислушивалось. Теперь ему было понятно, кто тархтел в небе там, возле дыры, ведущей в берлогу Отшельника. Но и оно не знало, чего ждать от этих посланцев небес. Думало, вот спустятся, выйдут, а там и видно будет, что к чему и что почем. Хитрец помалкивал, жался к холодному баку. Он только прочухался и не все понимал.

Машины не спустились на землю. Повисели, повисели и медленно, поднимая еще больший ветер, почти ураганный, сорвались с места. Лишь одна осталась. Но и она приподнялась чуть повыше, сбросила черненький бочонок – прямехонько к трибуне.

Бочонок упал беззвучно. Из него что-то разлилось, растеклось... И вдруг полыхнуло огнем – стена пламени взмыла вверх, но через секунду осела.

Боковым зрением Чудовище видело, что и в поселке повсюду: и справа, и слева, и в глубине – что-то полыхает, горит, дымится. Но оно не могло оторваться от зрелища, которое лишало воли, притягивало к себе и вместе с тем вселяло в душу нечто большее, чем просто ужас. Посреди растекающегося огня стояла утесом бордовая трибуна с привязанным к ней папашей Пуго. Она медленно, но уверенно занималась. Языки пламени колыхались, то скрывая папашину фигуру от глаз, то открывая ее. Истошно визжал, совершенно не своим голосом, котособаченьок – ему некуда было спрыгнуть, кругом бушевал огонь.

– Папанька!!! – заорал вдруг Пак. И выскочил из-за укрытия. – Папаня!!!

Но дым уже занавесил все. Лишь пробивалось негромкое, еле слышное:

– Гы-ы! Гы-ы-ы!!!

Собиравшаяся уже улетать машина подправила к бакам, снизилась – не больше трех метров отделяли ее от земли. Высунувшийся ствол нащупал орущего Пака.

Но выстрелить из машины не успели – Чудовище резко подпрыгнуло вверх, уцепилось за маленькое зелененькое крылышко, машину качнуло, ствол спрятался, раза два или три выстрелив. Но все мимо.

Пак стоял с разинутым ртом и смотрел, как машина резко поднимается вверх, унося с собой цепкое и бесстрашное Чудовище.

А может, у них так и запланировано было? – подумалось ему. – Черт его знает, поди, разберись.

Он не стал разбираться. Он первым делом подобрал свою железяку. А потом пошел поглядеть, во что превратился папанька.

Сгоревшая трибуна обвалилась, и ничего нельзя было разобрать – где что, где папанька, где доски, где Пипка... Только синенькая телогрейка, пошитая из несгораемого материала, дымилась посреди угольев. Но голубей мира на ней не было видно, наверное, выгорели вместе с нитками, которыми их вышивали.

Эда сидела на дубовом табурете, уперев лапы в бока, – победительницей сидела.

– А чего я вам говорила, а?! – торжествуя поучала она Мочалкину-среднюю и Мочалкину-старшую. – В подпол надо было прятаться, вот и вся наука! Дуры – вы и есть дуры!

Мочалкины согласно кивали. Инвалид Хреноредьев лежал на полу. Он был несокрушим.

– Первым делом надо Бубу посадить в подпол, – сказал он, – чтоб умных людей слушал, Едрена тарактелка!

– Да хрен с ним с Бубой! – заявила Эда.

Инвалид взъерепенился.

– Чего-о?! Ты на кого тянешь, Огрызина?!

Та не стала обсуждать с Хреноредьевым такие сложные проблемы, а просто спихнула его самого в подпол – так, вильнула слегка своим тюленьим хвостиком. И инвалид загремел! Так загремел, как сорок тысяч других инвалидов греметь не могут! Только минут через десять изнизу раздался его приглушенно-удивленный голос:

– Вот его едрена-матрена! Извиняюсь, стало быть!

Приблудшего Бубу Чокнутого били все вместе. Даже соседи присоединились и отвешивали Бубе тумачи. Но тому, видно, было уже все равно. Да и Буба ли это был?! Никто так и не смог выяснить столь важный факт толком.

Длинный Джил сидел на земле, за хлебом, тихо подвывал – сокрушался, что не смог спасти папашу Пуго, а ведь знал, добром дело не кончится, и почему ему Бог не дал языка – он бы все им растолковал, все бы разъяснил. Да поздно!

Пак тоже пришел к Эде. Он уже побывал на месте их с папанькой хижины. Но там было все выжжено – ни стен, ни за-

борчика, – ровенькая насыпь угольков да пепла. Куда еще деваться?!

Огрызина погрозила Паку кулаком.

– Гляди у меня, молокосос! Я те поугрожаю еще! – она была отходчивой бабой.

Бегемоту Коко сломали три руки. Но он не тужил.

– Заживет к следующему покаянию, братишки. Все ништяк!

Бубу он бить не стал – себе больней.

Трезвяк пришел последним. Он был возбужден до предела. Но страха в нем уже не было. Лицо горело. Брови грозно сушились.

– Две трети поселка выжгли, суки! – сказал сходу.

– Ого! – подал голос из подпола Хреноредьев, – Едрит твою!

Остальные сидели с разинутыми ртами. Хотя и ждали погрома, но никто такой жестокости от туристов не ожидал, разве они виноваты в чем-то, поселчане-то! Ведь нет же, не виноваты! Хотя и кто разберет, может, провинились, сами того не ведая.

Бубу Чокнутого забросили в хлев. И его там со сладострастием вылизывали детеныши Эды Огрызины. Буба не сопротивлялся. Ему было все равно. Он лежал и вспоминал, как прекрасно жилось там, за барьером. Вколешь себе порцию ширева и балдеешь, витаешь в ином мире, в котором все прекрасно и сказочно, в котором существуют такие цвета и запахи, каких отродясь не водится на земле, в котором ни к чему жратва, выпивка, развлечения, бабы и, уж само собой, работа! А что здесь? Здесь все погано! И наплевать, что выжгли поселок! Выжгли, значит, его и надо было выжечь! Да не на две трети, как говорит этот недоумок Трезвяк, а полностью! Со всеми этими обалдуями! Так размышлял Буба Чокнутый, лежа в хлеву посреди выродков, слизывающих с него кровь. И от этих дум Бубе становилось легче.

Туристы появились неожиданно. Они выросли будто из-под земли – пять длинноногих фигур в скафандрах, масках, с трубками в руках. Они не переговаривались, не суетились, не оглядывались. Они просто появились.

Пак успел юркнуть в кусты. И он все видел, все слышал. Он не смог даже приподнять своей железяки, его клешни свела судорога, позвоночник оцепенел – ни согнуться, ни разогнуть-

ся! Но глаза-то, глаза были широко раскрыты! Как прикованный смотрел он на происходящее.

Обе Мочалкины завалились без крику, без стонов. Длинный Джил вскинул вверх руки, вытянулся, застыл так на секунду, а потом рухнул плашмя. Эда Огрызина завизжала, закружилась на одном месте, обливаясь кровью, закидывая голову назад, суча жирными ножками. Ее тюлений хвост молотилкой стучал по земле. Но и она стихла. Трезвяка видно не было.

Туристы постояли немного. И ушли.

Пак вылез из-за кустов. Огляделся.

- Чего у вас там, едрена-матрена?! - громовым голосом спросил из подпола инвалид Хреноредьев. - Осатанели, что ль!

Его и Бубу Чокнутого туристы не заметили.

Крылышко было маленьким и каким-то скользким, держаться за него было неудобно. Но Чудовище держалось, не смотря на свой внушительный вес. Держалось, обвив его шестью щупальцами, присосавшись к обшивке, оставив и свободные конечности - на всякий случай, мало ли что!

И как показало время, сделало это Чудовище не напрасно. Из-за приоткрывавшейся дверцы дважды высовывались туристы: первый, увидав незапланированного пассажира, побелел как мел - это было видно даже сквозь прозрачное прикрытие маски - и тут же скрылся, второй высунулся, выставив вперед трубку... Это был опрометчивый поступок. Чудовищу надоело за последние сутки быть живой мишенью. И оно поступило очень просто, почти рефлекторно - резко выкинуло вперед свободное щупальце, обвило трубку вместе с рукой туриста и выдернуло его из машины. Турист пропал в дымной пелене. Чудовище попробовало прикинуть, сколько же тому придется лететь вниз, до встречи с землей. Но ничего не получилось - попробуй-ка сориентируйся в этом чертовом смоге: на какой высоте они летят, куда?! И летят ли вообще? Может, зависли над поселком? Ничего нельзя было определить. Но судя по тому, что обдувало редким и вонючим ветром, и обдувало все время с одной стороны, они куда-то летели.

Надо было что-то делать. Чудовищу вовсе не светило попасть на туристовскую базу или куда-нибудь еще. И оно принялось потихоньку, но включая в работу почти все мышцы своего огромного тела, раскачивать машину.

Поначалу сделать это было непросто - могучий мотор, винты обладали зарядом нечеловеческой энергии, посоперни-

чай-ка с ними! Но Чудовище не торопилось – оно медленно и ритмично переваливало свой вес, свою массу с одной стороны крыла на другую. Чего, чего, а упорства Чудовищу было не занимать.

И машина поддалась, она, вслед за своим живым маятником, стала покачиваться с боку на бок, все резче, все сильнее. Сидящие внутри сообразили, что так можно нарваться на неприятности, замедлили ход, сделали отчаянную попытку выровняться. И им это, возможно, удалось бы. Но Чудовище выбрало удобный момент и забросило щупальце вверх, вбив во внутрь боковое стекло и зацепившись за край дверцы. Теперь оно имело надежную опору!

Почти сразу же сверху полилась зеленая жижа – там отчаянно, в несколько рук, резали, пилили, рубили всем, что только имелось в кабине, это цепкое жилистое мускулистое щупальце. Но было поздно.

Чудовище почти не ощущало боли. Им овладело нервное беспокойство, почти азарт. Оно уцепилось за край второй конечностью, подтянулось... и чуть не полетело вниз. Дверца оторвалась; слетела с петель, искореженных, согнутых. Один из туристов выскочил следом, видно, слишком усердным был. Он тут же растворился в пелене, как и его предшественник.

Но Чудовище не упало. Оно успело зацепиться за боковины. И вытянуло вверх третье щупальце, обвило его вокруг кресла. Теперь проблем не было – подтянуться на трех конечностях, даже для такой громадины, дело плевое.

Когда оно заглянуло внутрь, в кабине стало еще на одного человека меньше – пилот, сидевший в соседнем кресле, схватился руками за голову и выпрыгнул из машины. Он сорвал с себя на лету маску. И еще какое-то время был слышен его жуткий крик – крик потерявшего разум.

Внутри оставалось двое. Они забились в дальний конец машины, выставили перед собой трубки. И ждали. Чего они могли ждать, было непонятно. Но эти два туриста не решались стрелять.

«Пускай мы гробанемся вместе с этой тарахтелкой, – подумало Чудовище, пускай! Наверное, так будет лучше. Прав был Отшельник – незачем умножать зло в мире, его и так много!» Оно отвернулось от дрожащих, туристов. Наугад ткнуло щупальцем в пульт управления, попало в какую-то клавишу. Машину накренило. Моторы надсадно взвыли. Но, видно, была во внутренностях этой тарахтелки какая-то автоматика, она

выправила машину. Второй раз экспериментировать Чудовище не стало.

- Эй, вы, - сказала оно вполголоса, не оборачиваясь. - Охотнички. Чего ж вы? Давайте, шуруйте, а то навернемся всей компанией!

Туристы явно не ожидали услышать нечто членораздельное от жуткой невообразимой твари, что заползла в их машину. И потому растерялись окончательно. Один из них упал - лицом вниз, сознание потерял. Второго Чудовище за ногу подтянуло к креслу, усадило. Надавило слегка на плечо.

- Давай! Потом будешь нюни распускать! Никто тебя не трогает, понял?!

И турист что-то понял. Может, был докой по части лингвистики, может, его предки когда-то жили на этой земле, и он от них перенял немного, может, просто толковый попался.

- Тофай! Тофай! - повторил он возбужденно. - Мы умель! Пошла! - и вцепился в рычаги.

Тарахтелка пошла вниз.

- Где мы? - спросило чудовище.

Турист залопотал что-то по-своему, быстро и непонятно.

- Не суетись, Биг! Я рядом! - сказал вдруг Отшельник.

Чудовище резко обернулось. В кабине никого не было. Померещилось, небось.

- Нет, Биг, тебе не померещилось, - повторил Отшельник.

И Чудовище сообразило, что слова доносятся не снаружи, что они звучат в голове.

- Ты никогда не разговаривал со мной так, издавека... - начало было Чудовище.

- Мало ли чего еще не случилось с тобой, Биг. Не удивляйся. Я помогу тебе немного, чем смогу. Правда, для этого мне пришлось высосать полторы банки проклятого пойла. Ну да ладно, Биг, мы же не будем считаться, верно?

- Нет, - ответило Чудовище.

- Ну и хорошо, малыш. Я не буду надоедать. Сам все делай! Но я буду переводчиком между тобой и этим, считай, что я спутник связи, а вы два абонента!

- Ты мудрено говоришь, Отшельник, я не все твои слова понимаю.

- Если бы хоть кто-нибудь на земле все слова понимал, Биг! Мы бы жили совсем в другом мире! Ну все, хватит болтать! Не для того я себя гроблю, Биг.

Чудовище повернуло голову к туристу.

- Где мы?

Тот ответил, не разжимая губ.

- В двухстах милях от этой вонючей дыры, где погибли каши парни! Чего ты хочешь? Не смотри на меня, мороз по коже дерет! Никогда бы не подумал, что такое... - он запнулся, - что такие бывают разумными. Нет, не смотри, у меня руки дрожат. Мы навернемся, если я не успокоюсь. Хотя какая разница, все равно ведь ты меня сожрешь со всеми потрохами, когда мы приземлимся, верно?

- Верно! - подтвердило Чудовище. - Сожру и не поперхнусь.

После этих слов турист как-то расслабился, вздохнул - почти облегченно.

- Куда ты сейчас правишь?

- Какая разница, где быть сожранным.

- Не шути, охотничек, ты не у себя за барьером, помни об этом!

Краска отлила от лица туриста, руки задрожали. Но он был крепким парнем, совладал с собой.

- Если ты настаиваешь, можно повернуть назад!

- Да, я настаиваю, - подтвердило Чудовище.

Тарахтелка завалилась на левый бок. В брешь стало задуть. Но Чудовище не боялось сквозняков.

- Ты можешь связаться с другими машинами, теми, что жгли поселок?

- Нет! - резко ответил турист. - Не могу!

- Врешь!

- Нет, не вру! Ты сам разгромил здесь все. Сейчас связи нет.

- Но они знали о том, что я улетел с вами, знали?

Турист усмехнулся. Сдвинул маску.

- Конечно, знали! - он помедлил немного, видно, решая, говорить или не говорить. Но потом сказал все-таки: - Мы вместе смеялись. Над тобой! Они не видели, но мы все им рассказывали. А они давали советы - как тебя прижать к земле и раздавить или подняться повыше да тряхнуть так, чтобы слетел. Но потом решили, что ты и сам отвалишься - повисишь, повисишь немного, пока силенок хватит, да и отвалишься... Вот и отвалился, мать твою! - турист искренне и беззлобно выругался. - Лишь когда ты выдернул Сиду, они хотели сблизиться, расстрелять тебя в упор. Говорили, мы изрешетим это чучело

паршивое за нашего мальчугана! Мы с него на лету скальп снимем!

- Ладно, заткнись! Слишком много говоришь, приятель! - оборвало его Чудовище.

- Ничего, перед смертью можно! - сказал турист и умолк.

- Где мы?

- Еще миль двадцать.

- Они не встретятся нам?

- А я почему знаю! Ты чего, боишься?

- Боюсь, - сказала Чудовище, - за них боюсь!

- Ну-ну! - выдавил турист с иронией. Он окончательно пришел в себя.

Чудовище выглядывало вниз. Но оно ничегошеньки не видело. Все было в дыму, в тумане. Только теперь оно осознало, в какой степени было прокопчено и загазовано Подкуполье. Но Чудовищу не с чем было сравнивать, оно не видело иных мест, знало лишь, что на востоке совсем плохо, что там земли под собой не увидишь. И все же зрелище это навевало печаль.

- Ты бы пониже спустился, что ли!

- Есть, командор! - ответил турист.

Машину накренило.

Они зависли над какими-то развалинами, еле проглядывающими в серо-желтой пелене, похоже, над тем самым пустырем, где произошло ночное сражение.

- Давай-ка еще ниже!

Теперь прямо под ними стояла гусеничная машина с погнутым стволом. Чудовище признало ее - та самая!

Турист молчал. Но по лицу у него ходили желваки, губы подрагивали.

- Любуешься? - наконец выдавил он. - Твое дело, наверное?!

Чудовище еле сдерживалось, чтобы не отвесить наглецу хорошую плюху.

- Это их работа! - процедило оно, почти не разжимая жвал. - Спускайся!

Тарактелка совсем медленно, будто в нерешительности, опустилась прямо на брюхо.

- Старая модель, - оправдался за нее турист, - с ваших складов, кстати. - Он повернул голову к Чудовищу. - Но когда придут наши...

- Что будет, когда придут ваши? – поинтересовалось Чудовище.

- Сам увидишь.

- Ладно, поживем – увидим, – согласилось Чудовище. – А сейчас ты кое-что увидишь.

И оно без церемоний выпихнуло туриста из кабины. Тот упал на колени – прямо в грудь битого кирпича упал. Но не застонал, не закричал, лишь поморщился.

- Пошли!

Чудовище подтолкнуло его в направлении подвала, ставшего братской могилой для половины поселковой мальшны. Им надо было проделать не более десятка-полутора шагов.

Винт тарактелки все так же вращался. Правда, вхолостую.

- Я тебе покажу это, чтоб ты знал! Но я тебе покажу это и по другой причине, догадываешься?!

- Нет, – мрачно ответил турист.

- Зря! Она очень простая – ты никому и никогда не расскажешь об увиденном, понял?

Турист промолчал. Но он все понял.

- Гляди! – Чудовище распахнуло дверцы, приподняло крышку. Потом откатило несколько камней. В глубине подвала в ряд лежало несколько отвратительных существ – мертвых, скрюченных, ничего кроме омерзения не могущих вызвать у нормального туриста, у землянина. – Ты видишь этих детей?!

Турист отвернулся.

- Их убили ваши... Они их расстреливали в упор, как зверей! Нет, хуже, как мишени в тире! Ты понимаешь, о чем я говорю или нет?! Не лукавь перед смертью, говори!

Турист сказал совсем тихо, но твердо.

- Ты можешь меня убить, знаю. И убьешь! Но мне не жалко этих тварей, понял! Совсем не жалко! Я и смотреть на них не могу, меня тошнит, понимаешь, тошнит, вот-вот вырвет! Меня и от тебя тошнит! Убивай! Но я такой падали, такой дряни даже в кошмарных снах не видал! – турист распаялся все больше и больше: – Ты бы поглядел на себя в зеркало!

Чудовище вздрогнуло. Но не стало выказывать своего недовольства. Оно принялось снова засыпать тела щебенкой, заваливать камнями. Потом затворило крышки.

- Вы все здесь уроды! Нелюди! Мутанты! Кто бы мог подумать, что на нашей Земле появятся такие гадкие твари! Ведь это же бред! Это же чудовищно! Куда мы все катимся?! Меня просто тошнит от всего этого...

- Да ладно, успокойся ты, - Чудовище снова слегка коснулось щупальцем плеча туриста, - успокойся! Не так уж все и страшно. Тебя как зовут?

Турист поднял на него удивленные покрасневшие глаза.

- Хенк, - сказал совсем другим тоном, как-то сишло и мягко.

- Ну и ладно, Хенк. Не бойся, не трону. Пока не трону! - заявило Чудовище. - А у меня и имени-то нет... позабылось что-то. Все по-разному кличут, кто чучелом, кто образиной, кто тварью, кто чудовищем...

- Не прибедняйся, Биг! - вмешался Отшельник. - У каждого есть имя. Каждого мать как-то называла в детстве.

Хенк огляделся. И Чудовище огляделось. Они не увидели Отшельника. Зато они увидели другое - тарактелка, поднимая пыль, взрывая моторами и покачиваясь, отрывалась от земли.

Турист кинулся к ней.

- Поздно, Хенк! - бросило ему в спину Чудовище.

- Вот сволочь! - выкрикнул турист, когда машина пропала в пелене.

Чудовище подошло ближе.

- Да, друзья у тебя верные, - сказало оно, - на таких можно положиться.

Гурыня наблюдал за странной парочкой из-за надежного укрытия - полуобрушившаяся стена загораживала его с трех сторон. К тому же, в двух шагах позади был лаз, в который можно нырнуть в случае чего. Лаз вел в подвалы, а там ищи-свищи его!

Он уже трижды поднимал свою железяку и прицеливался в туриста - то в голову, то в грудь, то в пах, не мог выбрать, куда вернее садануть. На Чудовище он даже пуль тратить не хотел, это все одно, что в воздух палить или в стену.

Но и в туриста он так и не выстрелил. Что-то подсказывало Гурыне - не спеша, не надо рисковать, что у тебя - две башки, что ли?! Вон, у Блинецов-Сидоровых было две башки, а толку?! Нет, не хотел Гурыня расставаться с жизнью. Особенно после вчерашней истории, когда ему довелось уже побывать на краю.

Гурыня не один был в развалинах. Пока этот умник Пак все вынюхивал, да выведывал, Гурыня набрал-таки себе ватагу. А что ему оставалось делать, всю жизнь бегать за Паком, кото-

рый сам не знает, чего хочет?! Не-ет, у Гурыни тоже кое-что в башке шевелится, и он не из последних в поселке, он еще себя покажет!

Правда, ватага подобралась хилая, да и не ватага, а так, кучка – трое кроме Гурыни. Но лиха беда начало! Главное, ребята были смиренные, послушные, дрожали перед ним как былинки. Но они еще покажут себя в деле! Гурыня надеялся на них. Хотя и не слишком.

Он вчера подобрал еще две железяки возле машин туристов. Но Хитрому Паку не стал говорить о них, знал, отберет вожак железяки и еще накостыляет вдобавок. Гурыня их припрятал. Пригодятся.

Новонабранной салажне он не спешил раздать оружие. Перекалечат друг друга, переубивают, все дело засыпят. А дело мнилось Гурыне большим, сулящим немалые выгоды.

– Ну чего там? – поинтересовался шепотком из лаза Лопухий Дюк.

Его шарообразная голова со слоновьими ушами и тремя мутными глазами без зрачков маячила на уровне щебенки – Гурыня запретил вылезать наружу.

– Цыц, падла!

Дюк перепугался и спрятался.

– Все дело испортят, – процедил Гурыня под нос.

Он постоянно думал и говорил о каком-то деле, все намекал на что-то, обещал, сулил золотые горы. Но ничего путного в его голове не было, никакого сколь-нибудь обстоятельного плана Гурыня по своей непостоянной и вспыльчивой натуре разработать не мог. Но ему очень хотелось, чтобы все думали, будто им расписаны действия на год вперед, что все нити в его руках.

Когда тархателка улетела, Гурыня чуть не нажал было крюк. Еле сдержался. Не было бы Чудовища, он бы без размышлений, в первую секунду же прикончил бы туриста. Но Гурыня не знал, как поведет себя эта мерзкая тварь. Не послушали его вчера, придурки! А он один прав был! Надо было кончать эту образину! Всем вместе, сообща, когда лежала на пустыре опутанная, пойманная ими! Прикончили бы – и все пошло б по-другому! А все Умник Пак! Чтоб ему хобот оторвали!

Чудовище с туристом бродили по пустырю, осматривали машины, заглядывали внутрь. Чего они искали, Гурыня понять не мог.

- Долго нам тут еще торчать? - снова подал голос Лопухий Дюк.

Гурыня бросил в него камнем. Но не попал. Дюк быстро убрал голову в лаз.

Долго ли придется сидеть в засаде, Гурыня и сам не знал. Ему тоже порядком надоело тут торчать. Он любил быстрые дела, заведомо выигрышные. Или такие, чтоб шлепнуть кого да и смотаться по-быстрому, пока не засекали. Вот это да! Это стоящее предприятие!

- Ну их! - прошипел он сам себе. - Падлы!

И на карачках подполз к лазу. Протиснулся в дыру, щелкнув костяшкой прямо по лбу Лопухому Дюку.

В подвале было темно и сыро. Но Гурыне не привыкать. Он сразу увидел, что забившийся в угол Бага Скорпион жрет чего-то, наяривает всю свою тройную зубастую челюстью.

Гурыня подскочил к Баге молнией. Тот не успел запихнуть в рот остатков падали, поперхнулся, выпучил красные рачьи глаза. Железяка дважды опустилась на хребет Баги. Цепкие костяшки Гурыни вырвали комок почти из самого рта.

- У-у, падла! Втихаря жрешь?!

Бага не оправдывался. Он судорожно глотал то, что успел набить за щеки. И за это получил еще разок железякой.

Гурыня бросил отвоеванный комок Дюку.

- Подели на троих, - сказал он, раздуваясь от собственного поистине царского великодушия.

Скорпион наконец прожевался, отдышался, выдохнул с натугой и прохрипел:

- Чего дерешься-то?! Там вон, внизу, скоко хошь крыс, расплодился, понимаешь, а ты дерешься!

Дюк с тщедушным Плешаком Громбылой ринулись в указанном направлении, в нижний отсек подвала. Но Гурыня их остановил.

- Вы что, салаги, хавать сюда пришли?! - грозно спросил он со свойственным ему в минуты бешенства змеиным шипом.
- Жрите, что дают!

Дюк с Плешаком послушно принялись жевать свои части поделенной тушки. Гурыня спрятал жирную лапку в карман комбинезона. Присел на ступеньку. Он мог бы и посуровее наказать разгильдяев, но на первых порах не стоило пугать малышно, да и себя не гоже выставлять зверем. Пускай попрывокнут, поботрутся. А вот наберется когда с десятка два, тогда другое дело. Тогда ему надо будет лишь успевать их друг

на друга науськивать, стравливать, да колотить почаще – и они в нем души не будут чаять! А сейчас можно поласковой, поспокойнее, по-отечески.

– Шлындают, падлы! – поведал он о происходящем. – Как по своей хибаре! Ну мы еще поглядим, кто тут хозяин, верно я говорю, а?!

Все трое новобранцев закивали, заморгали. Они с восхищением глядели на Гурыню. А как же, герой! Отчаянный малый! Вожак!

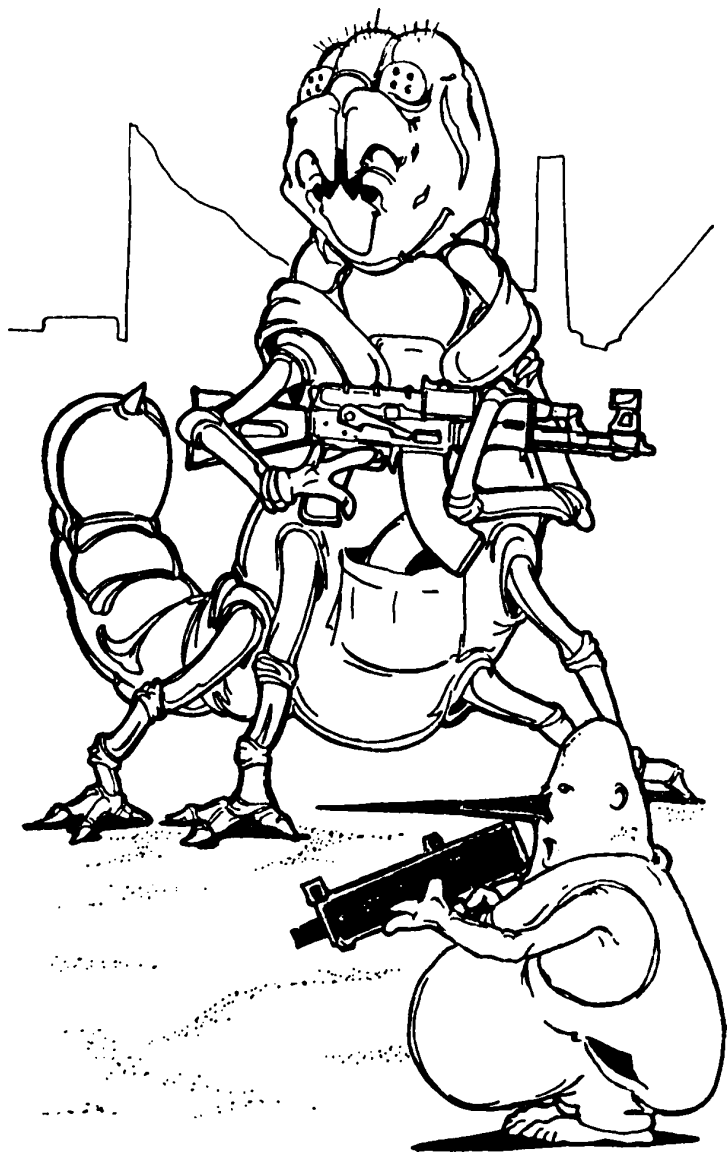
Гурыня и на самом деле выглядел геройски. После вчерашнего, после бесчисленных сегодняшних потасовок на нем места живого не было – сплошь синяки да ссадины, кровоподтеки и шишки! Комбинезон был разодран и изгажен – такого и в мусорных кучах не отыщешь. Но Гурыня не снимал его, гордился одежкой.

На длинные речи и повествования терпения не хватало. И он закончил совсем коротко:

– Ничего, падла, мы их всех ухайдакаем!

Плешак Громбыла сидел ни жив, ни мертв. Он впервые видел настоящего живого героя. И он уже сейчас готов был идти за своим вождем хоть куда, хоть на самый край света, и даже погибнуть там! Вот только сил у Плешака не было. Четыре хиленьких лапки с четырьмя пальчиками-коготками на каждой да кругленькое брюшко, мячиком выпирающее из комбинезона. Разве что клюв-долото! Эта штуковина еще могла как-то пригодиться. Она торчала на плоском лице совершенно лишней деталью – наградили его родители, а может, сам черт с дьяволом, этим костяным наростом! Года два назад Плешачок Громбыла, будучи еще совсем карапузом, проткнул клювиком девочку-соседку, насквозь проткнул. И не со зла причем, наоборот, ткнулся ей в щечку, обуреваемый множеством чувств восторженных и нежных, да и вышиб с другой стороны половину виска, вместе с глазом вышиб. Его, конечно, пожурили за неосторожность. Мама высекла прутиком. Папаня дал затрещину. Мать девочки, соседская баба, погрозила пальцем. На том и позабылось все. Но Громбылу с тех пор сторонились. Никто с ним не хотел дружить. Да ему и не нужны были друзья, подумаешь! И без них обходился! Зато под чью руку попал нынче! Сам Гурыня, боец и богатырь, бесстрашный и могучий, пригреб его, приобщиц, можно сказать! Это ж ценить надо!

Скорпион Бага смотрел на мир проще. Ему что Гурыня, что задница с хвостиком, лишь бы к ватаге прибиться, чтоб не

одному, чтоб в стае! Скорпион был тугодумом и скрягой. Он почти не умел ходить на двух нижних конечностях, редко вставал на них, зато на шести бегал быстрее любого – только мелькали в глазах гибкие, трехсуставчатые лапы. Но башка у Баги варила. Он умел считать и даже знал некоторые буквы. Умные люди поговаривали, что если Бага годика три-четыре позанимается без ленцы, так он и читать сможет что попроще! Но Бага думал о своем, у него другие планы были.

– Мы тут сидим как дураки, понимаешь, – сказал он, – а там, в поселке, обогатиться можно было! Там скоко всего по-жгли. Понимаешь?! Вот бы полазить-то по погребам, по хибаркам – точняк, обогатимся! Там стоко припрятано, понимаешь!

– Цыц, падла! – оборвал его Гурыня. – Умный, что ли?! Вон Пак, падла, тоже умным был, всю ватагу угробил! Ты, Скорпион, мне мозги не закручивай! Раздобудем железяки, падла, все наше будет! Понял?!

Бага тяжело вздохнул. По нему лучше был воробей в кулаке, чем тарихтелка в задымленном небе. Но он промолчал. Он не знал, что Гурыня обдумывает, как бы научиться управлять хоть одной машиной погибших туристов, как бы угнать ее, спрятать подальше от глаз, да поскорее, сегодня, ведь с минуты на минуту здесь могут появиться сами туристы! Вон, один уже появился! Да еще вместе с этой образиной! Прав был Пак Хитрец – все они заодно!

– Ежели чего, свистну! – сказал Гурыня и вылез наружу.

Он снова занял свою удобную позицию. Вытянул шею. Всмотрелся. Ни чудовища, ни туриста не было видно. Но они могли запросто стоять за какой-нибудь развалюхой, или же их скрывал смог. Гурыня не стал спешить, выждал несколько минут, не столько всматриваясь, сколько вслушиваясь. Но было тихо.

И тогда он по-змеиному выполз из-за стены, проскользнул между чахлым кустом и грудой замшелых камней. Подобрался к той самой западне, к каменной ловушке, где погибло Паково войско.

На кирпичач и щебенке были видны следы запекшейся крови – и тут, и там, и отдельными пятнышками, и засохшими лужицами... Но Гурыня проползал мимо, ничего не ощущая, не боясь испачкаться, он не был сентиментальным.

Когда до ближней машины оставалось не больше четырех метров, он встал на четвереньки, еще раз внимательно огляделся. И в два прыжка подлетел к машине, запрыгнул на бро-

ню и вслепую сиганул в распахнутый люк. Больно ударился обо что-то.

- У-у, падлы! - вырвалось у него так громко, что он зажал рот обрубком.

Кресло было неудобным. Его делали для туристов, а не для Гурыни. И потому тот устроился в нем на корточках, слегка привалившись спиной к спинке.

В машине было светло. Прямо перед Гурыней торчала какая-то странная палка с набалдашником. Он потянул ее на себя. Палка с трудом поддалась. Но ничего не произошло, машина как стояла, так и оставалась стоять, не качнулась даже. Тогда Гурыня начал по очереди нажимать на кнопки. Когда дошел до третьей слева, зелененькой, машина вдруг затряслась, загудела. Но с места не сдвинулась.

- Ну, падла, щя ты у меня поедешь! - прошипел Гурыня. И ткнул сразу в несколько кнопок своими костяшками.

Дико взвывла невидимая сирена. Зажглись фары, пробивая световые туннели в стене смога. Машину затрясло еще сильнее. Но она стояла. Стояла как вкопанная!

Гурыня сжал свои обрубки и начал колотить по пульту. Потом дернул что было сил за палку.

Вой стих. Свет пропал. Машина дернулась и тихо-тихо, со скоростью черепахи, поехала. Гурыня радостно, совсем как покойный папаша Пуго, загыгыкал. Сбывалось! Сбывалось задуманное! Он вылез на броню, всунул в рот две костяшки и свистнул. Потом еще раз.

Первым подбежал Скорпион Бага. Он с недоверием остановился за метр от ползущей машины. Потом, ободренный примером Гурыни, залихватски раскачивающегося на башенке, вспрыгнул наверх. Следом подскочили Дюк с Громбылой. Обоих трясло от страха. Но и они не спасовали.

- Только цыц! - предупредил Гурыня, когда они все забрались внутрь.

- А она не взорвется? - спросил Лопухий Дюк.

- Цыц, я сказал!

Гурыня дернул на себя палку с набалдашником. И машина поехала быстрее, наткнулась на обломки стены, но перевалила через них, сильно накренившись влево.

- Щя, разберемся! - зло проговорил Гурыня. И нажал еще одну кнопку.

Машина взяла правее. Стала набирать ход.

- Во, падла! Не, вы просекли! Во ведь, падла!!! - в восторге кричал Гурыня.

Их стало сильно качать. Машина перла, не разбирая дорога. И прежде, чем Гурыня сообразил заглянуть в висящие перед ним окуляры и рассмотреть хоть что-то толком, машину вдруг резко дернуло... и она, заваливаясь носом вперед, полетела куда-то. Падение было недолгим, его даже не успели почувствовать. Зато удар оказался резким и настолько чувствительным, что все четверо заорали в голос. А тщедушный Пleshак Громбыла тут же потерял сознание.

Гурыня сперва отшиб до невозможности зад при падении, а потом так стукнулся головой о бронированную переборку, что в глазах у него заплясали желтые и зеленые карлики. Он сильно прикусил свой узенький словно жало язычок. И теперь сидел и тонюсенько скулил.

Лопоухий Дюк пересчитывал ребра. Но он не знал, сколько их всего должно было быть, и потому затея его была обречена на провал. Ему сильно окорябало ухо о переборки. Но он терпел.

- У-у, падла! - наконец ожил Гурыня.

- Каюк! - трубно провозгласил Скорпион Бага.

Он дернул завалившегося на спину Громбылу за лапку. Тот пришел в себя.

- Где мы?

- Щя разберемся! - заверил Гурыня.

Он приподнял захлопнувшуюся крышку люка. Высунул голову наружу.

- Темно, падла!

Гурыня вылез полностью, потирая отбитую задницу и беспрестанно ругаясь. На всякий случай он сжимал левым обрубком железа. Но стрелять, похоже, было не в кого. Он посидел немного на броне. Потом наощупь спустился вниз, придерживаясь за траки гусеницы. Почва под ногами была твердой. Гурыня даже притопнул слегка. Нагнулся, постучал костяшками, железякой. Гул эхом разнесся вокруг и ушел куда-то далеко-далеко. Под ногами была никакая не почва, это был железный пол.

- Чего там? - поинтересовался из машины Скорпион.

- Труба! - ответил Гурыня.

Туристы недолго пробыли на пустыре. Они подобрали трупы своих, погрузили их в машины и улетели.

Пак рассчитывал, что они будут изучать местность, выискивать следы, приглядываться, принохиваться, стараться как-то восстановить карту ночного побоища. Но все оказалось значительно проще. Напоследок туристы сбросили на пустырь пару бочонков с зажигательной смесью – очистили огнем оскверненное место.

Смесь прогорела, почти ничего не изменив на пустыре. Да и чему там было меняться. Другое дело, поселок. Когда Пак возвращался, он еле отыскал дорогу, так неузнаваема стала местность.

Неудачный сегодня выпал денек. Одно дело, что ожил! А может, и не стоило оживать-то, для чего?! Нервы у Пака начинали не выдерживать. Он с силой пнул по какой-то деревяшке, валявшейся посреди замусоренной дороги. И отшиб ногу – деревяшка оказалась не деревяшкой, а запыленной железкой. Дальше он шел, прихрамывая, припадая на ногу, будто неистребимый и несгибаемый инвалид Хреноредьев, которому все было нипочем.

За ним увязался было трехлапый пес с длинным, волочащимся по земле крысиным хвостом. Но Пак рыкнул на него, погрозил клешней, и пес отбился. Наверняка, он остался без хозяев и тосковал, не находил себе места. Только Паку было сейчас не до телячьих нежностей.

Дважды приходилось прятаться за кустами – нарывался на группки туристов, обходящих окраинные дома. Туристы не заходили ни во дворы, ни в сами хибары. Но если кто-то попадался им на глаза, они поступали очень просто – поднимали свои металлические трубки и нажимали на спусковые крючки. Паку их поведение было совершенно непонятно. Он не видел в нем никакой логики. Зачем же гробить всех подряд, что за смысл такой?! Нет, видимо, существовали на белом свете вещи, не допустимые его уму.

К лачуге Эды Огрызины он подобрался к вечеру, когда начинало темнеть. Первым делом заглянул в хлев. Буба Чокнутый мирно посапывал посреди вырождков. Да и немудрено, он устал за этот суматошный день. Выродки не спали. Они все так же тряслись, разевали пасти, рты, клювы, просто дыры посреди голов или туловищ – жрать просили. Ну чем им мог помочь Пак Хитрец? Он и сам был голоден. Правда, на раздачу идти боялся. По его соображениям, именно там должны были устроить засаду туристы – ведь куда первым делом попрутся поселчане? Конечно, к раздаче, за своей миской баланды! Да

еще к краникам, за глотком поила! Вот там-то им всем и каюк! Так думал Пак. Но уверенности в его мыслях не было.

- Эй, кто там? – подал голос из подпола Хреноредьев.

Пак не ответил. Он рыл за кустами яму. Надо было закопать трупы. Тащить их к отстойнику не было никаких сил. А от Бубы и инвалида сегодня помощи не дождешься, это точно.

- Я, едрена-матрена, кого спрашиваю?! – взъярился Хреноредьев.

Он не мог вылезти на своих деревяшках из подпола. И это его бесило.

- Да пошел ты! – отозвался Пак. – Помог бы лучше, чем орать, дурак чертов, избранник хренов!

- Чего?! Ты как мене обозвал, щенок?! На что намекаешь, едрит тя кочергой?!

Пак ответил спокойно и рассудительно:

- А я тебе поясню, Хреноредьев. Остолоп ты и хрен моржовый, потому тебе и кликуху такую дали, понял? Или разъяснить?!

Из подпола раздалось яростное сопенье и хрипы, перешедшие в вопль:

- Ах ты, гаденьш! Вот я сця вылезу, башку те отвинчу!

- Вылезай, вылезай! Копать поможешь.

Пак весь взмок от непривычной работы. Рыл он долго, а ямка получилась совсем небольшой. Он за ногу подтащил к ней Мочалкину-среднюю – места хватало лишь на нее одну.

Нет, так дело не пойдет, решил Пак, можно пол жизни проковыряться с этими покойничками! Лучше спихнуть их всех в подпол, знатная получится братская могила! А сверху земелькой припорошить. Так он решил и сделать.

Но сначала сбегал на площадь. Собрал в мешок золу, оставшуюся то ли от папаньки, то ли от трибуны. Телогрейку, утратившую голубей мира, трогать не стал. Ну ее! Пускай валяется!

Мешок он втиснул между посиневшим и потерявшим свою величавость Бегемотом Коко и Мочалкиной-старшей. Заглянул в подпол.

- Эй, вылазь давай! – сказал он Хреноредьеву. – А то я тебе сверху сотоварищей подкину, они те бока намнут!

- Не вылезу! – буркнул Хреноредьев.

- Считаю до четырех! – выдвинул ультиматум Пак.

- И что?

- Хрен через плечо! Раз!

- Я тя за оскорбления привлеку, едрена вошь!

- Два!

Хреноредьев сопел, кряхтел. Он бы и вылез, да не мог!

- Три!

- Умный больно! Научили их, едрена, считать на свою голову!

- Четыре! Все!

Пак спрыгнул вниз.

И попал прямо в инвалида, сбил его с ног.

- Ты драться, едрена?! - заорал тот. - Вот ты как?!

Но Пак не собирался с ним драться. Он просто хотел его выпихнуть из подвала.

Упрямый Хреноредьев уперся.

- Не вылезу! Хоть режь! Рви на куски! Едрена тарактелка!

Паку вдруг все надоело.

- Ну и будем сидеть, - сказал он потухшим голосом.

- Вот и будем! - жестко подтвердил Хреноредьев. И забился в противоположный угол.

Минут десять они просидели молча. Хреноредьев скрипел остатками зубов. Пак привыкал к темноте, отдыхал после трудов праведных.

Сверху кто-то просунул голову. Это был Буба Чокнутый.

- Вы чего там сидите? - спросил он.

- Пошел на хрен! - буркнул Пак.

Хреноредьев не выдержал и набросился на Пака с кулаками.

- Получай! Получай, гаденыш!

Он был жесток в ярости. Пак даже не ожидал такого натиска от бессильного, казалось бы, инвалида. Но он выбрал удачный момент, отпихнул его от себя обеими клешнями, выхватил железяку, вскинул, нажал крюк... в последний миг он успел сдвинуть ствол чуть левее. И пуля не попала в Хреноредьева. Она пробила старую полуизгнившую рогожу. И ударила во что-то полое, железное - от звона и гула заложило уши.

- Чего это? - поинтересовался Хреноредьев.

- Щас узнаем!

Пак дернул рогожу. За ней была большая проржавевшая заслонка с дырой посередине. Из заслонки торчала ручка. Но не обычная, какие бывают на дверях, а какая-то круглая. Пак почесал макушку.

- Не пойму чего-то... - начал было он.

Но сверху вдруг свалился Буба Чокнутый, захав пяткой под глаз Хреноредьеву и ударившись плечом о стоящий посреди подвала ящик с тряпьем.

- Уууу-а!!! - взвыл он.

- Так те и надо, едрена! - обрадовался Хреноредьев, потирая синяк.

Пак осторожноенько водил клешней по поверхности заслонки.

Отправившийся Буба отпихнул его.

- Отойди, недоумок! - сказал он. - Тут надо мозгами шевелить! Тут с головой надо.

Он дернул ручку на себя. Заслонка не поддавалась. Тогда он уперся одной ногой в стену и дернул еще, и еще раз. Заслонка со скрипом отошла. Пак удивился - какая она была толстая, с его клешню толщиной.

За заслонкой была дыра, ведущая в темноту и неизвестность.

Буба осторожно просунул в дыру голову. Потом повернул набрякшее лицо к Паку и Хреноредьеву и сказал:

- Спокойно, придурки! Тут с умом надо!

Он подался еще немного вперед, потерял равновесие, перевалился через край и пропал из виду. Через несколько мгновений снизу послышался гулкий шлепок. Буба Чокнутый, видно, приземлился.

- Во-о, голова! - Хреноредьев погрозил Паку пальцем. - Учись, щенок, едрит тя этой заслонкой по башке!

Пак помолчал немного и сказал:

- Надо выручать Чокнутого. Веревки есть?

Хреноредьев задумался, потом ответил:

- Откуда, едрена, было два конца, так имя передовика Пуго к трибуне привязали.

- Значит, нету! - огорчился Пак, дожили, две веревки на поселок, и-эх!

Хреноредьев просунул в дыру голову и трагическим голосом спросил:

- Буба, где ты?!

- Бу-бу-бу-бу... - прокатилось эхом.

- Не отзывается, умник!

- Ладно, я полезу, - решил Пак.

Он понадежнее зачихнул под комбинезон железяку – обоймы лежали у него в карманах – огляделся, будто прощаясь с родным и знакомым навеки. И шагнул к дыре.

Хреноредьева он проинструктировал:

– Ты вот чего, старый обрубок! Ежели мы вылезти не сможем, кидай туда, что под руку подвернется, да побольше – сложим горочкой, глядишь, и до края дотянемся. Понял?

– Понял, – недовольно проворчал Хреноредьев.

– Ну, тогда прощай на всякий случай!

Пак перевалился через край, повисел немного на вытянутых руках, болтая ногами, пытаясь нащупать опору. Но не нащупал. И разжал руки...

Очнулся он от вопля Хреноредьева, усиленного эхом.

– Эй, Па-ак! Ты живо-о-ой?!

– Живой! – отозвался Пак. И приподнялся.

Он вытянул руки, пытаясь определиться – что, где, как. С одной стороны была пустота. С другой Пак нащупал несколько железных скоб – одна выше другой. Это была лесенка. Он выругал себя последними словами, стоило прыгать, когда вот она, лестница – хошь вверх, хошь вниз... Он не сомневался в том, что лестница вела в Эдин подпол. И все же Пак оторвался от нее и пошел в противоположную сторону. Через семь или восемь шагов он наткнулся на глухую стену. Постучал. Стена была железной. Внизу она покато переходила в пол. Труба, сообразил Пак, огромная, широченная труба!

– Буба, умник, ты где? – позвал Пак. – Отзовись!

– Чего орешь! – буркнул Буба из-за самого плеча. – Тут я! Разорался, обалдуй!

Пак облегченно вздохнул. Ему уже надоели трупы за сегодняшний день. И он был искренне рад, что Буба живой.

– Эй, чего вы там! Отвечайте! – орал сверху Хреноредьев.

Ответить ему было нечего. Надо было сперва разобраться.

– Чего там?! – не успокаивался инвалид.

Буба высморкался, посопел и крикнул вверх:

– Чего, чего! Цистерна баланды да бак пошла, вот чего!

В образовавшейся тишине стало слышно, как тяжело и с натугой засопел наверху Хреноредьев. Но тут же послышался его голос:

– Не трожьте без меня, едрена тарахтелка! Эй, слышали! Я, как член поселкового совета, ответственно заявляю – нетрожьте! Щя уже, лезу к вам...

Пак хотел крикнуть, чтобы Хреноредьев ощупал стены, может до лестницы доберется. Но не успел. Рядом тяжелым кулем шлепнулось тело Хреноредьева, расплывшееся и обрюзгшее. Только деревяшки протезов скрипнули.

- Ох, едрит твою! - заявил Хреноредьев натужно.

И тут же встал, дыща в лицо Паку какой-то дрянью. Он был явно несокрушим.

- Где здесь цистерна, едрена-матрена?! Где бак?!

Буба сунул ему под самый нос кукиш.

- Вот тебе и бак, и цистерна, и хрен с редькой!

Инвалид взвыл сатанинским воем.

По трубе раскатилось протяжное:

- Ы-ы-ы-а-а-а-угхр-ры-ы!!!

Пак сочувственно похлопал инвалида по плечу.

В это время где-то вдалеке еле забрезжил свет. Он был поначалу совсем слабеньким - так себе, не свет, а мерцанье. Но потом становился все сильнее и сильнее. Пока не перерос в ослепительный, бьющий по глазам напор фар. Вместе со светом рос гул, лязг, треск - из еле различимого до оглушительного, непереносимого.

Пак, Буба Чокнутый и инвалид Хреноредьев в едином порыве вжались в стену - ни живы, ни мертвы.

Мимо с дьявольским грохотом, неимоверно гудя в полой трубе, стуча гусеницами и вся сотрясаясь, пронеслась бронированная машина... Пронеслась, высвечивая потаенные дали, поднимая пыль столбом, оставляя угарное зловоние... Пронеслась и пропала в неизвестности. Лишь долго еще вибрировали стены да что-то мерно гудело. Но со временем все стихло.

- Надо вылезать отседа, к едрене фене! - предложил Хреноредьев шепотом. - Бежать, покада нас всех тут не уконтропутили! Такая моя идея, едрит ее громыхалой!

- Похоже, мы все тут недоумки! - высказал вдруг интересную мысль Буба Чокнутый.

И спорить с ним не стали.

Пак еле различал силуэты сотоварищей. Он держался одной клешней за скобу и раздумывал, выбираться отсюда или не стоит пока. Наконец решился.

- Надо разведать, куда труба ведет! - сказал он.

- Не-е, я наверх, едрена феня! - заявил Хреноредьев.

Он полез по лесенке. Но тут же сверзился с нее. В руках у инвалида было маловато силенок. А ноги его и вовсе не держали - попробуй-ка влезь на двух деревяшках по скобам.

Но Хреноредьев был упорным. Он сделал еще одну попытку, потом еще. Все они закончились плачевно.

- Не-е, с вами отседова не выберешься! - промямлил он, потирая бока. - С вами тута загнешься! Ненадежный народ пошел.

- А ты оставайся здесь покуда, - предложил Буба, - а мы с Хитрецом прогуляемся.

- Умные больно, - проворчал Хреноредьев. - Едрена труба!

И он поплелся за Бубой и Паком Хитрецом, потихоньку, в четверть голоса, проклиная судьбину, а заодно и всех на свете.

- Ты у меня будешь заложником, Хенк. Понял? - сказала Чудовище. - Я тебя посажу в бункер. Ты немного отдохнешь и успокоишься, ладно?

- Чего ты меня спрашиваешь? - возмутился турист. - Можно подумать, что если я не соглашусь, ты меня отпустишь, Биг!

Чудовище улыбнулось. Так улыбнулось, как это у него получалось - раздвигая жвалы, морща кожу у дыхательных отверстий и посверкивая выпуклыми, прорывающимися из влажной кожи глазами.

- Может случиться и такое. Но в следующий раз, Хенк. А пока я должен приглядеться к вам. Нет, меня правда интересует это... Почему вы такие? Откуда эта жестокость, Хенк? Ты говорил, что тебя тошнит от местных вырожденков. Но в них нет такой слепой и беспричинной жестокости. Даже когда они мордуют друг друга по пустякам, они это делают сгоряча, у них это исходит из сердца, Хенк, а вовсе не из мозга. Ваши не такие...

- Наши разные, - буркнул турист.

- Вот и посмотрим, кто есть кто.

Они спустились на четыре яруса вниз. Спустились по опасным, практически бесперильным лестницам, сработанным на редкость грубо - из прутьев арматуры, сваренных кое-как.

Чудовище светило перед собой фонариком, взятым у Отшельника. Но фонарь был слабым, он высвечивал пространство метров на пять-шесть, не больше.

На каждом ярусе была площадка. И они останавливались, чтобы перевести дух. В основном в отдыхе нуждался Хенк. Чудовище могло бы спускаться до бесконечности, оно не чувст-

вовало сегодня усталости – то ли нервы были напряжены до предела, то ли нагрузка была не слишком велика для его могучих мышц.

– Как ты думаешь, полезут сюда ваши?

– Думаю, навряд ли их сюда удастся затащить на аркане, – ответил турист.

– Вот видишь, мы такие разные, а мыслим-то одинаково, – сделало вывод Чудовище. – И хорошо, что не полезут, им здесь будет плохо.

Хенк остановился. И чуть ли не впервые за все время прямо и долго, в упор, поглядел на Чудовище.

– Я тебе правду скажу, Биг. Запомни, чтобы ты ни делал, как бы ты ни путал следы, как бы ни петлял, заройся ты хоть на сто миль под землю, все равно, Биг, они тебя отыщут! Можешь не сомневаться в этом. Они доберутся до тебя. И пощады не будет. Знай это.

Чудовище не выдержало его напряженного взгляда, отвернулось.

– Ладно, поглядим еще, – проговорило оно тихо. – Поглядим, Хенк, кто здесь хозяин.

Спуск закончился, и они долго пробирались по узкой, в два метра диаметром, трубе, на треть заполненной маслянистой жижей. Эта жижа противно чавкала, хлопала при каждом шаге. Но запаха она не имела. Хенк с трудом передвигал ноги, будто по болоту шел. Он не ныл, не просил остановиться, передохнуть. Он считал себя в любом случае обреченным и потому не боялся надорваться или переутомиться.

Туристы появились неожиданно. Чудовище сначала ощутило несколько резких тычков, кольнуло в разных местах, и лишь потом оно услышало треск выстрелов. Стреляли в упор, из-за поворота. Там маячили две длинноногие фигуры в блестящих скафандрах. Все это было похоже на засаду.

Первым делом Чудовище пихнуло Хенка прямо в спину. И тот упал, с головой ушел в жижу.

– Не суетись, малыш! – раздался в голове голос Отшельника.

Легко ему было давать советы, сидючи за двенадцать километров отсюда в безопасном месте.

Чудовище не откликнулось на слова Отшельника. Теперь надо было держать ухо востро. Оно припало к железному полу, выставив над поверхностью лишь голову и уродливый горб. Затаилось.

Выстрелов больше не было. Но туристы стояли с таким видом, будто ничего и никого на свете не боялись, будто они были хозяевами положения.

Хенк приподнял голову, вздохнул глубоко. И снова скрылся в толще жижи. Он понимал, что пуля – дура, она не будет разбирать, кто тут свой, кто чужой.

Еще одна очередь прошла пространство. Стреляли над головами, явно давая понять, что держат на прицеле.

Чудовище медленно повернуло голову. Позади, метрах в сорока, посвечивая тускленькими голубенькими фарами, стояла какая-то непонятная машина с хищным острым носом. Она была совсем небольшой, проходила в эту узкую трубу. И тем она была страшна. Пробкой затыкала она проход, отсекала пути назад.

– Ничего, ничего! – приободрило себя шепотом Чудовище.

Надо было решаться на что-то, пока сюда не подтянули основных сил. А то, что это лишь небольшой отряд поисковиков, Чудовище не сомневалось.

– А, была – не была! – проговорило оно вслух.

И тут же прижало двумя левыми щупальцами Хенка к своему боку, вжало его в пористую кожу так, что ни одна пуля не достанет! И бросилось вперед – самым простым приемом решив прорвать кольцо.

Туристы не ожидали ни такого напора, ни такой резвости. Иххватило лишь на то, чтобы выстрелить еще несколько раз с безопасного расстояния и тут же вжаться в стены. Чудовище, создавая своими порывистыми и резкими движениями волны, захлестывающие боковины трубы, живым крейсером пронеслось мимо них.

Прорвались! На этот раз прорвались, подумало Чудовище, не выпуская из щупальцев притихшего, оцепеневшего Хенка. И в следующий раз прорвемся! Ничего им не удастся сделать! Ничего ровным счетом! Они привыкли воевать с беззащитными, расстреливать их, не подвергая себя опасности, издалека. А теперь им придется испытать кое-что новенькое! Им придется хорошенько пораскинуть мозгами, и тогда они поймут, что любая сила, всегда, везде, пускай и не сразу, пускай не открытым образом, но непременно вызывает ответную силу, противодействие. И плевать, что на их стороне вся земная цивилизация со всеми ее механизмами и приспособлениями, со всеми машинами уничтожения. Плевать! Пусть попробуют поохотиться в здешних условиях, и мы еще поглядим – чья возьмет!

Так думало Чудовище в эти короткие секунды. В тот миг освобождения, когда удалось выскользнуть, казалось, из ловушки. Но все мысли пропали мгновенно, стоило только впереди, на самом выходе из этого участка трубы, показаться острому хищному носу.

Чудовище даже оглянулось назад – не та ли это самая машина? Нет, та была на своем месте. И она приближалась, закупоривая трубу сзади. Ее двойник преграждал путь спереди. Выхода не было.

– Надо сдаваться, Биг, – вяло проговорил полусдавленный Хенк. – Ты проиграл эту партию.

– Да, дела неважные, – произнесло Чудовище, холодея. Ему не было страшно. Но безысходность давила на нервы, психику.

– От трубоходов не уйдешь, поверь мне, – добавил Хенк, – это такие хитрые машины, что в маленькой трубе они сжимаются, в большой расширяются, занимая почти весь поперечник, понимаешь? Они не смогут протиснуться лишь в щель, Биг! Но и ты не протиснешься в щель.

Задняя машина стояла на месте. Та, что маячила спереди, приближалась. Ну и начхать на них, как бы они ни назывались! Подумаешь, трубоходы! Мы и сами трубоходы! Который час уже по трубам ходим! Чудовище начинало наливаться злостью. Оно не собиралось сдаваться.

– Не дури! – почти выкрикнул Хенк.

– Ладно, без твоих советов обойдемся! Чудовище медленно двинулось вперед. Заостренный нос приближался. И на своем конце, на этом хищном металлическом острие он нес смерть.

Когда до острия оставалось с полметра, Чудовище остановилось, вжалось в стенку трубы, уперлось в нее спиной и, выставив шесть щупальцев, скользнуло еще немного вперед. Острие прошло мимо. Но протиснуться между обшивкой трубохода и стенкой трубы даже нечего было и думать. Там оставался зазор в три вершка.

– Ну тебя к черту, Бит! – заорал турист. – Отпусти меня, раздавишь ведь, не соображаешь?!

Чудовище промолчало. Ему было не до обсуждений. Всеми шестью выставленными вперед щупальца ми и двумя нижними конечностями оно уперлось в боковину острия. Исполинские мышцы напряглись, вздулись буграми под волдыристой кожей, затвердели. Сухожилия натянулись до предела.

Казалось, сам костяк трещит от страшного усилия. Волны дрожи прокатились по телу.

- Нет, Биг! Это тебе не под силу! - проговорил в мозгу голос Отшельника. - Ты все же живое существо, Биг, а это машина! Это сталь и пластик, алюминий и титан...

- Врешь! - прохрипело Чудовище, не ослабляя усилий.

- Отступись! Ищи другого выхода! Сдайся ты им, наконец!

Потом выпутаешься как-нибудь!

- Ни за какие коврижки! Нет!!!

От нечеловеческого напряжения на плечах у Чудовища полопалась кожа. Потекла зеленая сукровица, заливая бока, заливая лицо Хенка.

- Ты безумец, Биг! Ты с ума сошел! - завопил Хенк, теряя остатки выдержки. - Отступись!

- Нет!!!

Чудовище подключило к делу еще два щупальца, выронив Хенка прямо в жижу. Кожа лопалась уже не только на плечах, но и на спине, на груди. Казалось, еще немного и не выдержит сама труба - или трещину даст, или прорвется. Из-под концов щупальцев потекла зеленая - даже в полумраке отливающая изумрудным цветом - кровь.

- Прекрати немедленно, малыш! Ты угробишь себя! - заорал Отшельник. - Хвати-и-ит!!!

- Нет!!!

Чудовище навалилось на боковину острия всем телом, уперлось в него плечом. Затрещали кости. От дикого напряжения отказало одно щупальце, плетью повисло вдоль тела. Судорогой свело спину.

- Хвати-и-ит!!!

- Нет!!!

Нос машины поддался - он сначала стал чуть заметно сгибаться, все больше и больше отклоняясь к противоположной боковине трубы. А потом - совершенно неожиданно, с диким и омерзительным скрежетом раздираемого металла, отвалился от корпуса трубохода. Его еще соединяли с тем какие-то переборки, жгуты, провода, проволочки... Но Чудовищу некогда было разбираться во всех этих внутренностях. Резким движением оно оторвало нос от машины. И тут же, отступив на пять шагов, развернуло его вертикалью, заклинило проход - теперь задняя машина не могла рассчитывать на быстрое и успешное

преодоление остатка трубы, отделявшего ее от Чудовища и Хенка.

- Нет, ты сумасшедший, Биг! Ты самый настоящий безумец! – облегченно проговорил Отшельник.

Хенк встал, обтер жижу с лица. Он явно не знал, что делать дальше.

- Помогай!

Чудовище уперлось плечом в развороченный корпус трубохода. Нажало. И машина подалась, медленно пошла назад. Обрывки проводов, всякие детали и прочая требуха вываливались из развороченного нутра трубохода, мешали идти. Но Чудовище давило и давило, толкало машину назад.

Хенк плелся рядом. Он не помогал. Да и какая от него помощь!

- Там внутри люди, – предупредил он. И замолчал.

- Они внутри, а мы снаружи! – отозвалось Чудовище.

Метров через четыреста толкать искореженную машину почему-то стало легче. Наверное, жижи поубавилось, подумало Чудовище. Здесь и на самом деле было посуше.

Когда до развязки труб оставалось три минуты ходу, сзади послышалось гудение. Второй трубоход, уцелевший, прорвал-таки преграду, а может, просто смял ее. И догонял теперь беглецов. Хенк заволновался.

- Самое обидное – погибать от своих! – проворчал он и принялся помогать Чудовищу.

- Не успеют! – заверило его то.

И вправду, через несколько секунд толкаемая ими машина въехала в огромную трубу, служившую переходником для нескольких магистральных трубопроводов, и загремела вниз – с лязгом и скрипом.

Чудовище еле удержалось на конечностях, чтобы не полететь следом. Но оно сумело не только сохранить равновесие, но еще и подхватило Хенка. Тут же уцепилось тремя щупальцами за железную скобу, подтянулось, потом опять, и опять – в несколько движений они оказались на третьем ярусе. Где-то внизу, в темноте, закрипели тормоза второго трубохода. Потом последовало шипение – трубоход раздувался, чтобы переползти в большую емкость. Беглецам он был не страшен.

С десяток пуль скользнуло по внутренней обшивке трубы, и посыпалась сверху ржавчина, закапало. Видно, пули продырявили что-то. Капли переросли в струйки, а струйки в струи. Поток хлынула вода – проржавевшая, темная.

- Не завидую я тем, кто внизу сейчас! - сказала Чудовище. Хенк зябко передернулся. Вода залилась внутрь его одеяния. А может, его передернуло и по иной причине.

- Я нам не завидую, Биг! - проговорил он. - Ни одна живая тварь на планете сейчас нам не позавидует!

Гурыня быстро овладел нехитрым управлением. Во всяком случае он знал, что надо нажать, чтобы стронуться с места, остановиться, повернуть налево или направо, включить прожектора. И он был очень доволен собой.

- Во, падла! Знай нашенских!

Еще быстрее он научился палить из крупнокалиберного пулемета, что торчал из башенки - не такое уж и сложное это было дело. Гурыня высадил в пустоту не одну очередь, прежде чем успокоился и заявил:

- Ну, кто тут еще возникать будет?!

Возникать, перечить или как-то еще выражать свое недовольство или недоверие никто не посмел. Шантрапа сидела тихо, глядела на Гурыню как на бога.

- То-то! - удовлетворился Гурыня.

Он никого не подпускал к управлению, не желал делиться опытом. Но все-таки показал Скорпиону Баге, как стрелять из пулемета. Тот с третьего раза понял. И принялся без передышки жать на гашетку. Гурыня дал ему подзатыльник.

- Я тя, падла, обучу экономии! - сказал он коротко и понятно.

Свет фар-прожекторов выхватывал пространство метров на двести, а то и на все двести пятьдесят. Беда была в том, что все это пространство состояло из одной огромной в поперечнике и, видимо, бесконечной в длину полости, что заключалась внутри трубы. И как они умудрились провалиться сюда! Гурыня ничего не понимал. Он поглядывал наверх, но там не было и следов дыры, не было даже намека на провал. Нет, видно, они не просто провалились, а соскользнули, съехали по какому-то спуску... а потом уже грохнулись вниз. Иного объяснения Гурыня произошедшему не находил. Но он и не очень-то искал объяснений. Он внутренне ликовал и был весьма доволен собой. Еще бы, машину они все-таки захватили! А на синяки и шишки наплевать!

- Ну че, падла? Вперед?!

- Вперед! - завизжал Плешак Громбыла, очарованный вожаком.

- Разобраться бы, понимаешь, - внес смуту Бага, почесывая нос и ожидая очередного тумака. - Непонятное дело ведь.

- Вперед! - неуверенно провозгласил Лопоухий Дюк.

Гурыня нажал, чего надо, потянул на себя палку с набалдашником, врубил фары на полную мощь. И они рванулись вперед!

Чтобы не оглохнуть от жуткого грохота, сотрясающего полную трубу, они задраили наглухо люки. Стало вполне терпимо.

Машину трясло, подкидывало. Один раз ее чуть не перевернуло на повороте. Но Гурыня был не лыком шит - в последний миг он успел вывернуть броневик из опасного виража, удержал его.

- Вперед, падла! - в восторге орал он.

Его азарт и беспшабашность заразили и остальных. Они орали, визжали, хлопали друг друга по плечам и спинам. Но при всем при том Скорпион Бага был настороже. Он не отрывался от окуляров. Придерживал средней лапой гашетку, чтоб в случае чего...

- Кто это?! - спросил Громбыла удивленно, когда они промчались мимо трех смутных теней, вжавшихся в боковину трубы. Ни Дюк, ни Бага теней не заметили.

- А хрен их знает! - отозвался Гурыня.

Он произнес это очень уверенно. Может, даже слишком. Ему самому показалось, что одна из теней была удивительно похожа на трехногого инвалида Хреноредьева. Но мало ли чего могло показаться. Гурыня не собирался останавливаться.

- Это тебе мерещится, Плешак! - заявил он еще тверже. - Ты часом не трехнугый?!

- Да, ладно, чего там, показалось, значит, - перепугался Громбыла. И решил больше не затрагивать эту тему.

- Все путем! - сказал Гурыня. - Мы им всем, падла, покажем. Попадись тока они нам! Верно?!

- Верно-то, оно верно, - снова засомневался Бага, - да вот куда, понимаешь, нас эта кишка выведет, тут надо бы помозговать!

- Молчать! - прошипел Гурыня. - Это что, бунт?!

Все перепугались и замолкли. Знали, с Гурыней лучше не связываться. В конце концов, есть же у него какой-то план!

Никаких планов у Гурыни не было. Но он был переполнен решимостью.

- Мы их всех, падла!

Гнали на предельной скорости. Труба была бесконечной. Лопоухого Дюка растрясло, укачало. Пришлось ему лезть в дальний конец машины. Там его долго и мучительно рвало. Но никто не обращал на Дюка внимания. Скорпион Бага уже трижды ударялся башкой о верхнюю переборку – три шишки украшали его голый череп, не считая всех предыдущих отметин и ссадин.

Гурыня пребывал в упоении.

Но через полтора часа пути и он начал скисать. Сделали остановку, маленький привал. Лопоухого Дюка рвало и на привале – ничего он не мог с собой поделывать. Гурыня даже дал ему пинка, прогнал подальше от компании, чтоб воздуха не портил.

Труба в месте привала была точно такой же, как и там, где они провалились. Никаких ориентиров, никаких примет, ни черта!

– Пожрать бы сейчас, понимаешь, – сказал Бага Скорпион неуверенно. И тут же на его голой башке начала вырастать четвертая шишка – Гурыня треснул Багу железякой, с которой не расставался.

– Уж и помечтать нельзя, – заныл Скорпион.

Гурыня вспомнил про крысиную ножку, лежавшую в кармане комбинезона. Вытащил ее. И по-братски дал полизать, пососать каждому, начиная с восторженного и хилого Плешака Громбылы. Бага умудрился «слизнуть» все мясо с кости. Но Гурыня не стал его ругать. Взял косточку и в две секунды схрумкал ее, перетерев своими кривыми, но крепкими зубами. Настроение немного поднялось.

– Ну что, рванули?!

И они рванули. Да так рванули, что труба еще долго выла и гудела и вперед и назад на несколько километров. Гурыня выжимал из машины все, на что она была способна.

– Раз они оттуда приехали, – глубокомысленно заявил Пак, – значит, там чего-то есть. А раз так, то нам надо...

– Чего это нам надо, едрена труба? – заинтересовался Хреноредьев. – Ты чего, Хитрец, мозги нам закручиваешь?!

– ...значит, надо туда и переть! – закончил Пак.

– Ну и поперли! – занервничал Буба. – Чего встали, придурки?! Поперли, кому говорю!

– Ладно, едрена громыхала, – согласился Хреноредьев, – я – как коллектив, стало быть. Поперли, едрена!

Они пошли, все убыстряя и убыстряя шаг. До тех пор, пока трехногий инвалид не взмолился:

- Потишей бы, дорогие сотоварищи! Мочи нету!

- Чудовище тебе сотоварищ, - отозвался Буба, - и детеныши Эды Огрызины, упокой ее душу черт с дьяволом!

Пака ответил дипломатичнее.

- Надо поднажать, Хреноредьев, ты уж поднапрягись.

И куда было деваться Хреноредьеву - он поднапрягся. Да так, что обкостылял «сотоварищей», вырвался вперед, вновь почувствовав себя незаменимой частью общества, пускай и небольшого, но все же общества.

По дороге Хреноредьев изловчился поймать трех крысосусликов, неведомо как забравшихся в трубу, а может, и живших тут постоянно. И сожрал всех трех вместе с потрохами и костями. С сотоварищами не поделился. Буба бешеным глазом сверкал на Хреноредьева, но молчал. У Пака аппетит вообще куда-то вдруг пропал. Он шел словно сомнамбула, вперив глазница в темноту, покачиваясь, размахивая клешнями. Впрочем, к темноте они уже немного приноровились, глаза попривыкли и пусть не очень хорошо, но различали многое. Друг друга они больше не теряли.

И-ех, едрена громыкала!
Хорошо на свете жить!
Нам четой-то не достало!
И мы отправились кружить!

Насытившийся Хреноредьев бодро распевал песенку, которую сам же и сочинял по ходу дела. Песня звучала боевым маршем, звала в дали неведомые, толкала на подвиги. Буба Чокнутый с Паком поневоле начали подвывать. Так веселее шагалось.

Мы отважны труболазы!
И-ех, едрена кочерга!
Мы разведем все лазы
И доберемся до врага-а-а!!!

Буба Чокнутый тоже сочинил куплетик. И выдал его громовым голосищем, безбожно перевирая мотив:

Сокрушим мы все преграды!
Все запоры разнесем!
И-ех, Хреноредьеву на радость
Бочку хрена украдем!!!

Трехногий инвалид не выдержал подобного оскорбления и набросился на Бубу с кулаками. Они оба упали и покатились

одним сплетенным комком, тузя друг друга, лягая, щипая, кусая и матерясь самым скверным образом.

Пак нагнал этот клубок. И, не разбирая, кто есть кто в нем, раз пять ткнул железякой. Дерущиеся поуспокоились, приподнялись.

Чтобы сохранить маршевый задор, пришлось затянуть Паку Хитрецу:

Мы пройдем победным строем,
И-ех, всю едреную трубу
С Хреноредьевым-героем
И с надеждой на Бубу!!!

- Вот его по-нашему, едрит тя! - обрадовался инвалид. - Вот это истинная правда, тут мы согласные.

Буба Чокнутый долго молчал, косил налитым глазом. Потом спросил:

- А «буба» - это чего у тебя такое, я не понял?!

Пак решил, что лучше не растолковывать - ну получилось у него так, для рифмы, для звучания - «Буба». А скажешь этому придурку, опять потасовка начнется.

- Это одна такая вещь, - сказал он, - знаю только, что хорошая, а какая именно не знаю!

Буба повеселел, перестал психовать.

- Это точно, - сказал он, - откуда тебе знать, вы же все тут обалдуи и неучи, недоумки вы тут!

Спорить с ним не стали. Затянули на три голоса свой новый марш. Так веселее шлось.

Поток становился с каждой минутой все сильнее. И Чудовище начинало не на шутку волноваться. Еще немного, и их смоем вниз - а это означало верную гибель.

- Давай живей! - бросало оно Хенку.

И подтолкнуло его, чтобы лез вверх.

Пробиваясь сквозь струи воды, мокрые, ослепшие, они продвигались метр за метром на верхние ярусы. Чудовищу приходилось поддерживать Хенка, силы того были на исходе.

Они миновали еще ярус. Но струи все били и били, сшибая с ног, грозя опрокинуть и унести с собой.

- Погляди-ка! - выкрикнул вдруг Хенк. - Здесь что-то есть!

Чудовище всмотрелось в стену, испещренную тысячами металлических заклепок.

- Да не здесь! Левее!

Теперь оно увидело очертания локтя-дверцы. Ни ручки, ни ее следов на поверхности дверцы не было. Чудовище ткнуло щупальцем. Дверца не поддавалась. Тогда оно навалилось плечом – резко, раз, потом другой. Все было тщетно.

– Постой, не надо! – отвлек его Хенк, державшийся обеими руками за металлический поручень. – Здесь какая-то штуковина, наверное, рычажок!

Он отпустил одну руку. И его тут же подхватил поток воды. В последний миг Чудовище извернулось и успело удерживать Хенка за лодыжку. Это было спасением. Но Хенк не стал благодарить, он снова протянул руку, нажал на что-то... И произошло чудо – дверца сдвинулась немного назад, потом отъехала в сторону, открывая проход.

Чудовище впихнуло Хенка внутрь. Потом с большим трудом, обдирая и без того поврежденную кожу, протиснулось само.

Они стояли в сухом и теплом месте. И смотрели, как вода неслась вниз – уже не потоками, а единой гудящей стеной, водопадом. Им удалось спастись в самый последний миг. И это было поистине чудом! Они стояли и не могли отдышаться. Лишь отдельные брызги залетали в их убежище.

Первым обернулся Хенк.

– Здесь еще одна дверь! – сказал он.

На этот раз из дверцы торчала рукоять – круглая, шариком.

Хенк потянул на себя. И дверца распахнулась.

Они прошли из тамбура в большое и страшно запыленное помещение, уставленное стеллажами. Стеллажи шли от самого пола и до уходящего на высоту пяти-шести метров потолка.

– Это склад, – проговорил Хенк медленно и четко.

Чудовище и само видело – все полки – и вертикальные, и горизонтальные – были заставлены, заложены, увешаны оружием. И чего здесь только не было! Рядами лежали ручные гранаты всевозможных типов, от маленьких и кругленьких до больших, бутылкообразных. В стеллажах стояли винтовки – автоматические и простые, автоматы с деревянными и пластиковыми прикладами, такие, какие выпускали, наверное, двести лет назад. В узеньких ячеечках были разложены пистолеты разных типов. Тут же хранились боеприпасы и прочее, прочее... Чудовище не знало подавляющего большинства предметов, даже их названия. Но оно понимало, что это такое и для чего все это нужно.

- Вот, Хенк! А ты говорил - выродки, тошнит! Разве выродки создали все это в таких количествах? Разве они сохранили это смертоносное оружие? Нет, Хенк! Тут надо разбираться, кто из нас выродки! Тут надо еще понять, от кого может тошнить!

Турист молчал.

Они обошли стеллажи. И наткнулись на еще одну железную лестницу, спиралью уходящую вверх - в круглый проем потолка.

- Полезли! - сказала Чудовище.

- погоди, ты что, спятил? - удивился Хенк. - Уходить отсюда с пустыми руками может лишь сумасшедший!

- Значит, считай меня сумасшедшим.

- Не-е, я так не уйду!

Хенк скрылся из виду на пару минут. И появился вновь, уже увешанный с головы до ног. Через оба плеча у него висело по автомату, за спиной торчал стволом вверх ручной пулемет конца позапрошлого века, грудь перепоясывали пулеметные ленты, на поясе висели связки гранат, карманы были чем-то забиты до отказа, в довершение ко всему Хенк волочил за собой какой-то мешок, также отнюдь не пустой.

- Брось! - пробурчало Чудовище.

- Ну уж нет!

Хенк протянул ему один из автоматов. Чудовище приняло его щупальцем. И тут же забросило далеко-далеко, за крайние стеллажи.

- Ну и черт с тобой! А я возьму!

Хенк бросил-таки неподъемный мешок. С трудом, с одышкой поднялся вслед за Чудовищем по винтовой лестнице.

Они выбрались на абсолютно ровную и голую площадку.

- Ну и что? - спросил Хенк, тяжело отдуваясь.

- Ничего! Поглядим, что здесь!

Что-то вдруг произошло. Порвалась какая-то связующая нить между ними. Они перестали понимать друг друга.

- Пошоль! Ноу! Нэ карашо-о! - выговорил вдруг Хенк не своим голосом.

В голове у Чудовища прозвучали слова Отшельника. Со всем тихо прозвучали:

- Все, малыш! Больше не могу! Силы кончаются, ты погоди немного! Мне надо хлебнуть...

Голос Отшельника пропал.

И Чудовище увидало вдруг, что глаза Хенка стали совсем другими – жесткими, злыми и одновременно напуганными.

– А-а-а!!! – заорал Хенк.

И выставив автомат вперед стволом, принялся стрелять в Чудовище, прямо в голову, целя по глазам. Пули застревали в толстой коже. Но Чудовищу было очень неприятно. Оно сделало шаг к Хенку.

– Что ты делаешь?!

Хенк отпрянул назад. Потом в несколько прыжков достиг стены, уперся в нее спиной, сдернул ручной пулемет. Теперь он палил из двух стволов – не переставая, выпуская очередь за очередью.

Чудовище приближалось.

Хенк, видя бессмысленность пальбы, бросил автомат и пулемет на пол. Сорвал с пояса большую бутылкообразную гранату, дернул за что-то и швырнул ее в Чудовище. То неуловимым движением щупальца перехватило летящий предмет и отбросило его в дальний конец. Граната рванула. Волной сбилось с ног Хенка. Чудовище устояло, но и его сдвинуло на несколько шагов.

– А-а-а!!! – вновь заорал Хенк и вскочил.

Одну за другой он бросил еще две гранаты. Но и их Чудовище переправило подальше. Весь огромный зал наполнился едким вонючим дымом.

Дико вопя и безумно вращая глазами, Хенк бросился на Чудовище с огромным тесаком, зажатым в правой руке. Но он успел лишь взмахнуть – тесак тут же вылетел из его руки. Чудовище легонько ударило Хенка кончиком щупальца по щеке. И тот полетел наземь.

– Ну, ребята, вас надолго оставлять одних нельзя! – прозвучал вдруг в голове у Чудовища голос Отшельника. – Вы чего это, с ума посходили что ли?! Ну ладно, Биг, я малость подзаправился! Теперь уж я вас не оставлю, не робей!

– А я и не робею! – вслух ответило Чудовище.

Хенк медленно поднимался. Сначала он стал на колени, потом уперся руками в пол. Наконец выпрямился. С силой сжал лицо.

– Ничего не понимаю, – произнес он в недоумении, – что тут случилось, Биг? Я что, был в обмороке? Что ты молчишь?!

Чудовище повернулось к нему спиной, проворчал:

– Ладно, потом узнаешь! А сейчас пойдём! Собирай это все свое барахло, если оно тебе нужно. И пойдём!

Турист поднял с земли ручной пулемет. Повесил его на плечо. Рассыпавшихся боеприпасов собирать не стал. Ощупал карманы – хватит и того, что осталось. И он поплелся за Чудовищем, покачивая головой и пытаясь все же понять, что тут происходило несколько минут назад.

На ходу Чудовище вытащило из заплечного мешка план Отшельника, взгляделось в путаные, пересекающиеся линии, и сказало:

- Похоже, мы с тобой, Хенк, совсем заблудились.

Отшельник помалкивал.

Они поднялись на следующий этаж. Там все было не похоже на предыдущее. Там не было ни ровных полов, ни потолков, ни стен, ни даже углов. Еще когда только Чудовище высунуло голову из дыры, оно сразу увидело какую-то мягкую, мшистую поверхность, оно ощутило ее своими щупальцами. И все вокруг было каким-то сглаженным, чем-то поросшим, все терялось в нереальном мягком свете. С потолка – если он вообще был – спускались длиннющие зеленовато-синие водоросли, а может, и не водоросли – что-то мягкое, живое или полуживое, вьющееся. Казалось, что эти водоросли шевелились, что они реагировали как-то на появление чужаков. Но возможно, это только казалось.

Приглядевшись, Чудовище заметило, что водоросли свисают не просто так, не в беспорядке. Они образовывали непривычную для глаза, но вполне правильную паутину не паучью, та бы выглядела слишком простой, до скуки примитивной рядом с этой, а какую-то невообразимую, какую и сплести, казалось бы, нет ни у кого ни сил, ни возможности.

Стены также были покрыты непонятными отростками, а может, и стеблями, ветвями, переплетавшимися и расходившимися, образовывавшими диковинные узоры.

- Что еще за чертовщина?! – недовольно пробурчал Хенк.

Он стоял полупригнувшись, на согнутых ногах, выставив перед собой пулемет, озираясь. Ему явно не нравилось здесь.

- Эге-гей!!! – выкрикнуло Чудовище. – Есть тут кто?!

Его голос растворился, будто его и не было, потонул в живой мякоти помещения.

- Тра-та-та!!! – прогрохотала короткая очередь.

Чудовище быстрым движением вышибло пулемет из рук Хенка.

Тот бросился было подбирать свое оружие.

Но сверху раздался отчаянный и невероятно писклявый голосок:

- Не убивайте! Ради всего святого не убивайте! Пощадите нас!

И Хенк и Чудовище задрали головы. Но ничего не увидели. Разве увидишь что-нибудь в путанице сотен тысяч переплетенных водорослеобразных нитей!

- Не убивайте! - прозвучало уже совсем близко.

- Да ладно, не убьем! - снисходительно проговорил Хенк, поднимая пулемет. - Кто там?

Какое-то маленькое желтое существо, мельтеша множеством ножек, молнией спустилось вниз по паутине водорослей. И замерло на уровне лиц пришельцев. Разделяло их всего несколько метров.

- Я никогда не видел ничего более ужасного! - дрожащим голосом произнесло существо. - Это же ужас какой-то!

Чудовище тяжело вздохнула

- Можно было бы обойтись и без комплиментов, - сказала оно сухо и раздраженно.

- Нет-нет, я не вас вовсе имел в виду. Вы мне кажетесь очень милым и приятным. А вот это! То, что стоит рядом с вами! Это же кошмар какой-то! Зачем вы привели сюда это страшилище, зачем вам это чудовище!

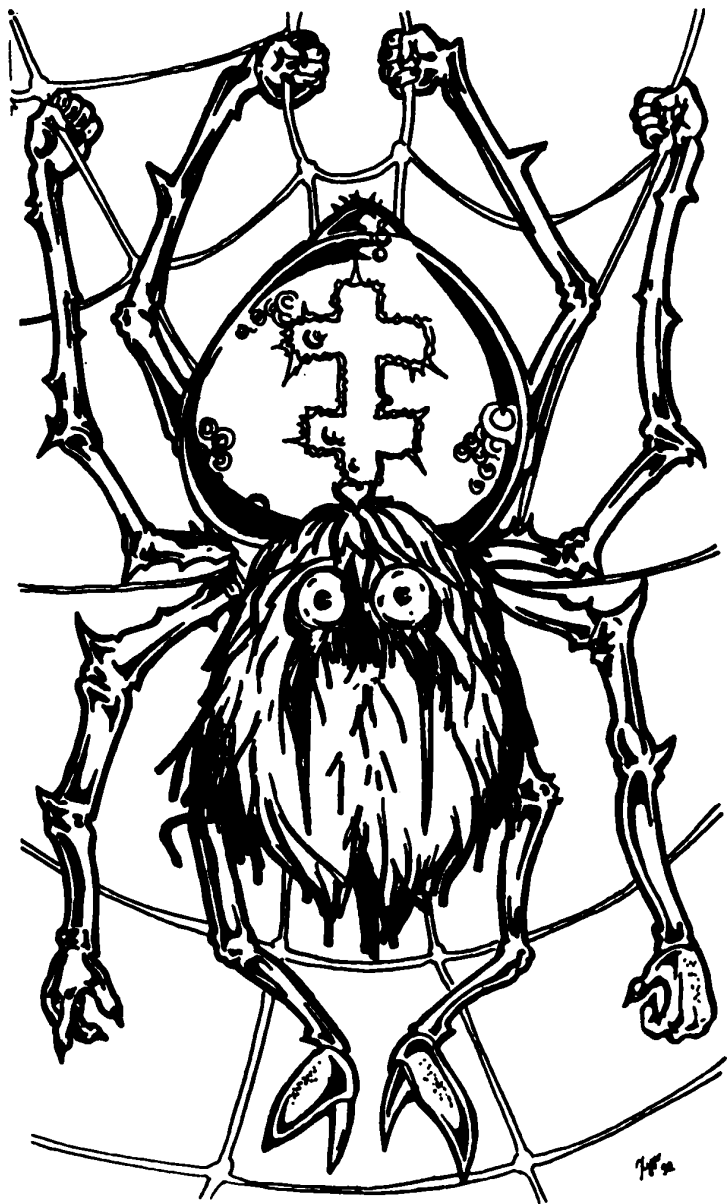
Хенк обернулся, огляделся - никого, кроме него самого, рядом с Чудовищем не было. Его задело за живое.

- Слушай-ка, ты, паук восьминогий! Ты не мог бы обойтись без посредников и обращаться прямо ко мне?! Или у тебя с перепугу мозги отнялись?!

Существо вскарабкалось чуть повыше, затряслось еще сильнее.

- О боже! - воскликнуло оно. - Это страшилище и разговаривать умеет! Неужто в таком жутком обличьи может находиться нечто разумное? Это же просто невыносимо!

Чудовище получше рассмотрело хозяина заросшей комнаты. Это существо и на самом деле имело восемь длинных тонких ножек, выходящих из желтенького кругленького тельца. Было оно не больше покойного котособаченка Пипки. Но в отличие от того принадлежало явно породе хомо мутантус. Тельце увенчивалось вполне благопристойной бородатой головкой с двумя умными серыми глазами, широким расплюснутым носом и маленькими ушками, сведенными к маковке. Это был безобидный на вид восьминогий гномик.

Но на туриста он произвел иное впечатление.

- Пристрелить его, что ли? – поинтересовался Хенк.

Чудовище пожало плечами.

Гномик сказал:

- Не надо! Лучше вы отвернитесь! Я не могу на вас смотреть! Меня от вас тошнит!!!

Чудовище затряслось в приступах тяжелого саркастического смеха. Со стороны могло показаться, что оно бьется в предсмертных судорогах и вот-вот переселится в мир иной.

Хенк отвернулся. И в знак того, что презирает гномика со всеми его нелепыми, а может, и расистскими взглядами, сел на мягкий пол и принялся насвистывать веселый мотивчик.

- Ладно, пускай он сидит, – согласился гномик, – только вы не уходите, не оставляйте меня с ним одного, ладно?

- Ладно, – ответило Чудовище.

Оно немного помялось. А потом спросило в лоб:

- Мы вообще-то заблудились, не знаем как выбраться. Не подскажите ли нам?

Гномик спустился ниже. Поудобнее устроился в паутине. Начал немного покачиваться в ней, будто сидел, развалившись, в кресле-качалке.

- Я думал, вы меня пришли убивать, – сказал он печально.

- Тут уже многие приходили. И все думали, что это я хранитель склада. Все требовали чего-то такого, чего там нет! Но у меня ничего нету, какой я хранитель. Мы с женой и детишками давно тут живем, мы родились тут. Еще наши прадед с прабабкой переселились в бункера с поверхности. Им не хватило тогда места у краников, не хватило ни работы у труб, ни пошла, ни баланды... Но может, и к лучшему?! Говорят, там, на поверхности страшные дела творятся, верно? Говорят, там одни сплошные выродки остались, что они пожирают друг друга, что они полностью утратили и знание, и навыки, и культуру. Так это?

- Похоже, что именно так, – согласилось Чудовище.

- Вот-вот! То-то я и гляжу, если там вес такие – навроде этого чудовища, что вы привели, тогда прощай цивилизация! Нет, куда мы только катимся! Это же ужас какой-то, кошмар!

- У вас нет ничего перекусить? – спросило Чудовище.

Гномик быстро сбегал наверх, сбросил оттуда что-то сухое и гремучее.

Чудовище подняло сброшенное. Это была связка сушеных крысосушиков. Высушены они были с умением, так, что от

них почти не несло крысятиной. Чудовище оторвало от связки одного, самого длинного, и бросило его туристу.

Хенк брезгливо поморщился. Отпихнул крысосулика ногой.

- У каждого свой вкус, - философски заметило Чудовище.

И проглотило в один присест всю связку.

- Спасибо!

- Не за что, - ответил спустившийся гномик. Теперь он был красного цвета.

«Э-э, брат, да ты хамелеон, удивилось Чудовище, с тобой надо ухо остро держать! Да и вообще тут со всеми надо ухо остро держать!»!

- Не будь таким подозрительным, малыш! - шепнул в мозг Отшельник. - Чего тебя из стороны в сторону швыряет!

Гномик принес с собой и кое-что повкуснее - спрессованный брикет грибов-лишайников. Чудовище показало Хенку брикет издавдалека. Тот покачал головой. Ну и ладно, подумало Чудовище, ходи голодным, и с удовольствием проглотило брикет.

- Нам бы дорогу уточнять, - попросило оно очень вежливо.

- Да чего ты! - разнервничался турист. - С ними надо разговаривать с помощью вот этого! - он потряс в поднятой руке пулеметом. - Тогда живо все растолкуют, живо все поймут, и накормят и напоят!

- Заткнись, Хенк! - проворчал Чудовище.

- Ладно, вы поспорьте пока, а я сбегаю наверх, к жене! - сказал гномик и исчез.

- Пойдем, - сказал Хенк, - нам нечего делать в этом крысятнике!

- Здесь мне нравится, - не согласилось с ним Чудовище.

- Ты забыл, что за тобой охотятся? - поинтересовался Хенк ехидным голоском.

Чудовище засопело.

- Я все помню. Только тут они нас никогда не отыщут! Ну скажи, сколько можно бродить без отдыха?

- Он правильно говорит! - подтвердил спустившийся гномик-паучок.

- Без твоих советов обойдемся, чучело! - нагрубил ему Хенк.

- Я на вас не обижаюсь, - с достоинством ответил гномик. - Вы перерожденец, вы - чудовище! На вас нельзя обижаться!

- На тебя тем более!

- Перестаньте! - утихомирило их Чудовище.

На какое-то время стало тихо, совсем тихо.

- Нет, Хенк, что ты ни говори, а часок-другой передохнуть надо. Мы вам не помешаем своим присутствием? - поинтересовалось Чудовище у паучка.

Тот взобрался повыше.

- Нет, пожалуйста! Но мне бы не хотелось, чтобы это мерзкое идолище, чтобы это двуногое и двурукое отвратительно-пакостное существо задерживалось здесь надолго. Пожалуйста, вы оставайтесь хоть навсегда. Но его мы терпеть больше двух часов не будем, предупреждаю!

Хенк погрозил гномику пальцем. Но пререкаться с ним не стал.

- Вот и лады! - проговорило Чудовище. - Тогда мы приляжем. Спасибо вам!

- Пожалуйста! Проходите вон в тот уголок. Там вам мягче будет! - гномик широко и благостно улыбнулся.

Чудовище и Хенк прошли в указанное место. Опустились на мягкий, пушистый пол. Дрема уже завладевала ими. И не странно - после стольких-то передрыг и треволнений, после стольких нагрузок - и физических и нервных.

- Спите спокойно, тут вы в полной безопасности, - сказал гномик. И поднялся к себе наверх.

Гурыня заснул за рулем. Проснулся от резкого удара - головой он ткнулся прямо в пульт управления. Но машина не остановилась. Она неслась стрелой по бесконечной трубе. Только потряхивало да покачивало.

- Ты чего? - поинтересовался Бага Скорпион.

- Я те щя задам, падла! - разозлился Гурыня. - Чего! Чего?! Ты на кого тянешь, поскребьшь?!

Скорпион затрясся.

- Я тока спросил, понимаешь! А ты окрысился сразу!

- Я тя спрошу, падла! По башке твоей лысой, скорпионьей! Ты у меня, падла, научишься старших уважать!

Лопоухий Дюк и Плешак Громбыла спали на своих сиденьях. Они вымотались за бесконечный день, к тому же, их сильно укачало.

- Дрыхнут, суслики? - поинтересовался Гурыня, вытягивая шею.

- Дрыхнут! - бодро доложил Бага.

- Ну и пускай! Привала делать не будем! А ты, падла, чтоб в оба глядел! Ежели пропустишь врага, я тя собственными обрубками придушу! - для наглядности Пак потряс правым обрубком, блеснули его черные вселяющие страх в непривычные души костяшки. - Нам с тобой зевать некогда! А то все, падла, прозеваем!

- Есть! - ответил Бага.

Гурыня успокоился. Он уже забыл про досадное недоразумение, обрел душевное равновесие.

- Тут главное чего? - спросил на Багу.

- Где? - поинтересовался Бага туповато.

- Да не где, падла, а что? Понял?! Отвечай, тут главное - чего?!

- Не зевать! - ответил Бага.

- Дурак! Это и так ясно! - Гурыня начинал снова злиться. - Тут главное - скорость! Понял, падла?! Штурм и натиск! Вот так! Усек?!

- Так точно! - заверил Бага.

- Во-о, умнеешь прям на глазах!

- Рад стараться!

Гурыня повернул к Баге маленькую змеиную головку.

- А ты мене нравишься, малыш! - сказал он как-то потечески. - Я думаю, ты верно понимаешь службу.

- Так точно! Стараемся! - отчеканил Бага.

Гурыня засопел. Чуть ли не впервые в жизни на его щеку стала наворачиваться слезинка. Но... так и не наворачулась.

- Какие будут вопросы? - как бы в поощрение поинтересовался он дружелюбно и снисходительно.

Бага замаялся, побаиваясь неосторожным словом снова вызвать неудовольствие начальства. Но потом осмелел.

- Скоко нам еще трястись-то?! - спросил, заранее ожидая затрешины и прикрывая глазенки.

- Не волнуйся, малыш! - ответил Гурыня уверенно. - У мене, падла, все рассчитано. Точно в назначенный час прибудем к цели! Ты мене, падла, главное врага не прозевай! Вот что! А за старания я тебе... я тебя, Бага, к награде представлю! - и немного помолчав, подумав, что представлять-то некуда и некому, добавил: - И сам награжу!

- Премного благодарен! - почти заорал на всю машину Бага Скорпион. Так, что Дюк с Громбылой с перепугу проснулись.

Машину трясло, бросало из стороны в сторону. Но Гурыня ходу не сбавлял.

Орали, входя все в больший раж, притопывая ногами в такт, размахивая руками. И громче всех орал Хреноредьев.

И-ех, едрена громыхала!
У-ох, хорошо в трубе шагать!

Пак с Бубой Чокнутым подхватывали лужеными глотками, с залихватским прикриком, с лихим посвистом:

Ну-кось, гхрянем, запевала,
Тра-та-та-та-та-та мать!!!

Инвалид выводил чисто, высоко, по-соловьиному. А подхватывал со всеми вместе – басисто и разухабисто. Получалось, откровенно говоря, здорово. Знали бы раньше в поселке про такие таланты, быть бы там своему хору. Может, и совсем иначе бы пошли тогда дела.

Мы туристов не боимся!
И-ех, едрит-переедрит!
Ежли разом разозлимся,
Ни один не устоит!!!

Буба Чокнутый старался перекричать всех. А то, понимаешь, забыли, что он самый главный! что он избранник народный! Хотя все – и присутствующие и отсутствующие – хорошо помнили, что избрал-то Буба себя сам. Но он избрал, он и внушил себе идею народного избранничества, он и уверовался в ней глубоко-глубоко, так, что не разуверишь. А стало быть, во всем надо было первым выходить.

Мы пройдем огни и воды!
Сердце бьется как мотор!

И все вместе снова ударили:

Мы идем, едрит, к народу!
Хто не с нами – тать и вор!

Пак понимал, что Чокнутого снова заносит. Но так хорошо шагалось, что он не мешал творческой инициативе певцов – пускай выкричатся вволю, пускай выложат все заветные думы, страдания! Тогда, может, и впрямь – пробьются они, выйдут и к народу, и на простор, и вообще забрезжит наконец хоть что-то светлое впереди.. Сколько же можно в потемках шагать, не зная, куда и зачем?!

Но сам Пак выводил свое, – нутряное:

И-ех, едрены супостаты,
Трепещите – крышка вам!

Жди, папанька, в час расплаты
Я им шороху задам!!!

И все вместе снова ударили:

Ух, едрена, громыхала!
Хорошо в трубе шагать!
Песню грянем, запевала!
Тра-та-та, едрена мать!!!

Таким образом они отмерили ровно двенадцать километров. И после этого прошли еще немного. До того самого места, где в трубе зияла огромная дырища, ведущая не в соседнюю трубу, а в сужающуюся земляную нору. В темнотище не было видно толком, что это за нора, куда ведет. Может, здесь вообще было гиблое место.

- Надо вернуться, едрена вошь, и выбраться по лесенке, - предложил Хреноредьев.

- Ты уже выбирался, - напомнил ему Пак.

- Да-а? - удивился инвалид. - Вот, едреный склероз! А куда ж тогда?!

- Куды, куды! - взбеленился Буба. - Туды, балбесина! - и указал в сторону норы. - Куды ж еще, недоумок хренов!

Пак сразу же втиснулся между спорщиками. И вовремя - инвалид тут же остыл.

- Вот ты и лезь первым! - сказал он Бубе торжествующе.

- А я везде первый! - заявил Чокнутый высокомерно.

И полез в нору.

Пак с Хреноредьевым обождали минуты три. Вроде бы все было тихо и спокойно. Тогда они тоже приблизились к входу в нору. Хреноредьев тихо позвал:

- Буба, едреный избранник, ты где есть-то?!

- Проходите, проходите, сотоварищи! - отозвался Буба казенно. - Не задерживайтесь!

Пак пошел в нору. Хреноредьев за ним.

После железного пола было приятно пройти по сыроватой и мягкой земле, перемешанной с глиной - ноги отдохали, да и в позвоночник каждый шаг не отдавал.

Избранника догнали, когда он застыл над черным, матово поблескивающим зеркалом.

Буба присел на корточки, сунул палец в зеркало.

- Вода! - сказал он многозначительно.

- Точно, - согласился Пак. - Это подземный ручей. А может, и целая река.

- В реку я не полезу! - заявил Хреноредьев. - У мене ком-
плекция неадекватная!

- Какая-какая?! - у Бубы шары на лоб полезли.

- Неа-дык-вадт-ная! - повторил инвалид с ученым видом.

- Не понял, - задумчиво протянул Буба.

- А тебе, дураку, и не понять, едрит тебя через ручей!

Пак пресек разногласия.

- Ну и не лезь, раз ты такой! - заявил он Хреноредьеву. -
Без тебя обойдемся.

Он зашел в воду по колено, потом по пояс

- Тепленькая!

Пустился вплавать - саженками, неумело и медленно, тратя
попусту много энергии. Буба тоскливо смотрел ему вслед. Но
потом сделал все по-своему. Он отошел шагов на двадцать,
разбежался, что было мочи, и прыгнул в воду вниз головой.
Так и застрял, размахивая длинными костлявыми ногами - дно
ручья было вязким и илистым, оно всосало в себя и руки Чок-
нутого, и его башку.

Паку пришлось возвращаться. Вдвоем с Хреноредьевым
они выдернули Бубу, поставили его как положено, головой
вверх. Первым делом, еле отдышавшись, Буба сказал:

- Придурки, все испортили!

Хреноредьев, зашедший в воду по пояс, решил, что ничего
страшного не произойдет, если и он проплывет немного.

- Но чтоб поддерживали, едрена, - попросил он плаксиво,
- а то вот утопну - с вас спросят!

- Утопнешь, - иронически заметил Буба, - народ хоть хре-
ну с редькой вволю наестся!

Инвалид не стал на этот раз задираться. Лишь посмотрел
на Чокнутого так, как тот заслуживал.

С грехом пополам подземную речку удалось преодолеть.
Вылезли на другой берег мокрые, взьерошенные, обессилен-
ные. Хреноредьев рухнул на землю.

- Все! Больше не шагу не сделаю, едрена переправа!

Пак стянул с себя комбинезон, выжал его чуть не до дыр.
И натянул снова. Буба сидел, растопырив руки, уперев их в
землю, сидел с высунутым языком и всем своим видом оправ-
дывал данное ему прозвище.

Надо было как-то приободрить спутников. И Пак затыкнул:

И-ех! Едрена переправа!
Мы герои - хоть куда!

Хоть налево! Хоть направо!
Нам и море – не вода!

Хреноредьев с Бубой переглянулись. Пак присвистнул. И грянуло:

Хоть налево! Хоть направо!
Нам и горе – не беда!!

В земляной норе не так отдавало эхом, как в трубе, но песцы прозвучала и здесь лихо, молодецки. Настроение и силы были восстановлены.

Первым щель заметил Хреноредьев. Он просунул в нее голову и сказал:

– Там чегой-то есть.

– А ну пусти, – важно произнес Буба, напер на инвалида своим тыквообразным животом – и пропихнул того в щель. Потом и сам пролез.

Щель оказалась лазом в пещеру средних размеров. Посреди пещеры, прямо из земли торчали две плотно подогнанные створки – точно такие же как у Эды Огрызины в подполе.

– Испробуем! – сказал Буба и встал на деревянные створки. – Ого! Гляди-ка, закрыты они, что ли! – он подпрыгнул на створках. Но они и это выдержали.

– Тут с умом надо! – заявил Хреноредьев. – А у тебя, Буба, в сегодняшних потасовках, едрена кочерыга, все мозги повышибли! Ну-ка, еще подпрыгни!

Буба подпрыгнул. Створки не поддались.

– Не-е, тут техника, – важно провозгласил инвалид.

И дернул какую-то штуковину, торчащую возле створок.

В тот же миг Буба пропал из виду.

Створка захлопнулась.

– Ведь умеют же делать, вот черти! вот мастераюги! – воскрился Хреноредьев.

Пак смотрел на него свирепо и непреклонно.

– Ты чегой-то, Хитрец?

– Куда дел Бубу?!

– Да он сам куды-то девался, – Хреноредьев развел руками.

– Сам! Остолоп ты! – Пак сильно разозлился.

Инвалид поступил очень просто. Он встал на створки. Сказал:

– Щя разыщем избранничка! – дернул за штуковинку. И пропал сам.

Паку не оставалось ничего иного, как повторить дерзкий эксперимент любителя технических хитростей сотоварища Хреноредьева...

Буба шлепнулся в бочонок с пойлом. Он еще на лету определил, что именно пойло, а не вода, жижа или нефть. О мазуте, бензине и прочих продуктах их производств не могло быть и речи, Буба различал их за версту. Но пойло он различал за пять верст.

Из бочонка выплеснулось изрядное количество драгоценной жидкости. И это растревожило Бубу. Он уже собрался было для успокоения нервной системы прильнуть к бочонку, испить живительной влаги, как на него сверху обрушился толстый и нескладный Хреноредьев.

Буба уткнулся лицом в пойло и начал захлебываться. И он бы захлебнулся, если бы новый удар не завалил и Бубу, и Хреноредьева, и бочонок на бок – это сверзился с небес Пак Хитрец.

– Однако! – возмущенно произнес Хреноредьев. И ткнул Пака кулаком в хобот. – Можно было и поаккуратнее, едрена!

Они выбрались из лужи.

Пак сразу же сообразил, что надо уволакивать – хоть силой уволакивать – спутников подальше от бочонка, иначе они в три минуты перепьются, и тогда всем им труба!

– А ну! – заорал он.

И дал такого пинка под зад Бубе, что тот отлетел на два метра.

– И ты чокнулся? – поинтересовался Хреноредьев.

– Живо отсюда!

Пак отвесил Хреноредьеву своей пудовой клешней оплеуху. У того сразу отшибло и вкус, и нюх. Бубу Пак гнал пинками до выхода из пещерки. При этом он не щадил стоявшей в ней в полном беспорядке всевозможнейшей посуды, переколотил дюжины две бутылок, банок, склянок. Хреноредьев выполз сам. Правда, он зацепился своими деревяшками за какой-то непонятный и сложный агрегат, стоявший у выхода. Но ярость Пака сделала его проворным, он сумел высвободиться. Выполз.

Теперь они все втроем стояли посреди огромнейшей пещеры, какой ни одному из них сроду не доводилось видывать. Неожиданное зрелище заставило их позабыть о выяснении отношений и прочих вещах. Они стояли, разинув рты и ждали.

А зрелище заключалось в том, что посреди гигантской пещеры, на деревянном грубо сколоченном столе, посреди груды

бутылей и больших банок, сидел, скрестив под собой ноги, карлик с телом восьми летнего ребенка. Но у карлика была такая огромная голова, что непонятно было – как она удерживается на хлипкой и тонкой шее.

Карлик через толстенькую металлическую трубочку высасывал содержимое большой, двухведерной банки, стоявшей на полу у стола. Банка пустела на глазах.

Но самое странное заключалось в том, что пока карлик не закончил своего дела, ни один из вошедших так и не сумел пошевелиться. Хотя Буба предпринимал все возможное для этого, просто рвался из собственной кожи, Хреноредьев пытался уползти назад, а Пак хотел просто поднять руку и поприветствовать сидящего. Ни у одного из них ничегошеньки не вышло – стояли статуями. Стояли и молчали.

Наконец карлик оторвался от трубки.

– Пожаловали! – сказал обиженным голосом. – А вас сюда звали, а?!

Пак вдруг почувствовал себя виноватым. И заплакал. Буба с Хреноредьевым тоже – вздохнули с прихлипом и зарыдали.

Одноглазый карлик сурово смотрел на них. И молчал.

– Мы сюда случайно попали, – начал оправдываться Пак, – шли мимо... вот и зашли!

– И куда же это вы шли? – поинтересовался карлик.

– Куда глаза глядят, – признался Пак, – нам теперь повсюду хорошо, лишь бы не в поселке оставаться.

– А чего у вас там?

– Пожгли все! Постреляли многих!

Пак всхлипнул, утерся согнутой рукой.

– Папаньку в золу обратили! А он ведь работник был – хоть куда!

– Это точно, – подтвердил Буба с серьезным видом, – папаша Пуго у нас был передовиком!

– Трудяга! – выдохнул Хреноредьев.

– И за что же пожгли? – поинтересовался карлик.

– А кто их знает? – начал скрытничать Буба.

Но Пак раскрыл карты.

– Ихних укокошили! На пустыре! Это все чудовище виновато, а нас гробят, вот какие дела!

Карлик моргнул, огромный глаз на миг затуманился.

– Так вы думаете, это месть?

– А чего ж еще, едрена колотушка! – осмелел Хреноредьев.
– Как есть месть, самая она!

- Ошибаетесь, дорогие поселъчане, - произнес карлик грустно. - Это не месть. Мстить можно тем, кто осознанно что-то делает. А туристы вас за таких не почитают.

- Как это? - удивился Буба.

- А вот так! Они давно уже собирались почистить Подкуполье, этакую дезинфекцию провести. Да все откладывали... А тут причина подходящая - дескать, создались условия, угрожающие жизни здоровых членов общества. Вот и почистили!

Хреноредьев обиделся.

- Дык что же это, - спросил он плаксиво, - мы им завроде вредных насекомых, что ли?

Карлик терпеливо и детально все разъяснил. Он старался сглаживать особо острые углы. Но до поселъчан доходило. Они стояли навтыяжку перед головастым мудрецом, ели его глазами. И не то, чтобы он им открывал какие-то неведомые и совершенно неожиданные тайны, нет. Но у него получалось все так связно и складно, как никогда не складывалось у них в головах.

- А чего ж мы тогда работаем?! - спросил Буба.

Карлик нахмурился, покачал головой.

- Вас, может, работа только и держит! Без нее все бы стали как Эдины выродки, ясно?

- Это как сказать! - не согласился Пак.

- Ты, бузотер, помалкивай! - осек его карлик. - Без твоих стараний, может, ничего бы и не было. Зачем к Чудовищу приставали, а?!

- Оно само! - огрызнулся Пак.

- Не ври.

- Да ладно! Поиграть была охота!

- Вот и доигрались до охоты настоящей! Так что стой да помалкивай!

Пак почувствовал себя виноватым - наверное, впервые в жизни.

- Садитесь, гости дорогие! - Некоторой долей иронии отдавало приглашение карлика. - Присаживайтесь, гостюшки!

Все вдруг почувствовали, что напряжение спало, незримые пути, сковывавшие их, ослабли. И они опустились на пол, прямо около стола, на котором сидел головастый мудрец.

- Угостить вот только вас нечем! Но не беда, мы и с этим нехитрым делом справимся.

Буба Чокнутый, Хреноредьев и Пак Хитрец совершенно неожиданно для себя почувствовали, что их желудки и пищеводы переполнены до отказа, будто они часа два кряду просидели за столом и выхлебали по ведру баланды.

Хреноредьев даже сыто рыгнул. Прикрыл рот ладошкой, сконфузился.

- Извиняюсь, стало быть, едрено пузо!

Пак ущипнул его за оплывший бок.

- Чудеса-а, - задумчиво проговорил Буба. - Со мною раньше такое бывало после двух доз! Ты случаем не наркот?

Карлик засмеялся, не разжимая маленького рта-кловика. И Буба сообразил, что сморозил очередную глупость.

- А ты сам кто будешь? - поинтересовался смущенный инвалид. - Тебя как звать-то?

Карлик перестал смеяться и ответил вполне серьезно.

- Кто я, вам знать не обязательно. А насчет имени... зовите меня Отшельником, не ошибетесь.

- Ладно, едрена переделка, - благодушно согласился Хреноредьев. Он начинал обретать обыденную самоуверенность. - А чего это ты отшельничаешь, а? Чего тебе среди людей не живется?

- У каждого свое место в этой жизни, - ответил Отшельник. - Ты, наверное, знаешь, какое из них лучше и удобнее?

Хреноредьев почесал загривок, задумался.

- Мене везде хорошо, - наконец ответил он. - Я мужик компанейский. А вот ты ответь все же, едреный интерес, отчего в тебе такая сила - и не трогаешь руками, а будто за ниточки дергаешь? Сам-то ведь хилый, смотреть страшно!

Пак снова ущипнул Хреноредьева за бок. Тот отмахнулся лапой.

- Отстань, щенок, когда старшие разговоры разговаривают!

- Не ссорьтесь, не надо, - попросил вдруг совсем мягко Отшельник. - Зачем вам эти бесконечные ссоры? Давайте я вам лучше покажу кое-что!

- Давай! - заорал Буба так, будто он только и ждал этого предложения.

- Покажи, - согласился Пак.

- Хреноредьев лишь кивнул - дескать, и я не против.

- Смотрите!

Отшельник чуть откинулся назад и указал немощной тоненькой ручкой на стену пещеры. Стена была огромна - мет-

ров сорок в длину и не меньше двадцати в высоту. Стена была не земляной и глинистой, она вся сплошняком состояла из причудливых, сросшихся друг с другом камней, в основном темных, матовых, но кое-где просверкивающих вкраплениями сланца и еще чего-то, поблескивающего, полупрозрачного. Но вместе с тем это была обычная стена пещеры, и не более.

- Да чего на стенку глазеть-то, едрена? - возмутился Хреноредьев.

- А там и нет никакой стены, - еле слышно прошептал Отшельник. - Вы приглядитесь-ка получше!

И произошла странная вещь. В единый миг стены не стало. Нет, она не упала, не рассыпалась, и уж, тем более, ее не заслонили и не занавесили чем-то. Ее просто не стало!

И открылось огромное, пугающе светлое пространство.

Хреноредьев с визгом и матом, на карачках, с невиданной и неслыханной скоростью метнулся в противоположный угол, забился в него, сотрясаясь всем своим водянистым телом.

Пак упал на пол, лицом вниз. Он царапал каменный пол своими клешнями, словно решил во что бы то ни стало зарыться в него - да только в камень разве зароешься! Паку было так страшно, как никогда на свете. Он не испытывал подобного ужаса, когда горел живьем нелюбимый папанька, когда Чудовище гналось за ним, даже тогда, когда его травили опьяненные азартом туристы, выхватывая из темноты прожекторами его беззащитную фигурку и расстреливая ее в упор. Нет, сейчас ему было значительно страшнее!

Буба Чокнутый сидел, оперевшись на длинные и костлявые руки. По щекам его текли слезы.

- Ну чего же вы? Смотрите!

Отшельник вместе со столом, на котором он сидел, отъехал вдруг подальше, будто в столе был невидимый моторчик или его тащили незаметной нитью, привязанной к ножке.

- Смотрите! Я вам теперь не загораживаю!

Хреноредьев трясся осиновым листком, боялся поднять голову.

Пак с усилием оторвался от камня, на вершок, не больше. Открыл один глаз.

Первое, что он увидел, что ошеломило его и повергло, было необъятное и неестественно прозрачное, необыкновенно чистое, голубоватое небо. Пак и не предполагал, что можно сразу видеть столько ясного незадымленного пространства, на столько десятков, сотен, тысяч метров! И это было сказочно

красиво! Но это было и чудовищно пугающе! Лишь потом он разглядел в бездонном и бескрайнем небе ослепительное солнце. Он даже не понял сначала, что это солнце – настолько оно было непривычным, непонятым. Не тусклым, расплывающимся в туманной пелене диском, не полуслепым фонарем, а мощным прожектором, направленном прямо в глаза. И смотреть на него было больно.

– И-ех! Это ведь все мое! – простонал Буба не своим голосом. Схватился руками за плешиво-всклопоченную голову, забился в истерике. – Ведь я... ведь я там жил, и-ех!!! Ведь я же ничего не видел!!!

Хреноредьев из своего угла тоже понемногу присматривался. Его уже не так трясло.

И все-таки было просто жутко!

Паку казалось, что он сейчас упадет в эту синь, что он провалится в безоблачную и бесконечную пропасть неба. И он, что было мочи, держался за каменный пол, пытаясь нащупать в нем шероховатости и выемки, чтоб зацепиться, чтоб хоть как-то удержаться.

– Смотрите, смотрите!

Отшельник занимался своим делом. Он присосался к новой банке, тянул понемножечку, смакуя. Не отвлекая от диковинного зрелища гостей незваных.

– Вот те и едрена-матрена! – подал голос из угла Хреноредьев. Голосок был дрожащим и слабеньким. Но инвалид бодрился: – Ето прям как в песне, едрена, и-ех, загудели-зазвенели провода, мы такого, едрит мене дурака старого, не видали никогда-а!

Больно было смотреть в эту чистоту и ясность, в эту синь и прозрачность. Но Пак расхрабрился – и смотрел, смотрел, да еще как! Вытаращив все свои четыре глаза, не отрываясь, боясь упустить хоть что-то! И боязно было, и мороз по хребту волной продирался, и кишки сводило, но он смотрел и смотрел.

Под фантастическим небом стояли дома – трехэтажные, двух, одноэтажные, больших не было. Но это были дома. Это были не лачуги и хибары, не бараки и корпуса... это были дома! Красивые, будто выписанные талантливым художником или вырезанные мастерским резцом. Дома утопали в чем-то пышном, мягком, зеленом. Паку пришлось пристально вглядываться, прежде чем он понял – это же деревья! Черт возьми, деревья, кусты! Но он никогда не видал таких деревьев и кустов, он никогда не видал такой травы! Те жалкие коряги, ко-

лочки, голые ветки и стволы, что торчали из грунта в их поселке и на окраине, не шли ни в какое сравнение с этой пышной зеленью, с этим безумством рвущейся к солнцу листвы.

- Ты нам морочишь голову бредовыми картинками, мудрец! - сказал он карлику. - Ты нам делаешь больно! Зачем?!

- Смотрите! Смотрите! - только и ответил тот.

Пак подполз ближе, метров на семь или восемь. Он увидел несколько фигурок - длинноногих, стройных.

- Туристы?!

- Да, Пак, это именно туристы, ты не ошибся! Только теперь не они туристы, а вы сами! Хочешь туда?

- Нет! Ни за что!!! - завопил Пак.

- А я хочу-у, - промывчал неожиданно Буба.

- И меня не забудьте, едрены торопыги! - закричал из угла опаматовавшийся Хреноредьев. Он все боялся, что упустит чего-нибудь или что ему не достанется чего.

- А ты не бойся, Пак, подойди ближе, тебя никто не тронет, поверь мне.

- Нет!

Пак закрыл глаза руками.

- А я хочу-у!!!

Буба вдруг подскочил и побежал. В два прыжка он преодолел немалое расстояние, ткнулся было... но отлетел, упал. Стена, видно, оставалась на своем месте.

- Не спеши, Чокнутый! - предупредил Отшельник.

Пак убрал руку. Его как магнитом тянуло в пугающую пропасть.

- А это кто? - спросил он.

- А это дети, они бегают по луку и играют, - ответил Отшельник. - И играют они не так, как вы, в них нет той жестокости и нетерпимости. Ну, смотри же! Ты все еще ненавидишь этих существ?

Пак видел, что и взрослые и дети вполне миролюбивы, что они улыбаются и смеются, что они радуются жизни и любят друг друга. Но он знал и о другом.

- Да, я ненавижу их! - сказал он твердо. - Я их всех ненавижу!

- Не торопись с выводами, Пак! Подойди ближе к краю!

Пак подошел вплотную, протянул клешню. И почувствовал, что никакой стены нет.

Никогда в жизни Чудовище не спало так хорошо. Сон был легок и невыразимо сладостен. Ему снилось, что жива еще мамаша, что не сварился в прорвавшейся из трубы струе отец, большой и сильный мужчина – наверное, и страшный своим обличием для кого-то, но только не для него, Бига. Ему снилось, что он лежит в крохотной деревянной люльке – маленький, слабенький, беззащитный, но всеми любимый, что мать его нежно укрывает чем-то и напевает вполголоса старинную колыбельную, каких он потом не слыхивал ни разу. Ему снилось, что оно вовсе не чудовище, что оно ребенок – он, беззаботный, что-то лопочущий по-своему младенец, безмятежно улыбающийся и матери, и отцу, и потолку в хижине, и всем заходящим, и вообще всем на этом свете... И так было приятно лежать в мягкой постельке, под одеяльцем, так приятно было покачиваться вместе с люлькой, что и просыпаться не хотелось!

Так можно было лежать вечно! Лежать и радоваться, забыв про все тяготы и невзгоды, про этот грязный и поганый мир. Зачем вспоминать о нем?! Ведь во сне все так прекрасно! И Чудовище погружалось все глубже и глубже в заволакивающую истому, его опутывала паутина дремы, вязкая и сладостная трясина засасывала, не давала вырваться, выбиться на поверхность. Да Чудовище и не стремилось никуда вырваться или выбиваться, ему и так неплохо было! На остальное наплевать! Когда еще удастся так хорошо поспать, посмотреть такие чудные, завораживающие сновидения?!

И все-таки в какой-то момент что-то его насторожило – слишком уж приторным, сиропным показался сон. Не могло быть такого, ну ни как не могло! Ну и что?! нашептывало подсознание, ну и что?! мало ли чего не бывает на свете! спи, и радуйся себе! сейчас ты поплывешь по большой широкой реке, поплывешь по ней, не касаясь прохладных струй, и тебя унесет течение, и тебе будет так хорошо, как никогда не бывало! наплюй на все остальное! спи! смотри эти дивные сны! поддайся этим чудесным грезам! не надо просыпаться! там дрянь! там мерзость! там проклятая повседневная жизнь, в которой все тебя ненавидят и все тебя гонят! там за тобой охотятся! там тебя преследуют! а здесь ты желанный гость! река вынесет тебя в огромный и теплый океан! будет светить солнце, будут плескаться волны! и ты будешь вечно по ним плыть! а там... там тебя убьют! ты не уберешься, нет! они настигнут тебя! и смерть будет мучительной, страшной! нет, тебе не нужно всего этого! Зачем?! ты уже обрел все, что искал! ты плывешь... смот-

ри, как здесь хорошо! ничего похожего ты не найдешь нигде в мире! здесь твое место! это твой путь! твоя колыбель – твой корабль, твой дом, ты сам! а будет еще лучше! ты растворись в этом океане! весь, без остатка! ты сам станешь океаном – бескрайним и бездонным, бессмертным, вечным...

Нет! Чудовище уцепилось за краешек ускользающего сознания. Нет! Мне еще рано в океан! Я не хочу плескаться и плыть! Я не желаю быть водой! И вовсе не собираюсь жить вечно! Мне не нужно бессмертие! Я сам прерву свою жизнь, когда расколочу все эти мерзкие стекляшки! Я сам перережу себе глотку! Но не теперь! Теперь растворяться, уходить, становиться водой еще рано! Наверх! На поверхность! Вон из люльки! Вон из болота! Только туда, вверх!

С невероятным напряжением всех нервных и психических сил, обливаясь потом от этого напряжения, с рвущимся из груди сердцем оно проснулось. Приоткрыло один глаз.

Лежалось хорошо, лучше и мягче, чем в люлке. Пол был самой настоящей периной! Да и сверху прикрывало что-то мягкое, теплое. Чудовище попробовало пошевелинуться. Но у него ничего не получилось – это самое теплое и мягкое одеяло сковывало движения. Пришлось открыть еще три глаза, с разных сторон, чтобы оглядеться толком.

Понимание случившегося пришло не сразу. Чудовище не только увидело, оно и почувствовало, что все его тело опутано мягкими теплыми водорослями – или чем они там были на самом деле! Вот тебе и одеяльце!!! Переплетения были сложны и узорчаты – водоросли свивались тысячекратно и уходили в пол, стены. Сквозь них почти ничего не было видно дальше полуметра. Но зато с ними было все ясно!

Чудовище напрягло верхнее щупальце, попробовало притянуть к голове. С большим трудом удалось сдвинуть его на несколько сантиметров. Тогда Чудовище попыталось резким движением подняться на конечности, выпрямиться. Водоросли спружинили, не дали этого сделать. Положение складывалось нелучшее!

Решив, что трепыхаться попусту не следует, Чудовище на время успокоилось. В коконе было тепло и приятно лежать. Его вдруг снова потянуло в сон. Сомкнулись веки, стало уплывать сознание. Но на этот раз Чудовище быстро пришло в себя. Нет! Надо не рваться, не дергаться, словно рыбина, запутавшаяся в сети, надо бить в одно место, тогда можно будет вы-

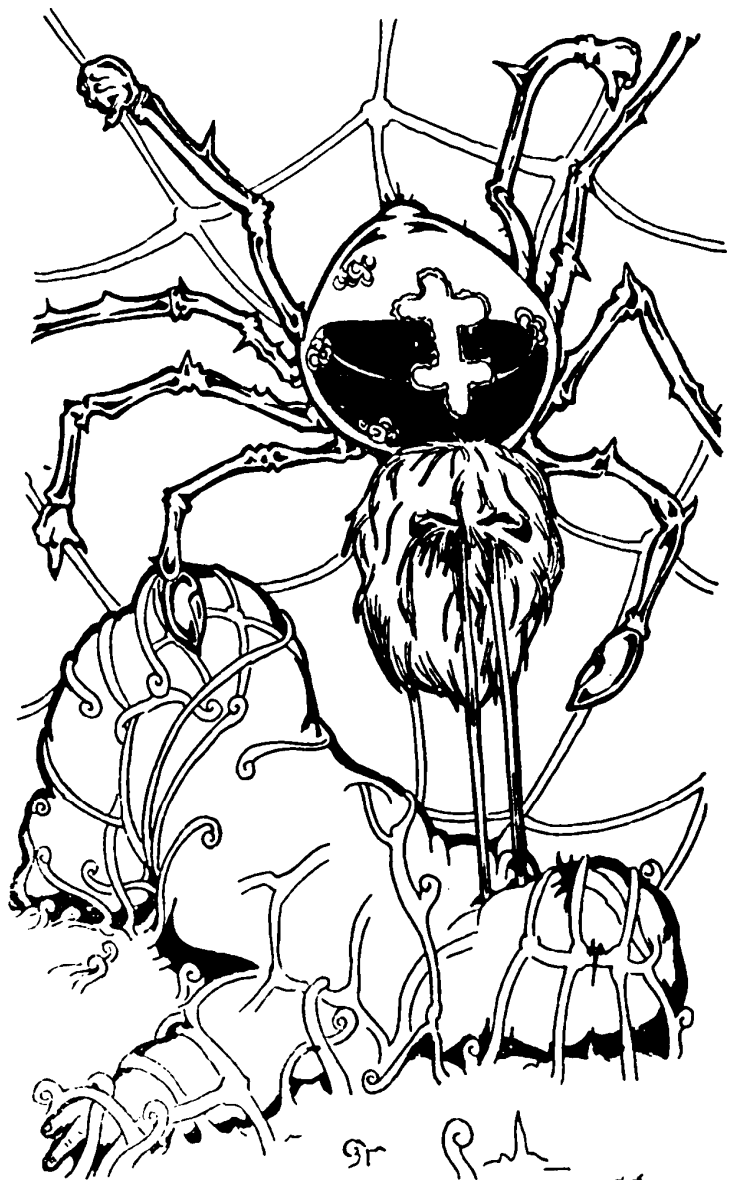
браться! Тем более, что до конца его навряд ли успели опутать, ведь оно проснулось раньше намеченного. Явно раньше!

И оно принялось потихоньку, но с изрядным упорством перетирать ближайšie водоросли жвалами. Те поддавались плохо, были упруги как резина. Но и челюсти у Чудовища были крепкими, жвалы и зубы острыми. Через несколько минут образовалась дыра. И к этой дыре, изнутри, с большим напряжением удалось подтянуть два щупальца. Но они повершили начатое – Чудовище прорвало кокон на уровне глаз. Дальше было проще – надо было расширять дыру и в то же время выпутывать одно за другим щупальца, нижние конечно. Но и теперь Чудовище не рвалось, не пыталось вырваться в миг единый. Кто знает, может, за ним наблюдали?! Может, ждали его действий, чтобы наброситься, сломить сопротивление?! И оно утвердилось в мысли, что спешить не надо. Лишь когда все тело почувствует возможность вырваться из кокона, лишь тогда можно будет вскочить, разорвать остатки пут. Но не сейчас!

Вот так сон! Хорошо поспали! Чудовище посмеивалось над самим собой, но на душе было гадко. Жвалы работали тихо, без остановки. Дыра разрасталась.

Чуть повернув голову, Чудовище увидало жуткую картину. Оно не поняло вначале, в чем дело. Лишь мгновенья спустя дошло. Хенк лежал метрах в восьми, весь перевитый синезелеными жгутами. Его невозможно было узнать – это была какая-то мумия, опутанная, оплетенная, чуть вздымающаяся в такт дыханию. Водоросли выходили прямо из пола и крепчайшими канатами удерживали тело туриста. Но не это было страшным!

Над головой Хенка, подрагивая на тоненьких раскоряченных многосуставчатых лапках, навис гномик-паучок. Его полупрозрачное брюшко было на четверть красным, ярко красным, на три четверти желтеньким – как у поганой сортирной мухи. Чудовище не сразу поняло, почему это так. Оно вообще не поняло, что он делал, этот паук. Но тот сам шевельнулся, слегка развернулся, оттопыривая две задние лапки с коготками... И Чудовище увидало, что гномик не просто так нависает над туристом, что его длинные, вылезающие из благообразного рта зубы-клыки, а может, и не зубы, а какие-то полупрозрачные острые трубки, погружены внутрь кокона, и по ним перетекает в брюшко гномика что-то красное. Кровь! Чудовище чуть не вскочило на конечности. Да, все так и было – паук-

7/28/92

гномик, пронзив зубами обнаженное и вздрагивающее горло Хенка, высасывал из его тела кровь.

Гномик ничего не замечал вокруг. Он был увлечен. Причмокивал, почавкивал, тяжело дышал, сучил лапками, трясся. В брюшке скапливалось все больше крови – ее было уже не на четверть, а на треть брюшной прозрачной полости.

Ну, хозяин! ну, гостелюб! сейчас мы разберемся! решило Чудовище. Его захлестнула волна ярости. В миг сорвав с себя остатки полуживой паутины и отшвырнув их, оно поднялось. Прыгнуло. Восемь метров остались позади, там же остался шевелящийся изуродованный кокон. Чудовище медленно, осторожно сжало щупальцем тельце гномика, так, чтобы случайно не повредить горла Хенку.

– И-ииии! – заверещал вдруг гномик.

Но Чудовище не предоставило ему права последнего слова. Щупальце сжалось. Кровь брызнула на пол. Благообразная головка с выставленными клыками свесилась набок. Чудовище безразлично отшвырнуло тельце, даже не поглядев, куда то упадет. И потянулось к лежащему рядом с Хенком пулемету.

Первым желанием было изрешетить здесь все, перервать, перерубить, перебить, перегрызть, все в прах разнести!

Чудовище вскинуло пулемет и послало короткую очередь вверх. Пули увязли в водорослях. Нет! Так не годится.

Оно нагнулось к Хенку. Начало осторожно, чтобы не повредить кожи и внутренних органов, распутывать сплетения водорослей. Хенк дышал, а значит, он был жив. Лицо, проглядывающее сквозь сине-зеленую пелену, было мертвенно бледным. На шее красовался здоровущий синяк с двумя красными точками в центре, корочка спекшейся крови подсыхала возле них. Ранки были неглубокими. И это обнадеживало.

– Хенк! Ты слышишь меня? – позвало Чудовище.

Турист застонал, но очень тихо. Он был без сознания.

Наконец чудовищу удалось выпутать его из кокона. Оно прижало к боку обессиленное тело, двинулось к выходу, к дыре. Но почти сразу же остановилось. Бережно положило Хенка на мягкий пол. Подошло к ближайшим свисающим с потолка водорослям, уцепилось за них щупальцами, дернуло. Две мохнатые нити оборвались, упали кольцами к ногам Хенка.

Чудовище взялось поухватистее, собрало в каждое щупальце по несколько водорослей, подтянулось. Водоросли держали. Тогда оно быстро, словно по канату, взобралось наверх. Там, под самым потолком, таким же мягким и заросшим

как и пол, была устроена широченная лежанка. Снизу ее не было видно совершенно. Но вблизи она производила впечатление. Посреди лежанки находилось сплетенное из тех же паутинообразных водорослей гнездо. И в нем мирно посапывали шесть розовеньких паучат, еще меньше, чем их папаша, раздавленный Чудовищем. Паучата, видно, и не подозревали об опасности, грозящей им. Один проснулся и в недоумении уставился на Чудовище круглым серым глазом. Наверное, он никогда не видал таких странных существ, а может, просто спросонья был не в настроении.

- Ладно, лежите, гаденьши! - пробурчало Чудовище. Паучат оно не тронуло, спустилось вниз.

Хенк так и не пришел в себя. Он лежал как покойник и даже дышал уже не так явственно - грудь вздымалась еле-еле. Чудовище нагнулось за ним, одновременно подхватывая свободным щупальцем ручной пулемет. Ему почему-то не захотелось оставлять эту штуковину здесь. Ему вообще захотелось уйти из этой гигантской «спальни» как можно быстрее. Уйти и никогда сюда не возвращаться. Вот только подберет Хенка. И пойдет!

- Вы напрасно это сделали, милейший! - прогрохотало басом сзади. - Видит бог, напрасно!

Чудовище не стало оборачиваться. Оно лишь выпрямилось, прижимая к груди пулемет.

- Было бы для вас лучше, если бы вы не проснулись! А теперь... что ж, теперь у вас будут маленькие неприятности.

Бас был противным, скрежещущим. Такой мог при принадлежать лишь существу, обладающему исполинской силой, огромному, злобному, безжалостно жестокому и свирепому.

Чудовище резко обернулось.

- Тра-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та!!!

Пространство прошила длинная очередь. Все пули, одна за другой, вошли в обладателя басового голоса. Вошли прямо в грудь, практически в одно место - диаметром не больше трех сантиметров. И уже после этого Чудовище увидело того, кто с ним говорил.

Прямо у противоположной стены, загораживая огромный проем, которого не было прежде, стояла точная копия гномика-паучка, только увеличенная в тысячу раз.

- Понапрасну беспокоитесь, милейший! - проскрежетала исполинская паучиха. - Мне даже не щекотно!

Восемь покрытых хитином двенадцатисуставчатых ног с черными шарами сочленений, поддерживали на высоте шести метров чешуйчатое, усеянное бородавками и длинными свисающими волосками, тело. Оно было бочкообразным, желто-серым. Чуть выше из этого огромного бочонка торчали две длинные толстые лапы, заканчивающиеся клешнями. Кончики клешней нервно постукивали один о другой. Головы паучихи видно не было, ее скрывала металлическая, сваренная из прутьев маска. Чудовище не ожидало встретиться с чем-то подобным в Подкуполье. Но теперь это не имело никакого значения.

- Тра-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та!!! - прозвучала новая очередь.

Теперь Чудовище било прямо в сочленение передней ного-лапы. Первые пули отскочили от хитинового панциря, но остальные пробили-таки его поверхность. Паучиха поджала лапу.

- Вам не надоело еще играть в эти игры, милейший?!

- Нет! Не надоело! - Чудовище отбросило пулемет.

Оно еле успело увернуться - в трех сантиметрах от его головы с грозным лязгом сомкнулась огромная клешня. Но от ного-лапы увернуться ему не удалось - она подцепила его острым когтем-крюком, подбросила в воздух. Перевернувшись несколько раз, Чудовище упало на пол. Мягко приземлилось сразу на щупальца и конечности. Тут же щелкнула перед глазами вторая клешня.

Бежать было некуда. Но и здесь оставаться - означало верную смерть. Ведь перед ним стояло нечто неодолимое, какая-то машина уничтожения, а вовсе не живая тварь. Хорошо было Хенку, тот лежал и даже представить себе не мог, что сейчас происходит! Но паучиха не смотрела на Хенка. Он был ей, видно, безразличен.

- Ну что, милейший, еще поиграем!

На этот раз досталось Чудовищу крепко - одной клешней ему разорвало мышцу на груди, другой сбило с ног. На минуту оно потеряло ориентацию. И этого хватило - гигантский коготь вновь подцепил его, поднял высоко вверх. Теперь Чудовище висело над головой паучихи, метрах в трех от нее. Были видны сквозь просветы железной маски спокойные серые глаза - немигающие, застывшие, и острый трубчатый клюв. Он даже высывался немного наружу.

- Ну так что же, милый друг, вы испытываете раскаяние? Или нет?! - голос проскрежетал в самые уши. Казалось, он исходил не изо рта или клюва паучихи, а из бочкообразного брюха. - Или ты, убийца проклятый, не понимаешь, что натворил?!

- Это ты убийца! - выкрикнуло Чудовище прямо в рожу паучихе. - Ты, и твой муженек-кровосос, ясно?!

- Ха-ха, а мы не слишком-то вежливые! - заскрежетало сильнее. - Мы, наверное, грубияны. А ну, получи первый подарок!

Чудовище резко трянуло, чуть не вывернув его из собственной шкуры. Одновременно второй коготь впился под ребра. Но не тут-то было! Ухватившись за него сразу четырьмя щупальцами, Чудовище выдернуло из себя черное поблескивающее острие.

- Ах, вот мы как!

Ного-лапа подбросила его. И снова Чудовище рухнуло вниз с большой высоты. При его весе такие падения не были безопасными. Оно чудом извернулось, сберегло себе жизнь.

Мощным ударом ного-лапы его швырнуло в стену. Потом опять подбросило. Швырнуло в другую стену, прямо сквозь паутину водорослей. Они-то и смягчили немного удар. Но гигантская клешня мгновенно перерезала нити. Чудовище вновь оказалось на полу. Голова у него гудела, не соображала совершенно, все внутренности были отбиты и сильно болели при каждом новом ударе. В глазах все мелькало и кружилось. Два щупальца висели безжизненными плетями. Из раны на груди текла зеленая густая кровь.

- Еще разок?!

Новый удар обрушился сверху. Он пришелся прямо по горбу. Кожа лопнула, изнутри брызнуло зеленой. Чудовище рухнуло на пол, покатилося в угол. Оно было полностью выбито из колеи и не могло даже защититься. Озверевшая паучиха гоняла его пинками и ударами клешней по всему заросшему водорослями и мхом помещению - из угла в угол, от стены к стене. И спасения не было.

Когда у Чудовища уже совершенно помутилось в голове и оно окончательно обессилело, паучиха вновь приподняла его своей двенадцатисуставчатой поблескивающей ного-лапой на высоту десяти метров, заглянула снизу в глаза, вываливавшиеся из-под кожи, проскрежетала громко, раскатисто, будто торжествующе смеясь, и сказала:

- Вот, милейший, игры кончены. Сейчас ты издохнешь в ужасных мучениях, понял?! Я не завидую тебе. Уж лучше бы ты не просыпался!

Пак сделал шаг... и прошел сквозь стену. Но тут же остановился. Ему было очень боязно - а как же шагнуть туда, в неведомый мир! А вдруг это западня?! Вдруг там ничего нет?! Вдруг его поджидает там расправа?! Он помнил, как за ним гнались на броневиках. Гнались те самые туристы или их близкие, что играли сейчас столь беззаботно на зеленой лужайке. Нет! Нет!! Нет!!! И все же он сделал еще шаг. И почувствовал, что следом за ним прошел стену Буба Чокнутый. Вместе, придерживая друг друга, они прошли несколько метров по шелковистой траве. И тут их догнал Хреноредьев - он ворвался в зеленый мир, как бежал до того в угол, на карачках, с быстротой непостижимой, словно его гнали из пещеры сворой борзых. И тут же сделал заявление:

- Тока чтоб все путем, едрена!

На заявление не обратили внимания. Пак посмотрел вперед, на лужайку, ничего-то он не видел и не слышал.

- Идите, не бойтесь, - проговорил Отшельник приглушенно. - Но помните, любое зло, сотворенное в этом мире, отразится на вас же, будьте осторожны! А тебе, Хитрец, я советую выбросить эту ненужную железяку! Зачем она тебе там?!

Пак прижал железяку к груди. Потряс головой.

- Откуда ты знаешь мое прозвище? - спросил он.

- Эхе-хе, ты лучше запомни, что тебе говорят, - грустно произнес Отшельник. - Или решил вернуться?

- Нет! Теперь я не вернусь!

- Совсем?!

- Если этот мир примет меня, то и совсем! - твердо ответил Пак.

- Ну ето еще твоя запойная бабуся надвое сказала! - вставил Хреноредьев. - Не вернется он, едрена вошь! Невозвращенец объявился!

Буба дал Хреноредьеву по загревку. Прижал палец к губам.

- Тихо, придурки, - сказал он почти молитвенно, - я на родину возвращаюсь.

Он неожиданно опустился на колени и припал губами к земле. Затрясся. Острые худые плечи, спина, зад ходуном заходили.

- И-ех, земелюшка, родимая! Скоко лет! Скоко зим?!

Хреноредьев, наоборот, встал. Он долго смотрел на юродствующего Бубу. Потом размахнулся единственной собственной ногой и дал ему хорошего пинка под зад. При этом сам не удержался, шлепнулся на пузо. Но сказал:

- Че ты нам мозги вкручиваешь, Буба!? Тебя, едрена ма-рафетчика, с этой земелюшки в три шеи вышибли! Как заразного! Как чумного! С бешеными собаками так не поступают, едреный возвращенец, как с тобою поступили! И-ех!

Буба потер ушибленный зад. Но ничего не сказал. На глазах у него были слезы.

Напоследок Отшельник дал наставление:

- Дурить будете, пропадете!

Пак оглянулся - никакой пещеры и никакого Отшельника не было. Они стояли на зеленой лужайке, со всех сторон их окружали высоченные деревья с густыми кронами. В просвет были видны бегающие туристы и их домики. И все!

- А как же, едрит этого карапуза, назад возвращаться?! - озадачился Хреноредьев.

- Может, и не придется, - вымолвил Пак вяло.

- Не бузи, щенок! Набедокурил в поселке, а назад вертаться не желаешь, так, что ль, понимать?! - взъелся Хреноредьев.

- Да нет! Я говорю, может, мы все тут и поляжем? - отозвался Пак.

- Двумя дураками меньше станет, - вставил равнодушно, как-то вскользь, Буба.

- Это почему же двумя?! - возмутился Хреноредьев. - Ты чего это, Буба, мене за человека не считаешь? Иль я для тебе, едрена гармонь, пустое место!

Буба вздохнул, потер ушибленную задницу еще раз, словно вспоминая о пинке.

- Дурак - ты и есть дурак!

Пак разнервничался, взмахнул железякой.

- Неужто вы и здесь, в этом мире, будете скандалить, а?!

Буба и Хреноредьев засмутились - они и в самом деле ощутили какую-то неловкость, какое-то несоответствие своего поведения и всего окружающего, словно наследили грязными сапожищами на зеркальном паркете во дворцовой зале. Правда, ни один из них не видал ни дворцов, ни зал, ни паркета.

- Надо разработать план, - предложил Буба.

На него посмотрели с заинтересованностью и уважением.

- Да! - Буба воспарил. - Без плана никак нельзя. Но для начала предлагаю избрать совет и его председателя.

- Совет чего, едреный возвращенец? - поинтересовался Хреноредьев.

- Совет поисковой партии! - ответил Буба, будто ожидал подобного вопроса.

- Звучит неплохо, - выразил свое мнение Пак.

- В таком случае, предлагаю свою кандидатуру на пост председателя совета, - скромно потупив разноцветные очи, сказал Буба. И тут же добавил: - Двумя первыми заместителями рекомендую назначить Пака Хитреца и доблестного инвалида сотоварища Хреноредьева.

- Я не против, едрена!

- Тогда будем голосовать. Кто за?

Пак не дал церемонии завершиться.

- Завязывай, Буба! Принято! Не надо тут волокиту разводить. Надо обстановку разведать, затаиться надо, пока не прикокошили! А ты собрание проводишь, бюрократ хренов!

Инвалид засопел рассерженно.

- Может, он и бюрократ, не знаю, едрена промокашка, а оскорблять не следует!

Пак ему не ответил. У него болела голова. И от необычайно чистого, напоенного кислородом воздуха, и от обилия красок, и от щебета птиц в ветвях, и от всего прочего, окружавшего его. Кроме того, он все так же боялся упасть в это бездонное небо, утонуть в нем, раствориться.

Другое дело Хреноредьев! Тот освоился сразу, с первых же минут, будто он прожил за барьером всю свою полубессознательную жизнь, будто он не из вонючего и загазованного поселка выбрался!

Но в новых условиях самым мудрым оказался Буба Чокнутый. Как председатель совета он сразу взял нужный тон. И заявил со всей ответственностью:

- Вам, дегенератам, на люди показываться нельзя! Или пристрелят с перепугу или в зверинец отвезут. А может, и заспиртуют!

Пак взглянул на свои клешни. Потом вытащил осколок зеркальца из кармашка. Всмотрелся. Хобот почти зажил, рубец был еле заметным. Нет, Пак себе нравился! И он не понимал, с какой стати его могут посадить в зверинец или заспиртовать.

Для Хреноредьева вообще вся эта проблема была недоступно сложна.

Буба оказался и самым рассудительным.

- Вы тут, придурки, зачитесь покедова, я пойду на разведку, - сказал он. - Один пойду!

- А я б и так, едрена, с тобой в разведку не пошел! - отрезал Хреноредьев и улегся на травку.

Пак присел у большущего дерева с корявой, но теплой и живой корой, прислонился к нему.

- Иди, куда хочешь! А я вот залягу сейчас в засаду и буду поджидать - нравится это кому-то или нет, а я угроблю из железки столько туристов, сколько в ней патронов, ясно?!

- И всех засыпешь, недоумок!

Буба повернулся спиной, постоял. И пошел куда-то, наверное, и в самом деле он собрался чего-то разведывать. Хреноредьев ползал по траве, собирал губами красненькие ягодки. Он не знал, как они назывались, но глотал их с удовольствием.

Пак перевернулся на живот. Выставил вперед железку. Он без всяких шуток собирался ухлопать первого же, кто покажется вблизи. И у него, видно, были весомые основания для этого.

- Наверху неделя, небось, прошла! А мы все катимся по дурацкой трубе! - ныл Лопухий Дюк - А куда, никто не знает!

- Разговорчики, падла!

Гурыня был словно из кремня вытесан. Он не знал ни сна, ни усталости. Будто дьявол-егоза сидел в его груди и не давал покоя. Причем не только ему самому, но и всем прочим.

- Командор знает, чего делает! - Скорпион Бага грозно поглядывал на Дюка. И тот смолк.

Громбылу Плешака продолжало тошнить и рвать. Казалось, он уже выблевал все, в том числе и собственные внутренности, но его рвало и рвало. Помойный дух стоял в броневикуе, все в заднем отсеке было загажено. Но парни из Гурыниной ватаги да и он сам ничего не замечали. Их гнал вперед азарт, жажда приключений, рискованная натура и еще что-то такое, чему названия пока не придумано.

- Мы их всех, падла! - повторял через каждые десять минут Гурыня. - Еще узнают нас!

По логике вещей от машины, столько времени несущейся по трубе, подпрыгивающей, трясущейся, рокочущей натужно, бьющейся об округлые ржавые стены, давно ничего не должно

было остаться. Но, видно, это была крепкая, надежная машина! Она перла и перла, и износу ей не было!

Гурыня не понимал всяких тонкостей по части горючего или наработок на отказ, он выжимал из броневика все возможное и ничего не желал знать. И броневик неся! Скрипя, грохоча, сотрясаясь, наполняя трубу ужасающим ревом своих измученных моторов.

- Пора бы привал сделать, - пискляво попросил Плешак.

- Я тя привалю, падла! - сказал Гурыня беззлобно.

Но Плешака Громбылу затрясло посильнее, чем загнанную машину.

У самого вожака начали появляться галлюцинации. Ему вдруг мерещились какие-то мелкие и вертлявые фигурки, пляшущие на узенькой полоске лобового стекла, то вдруг сверху, от переборок свешивались противные зеленые черви, начинали извиваться, норовя залезть в глаза. Гурыня отмахивался, отругивался, отплеывался. И наваждения пропадали. Однажды, совсем очумев, он скомандовал Баге:

- Пали, падла!

Тот так засадил из пулемета в бесконечность трубы, что еще с полчаса стояло жуткое эхо - будто миллионы тонн железного гороха просыпали! Но Гурыня не расстроился и не выказал слабости.

- Молодец, Бага! Выношу тебе благодарность! Ты не то что некоторые ротозеи и разгильдяи! Молодец!

- Рад стараться! - рявкнул Бага.

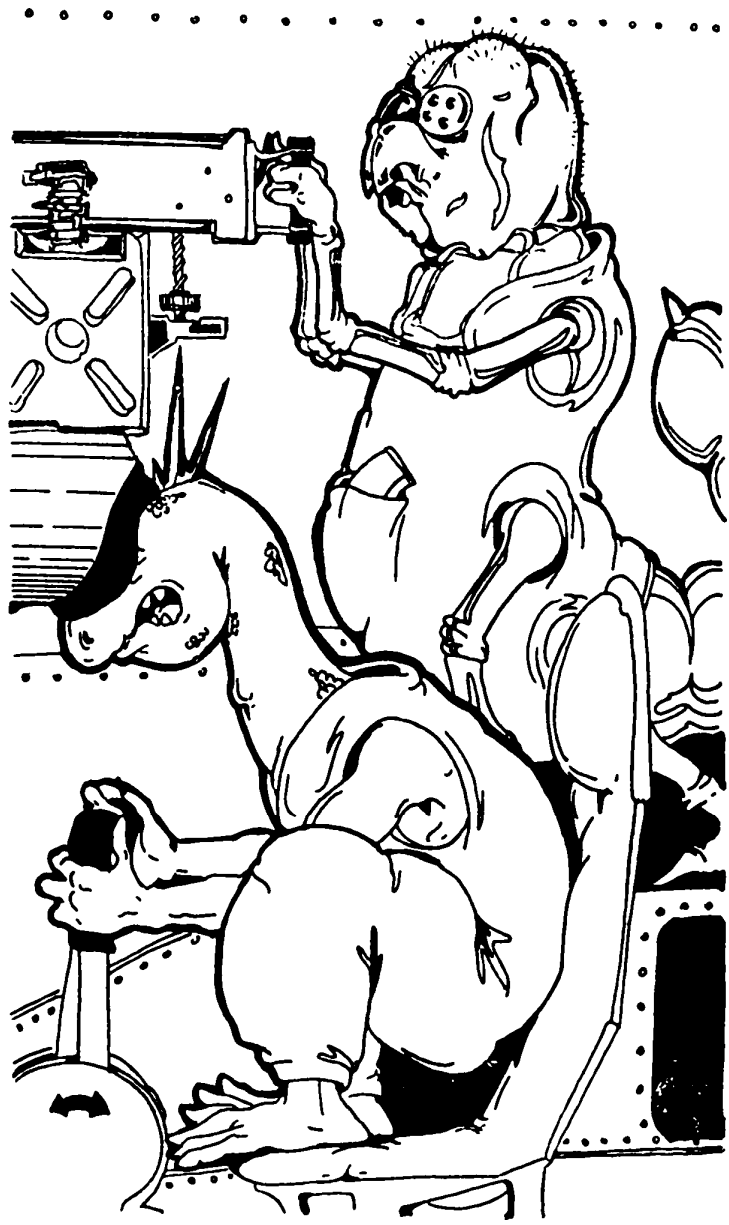
Дюк с Плешаком теперь и на Скорпиона поглядывали с уважением, видели, что он в чести у шефа. Но будь их воля, они бы давно вылезли из машины, завалились бы посреди проклятущей трубы - и пропадай все пропадом!

Только раз за последние сутки машина остановилась. Это произошло, когда Гурыня увидел сбоку железную лесенку. Он затормозил так, что чуть траки гусениц не расплавились и от скрипа едва не оглохли члены экипажа, несмотря на то, что сидели в наглухо задраенной машине.

- Стоять, падла! - скомандовал Гурыня. И ткнулся мордой в броню.

На него навалились задние, чуть не расплющили. Да только Гурыня не из того теста был слеплен, чтоб расплющиться. Он тут же отбросил назад парней из ватаги. Баге дал щелчка, Дюку с Плешаком по оплеухе. И вылез из машины.

- Бага! - позвал он.

Скорпион мгновенно выбрался на броню, застыл на четырех лапах, прижав две другие к ушам.

- Я тут!

Гурыня одобрительно потрепал его за остатки волос.

- Стой на стреме! Ежли чего, падла, свистнешь! Понял?!

- Так точно!

Бага стал бдительно озираться по сторонам, как бы показывая, что мимо него не проскочишь. Гурыня полез по железным узким скобам.

Дюк с Плешаком выбрались. Улеглись прямо на ржавом запыленном днище трубы. Но успокоиться не могли - их все еще трясло, колотило, било.

- Щя бы в поселок, а? - протянул Дюк, расправляя свои огромные уши.

- И баланды похлевать, - продолжил Плешак Громбыло мечтательно.

Но при воспоминании о баланде его сразу же снова начало рвать. Дюк отодвинулся, брезгливо поморщился.

- Эй вы там, внизу! - громко скомандовал Бага с брони. - А ну, молчать! Отвлекаете, понимаешь, от несения боевого дежурства.

Болтуны замолкли.

А в это время Гурыня лез и лез вверх, не зная устали, не оглядываясь. Да и что толку было оглядываться - в крошечной тьме ни черта не было видно. Но вблизи он многое различал. Сумел различить и крохотный лючок, открытый, - торчавшие петли говорили о том, что когда-то лючок прикрывался крышечкой, да, видно, отвалилась или оторвали.

Гурыня по-змеиному вполз внутрь, наткнулся на что-то холодное, твердое. Наощупь продвинулся немного, перебирая своими костяшками. Все было непонятно! Тогда он вцепился в ближайшую штуковину, дернул на себя. Она легко подалась - Гурыня чуть не завалился на спину. Но до него кое-что дошло. Он поднес штуковину к глазам, медленно провел ею перед ними - точно, это было какое-то оружие! Не такое, как туристовские железяки, но оружие - большое, тяжелое, надежное! И он взялся за дело.

- Ой! Чего это! - завопил растерявшийся Бага, когда совсем рядом что-то со страшным лязгом упало.

Но он не успел толком удивиться, потому что сверху посыпалось множество тяжелых, явно металлических вещей – как будто там где-то что-то сломалось и произошел обвал.

Дюк с Плешаком подползли поближе. Но не настолько, чтобы рисковать своими жизнями.

– Видать, нашего Гурыню там пришили! – высказал мысль Дюк.

– Вряд ли, – засомневался Плешак Громбыла, – скорей он кого-нибудь по кускам разнес – вот и сыпятся обломки!

– Мудрено все это!

– А ну, молчать! – пресек разговорчики Бага.

Через полчаса по лестнице сполз обессиленный Гурыня. Он долго сидел на броне, не мог отдышаться. Потом прыгнул, начал рыться в груди железа.

– А ну ко мне, падла! Разбирай – что кому по душе!

Тщедушному Громбыле он повесил на плечо автомат, сунул за пазуху несколько рожков с патронами. Лопоухому Дюку выделил ручной пулемет, связку гранат. Баге просто махнул рукой – бери, что хочешь! Минут двадцать они загружали трофеи в машину. И уже собирались тронуться. Но Гурыня сообразил-таки, что следовало бы устроить учебные стрельбы.

И он их устроил! Половина оружия оказалась негодным – наверное испортилось от времени или поломалось при ударах об днище трубы. Но добра было навалом! Больше, чем надо!

Дюк с Плешаком не сразу овладели мастерством стрельбы из автоматов и пулеметов. Гурыня и сам с ними проковырялся долго, техника была посложнее туристовских трубок. Но не особо и хитрая! Овладели! А неясности Гурыня не любил, растолковывал все тумаками и пинками – поневоле приходилось овладевать.

Правда, чуть не оглохли от пальбы. Но это было делом житейским. Ненужное побросали и уехали. Теперь Гурыня не ведал сомнений. Если и были на белом и черном, сером и буром светах подлинны герои, так это он и его ватага! Все им по плечу! Никого они не боятся! И не будут они никого бояться! Только попадись на пути!

Третьи сутки неся броневик по трубе. И исхода не было!

Но была зато лютая злость! Был опьяняющий азарт! И было желание перевернуть к чертовой матери весь этот поганый мир!

- Да-да! Лучше бы ты сдох во сне! Ты бы не заметил даже, что сдох! Вся твоя зеленая кровушка выпилась бы из тебя. И стал бы ты сушеным крысосусликом. Да! Но ты бы никогда не узнал об этом! Тебе бы казалось, что ты плывешь в своей люльке по теплым волнам, что растворяешься в убаюкивающем тебя океане, что ты становишься океаном - бессмертным и бесконечным. Но ты сам выбрал свой путь, и теперь... - из пасти гигантской паучихи послышался омерзительный скрежет.

Будто копыя снизу воткнулись в тело Чудовища четыре острейших черных когтя. Еще два, но уже с боков, уткнулись в могучую, но такую сейчас незащитную шею. Пятый стал нащупывать ложбинку у основания черепа. Шестой замаячил перед глазом. Паучиха опустила на колени, если так можно было назвать круглые и поблескивающие сочленения ее многосуставчатых ного-лап. И от этого у нее сразу же освободились бритвенно острые когти.

- Я не буду спешить! - пророкотала она. - Мне некуда спешить, милейший. Каждый из этих коготков будет пронзать тебя медленно-медленно, пока ты в жутких судорогах не испустишь свой поганый дух. Но я заверяю тебя, произойдет это нескоро!

Может, это и к лучшему, подумало Чудовище, вот сдохну тут в муках - и земля чище станет, на одного мутанта меньше ей придется носить! Было бы чего жалеть! Все равно кроме зла и боли, слез и крови ничего-то я не принесу обитателям этого мира. За что бы ни брался, все оборачивалось страданиями, слезами. Да, наверное, пора! Ведь каждому положен свой предел, каждому отмерено ровно столько, сколько он заслуживает в этой жизни, и ни один не знает своего смертного часа. А я-то, дурачина, собирался сам себя лишать жизни, сам собой хотел распоряжаться. Дудки! Мы все только предполагаем, а что-то высшее, неведомое располагает. Оно играет нами, как бессмысленными жалкими куклами, и мы не в силах противиться этой игре. И я умру. И Хенк умрет. И эта огромная паучиха когда-нибудь умрет - захлебнется чьей-нибудь кровью! Да и весь мир когда-то погибнет! Не вечно же он будет гнилой отвратительной язвой украшать бездонную черноту Космоса! Нет, не вечно! Значит, пора! Значит, настал час!

Когти со всех сторон чуть поднажали, вонзились в тело сильнее. Чудовище вздрогнуло. Оно тоже умело испытывать боль. Оно тоже было живым.

- Ты ничего не хочешь сказать на прощанье? – спросила паучиха.

- Хочу.

- Ну так говори!

Чудовище молчало. Ему тяжело было ворочать жвалами и языком.

- Говори! Да подумай перед этим хорошенько – и может быть, я отпущу тебя. Что ты хочешь мне сказать?!

- Совсем немного, – прохрипело Чудовище.

- Ну-у, я жду!

Давление когтей чуть ослабло.

- Говори!!!

Чудовище приподняло свесившуюся голову.

- Я жалею, что не раздавил твоих гаденышей! – вырвалось из его пересохшего горла.

- Что-о?!

Когти впились о бока, шею.

- Повтори!

Чудовище задрожало, боль становилась непереносимой – казалось, острия когтей вонзались прямо в печень, сердце, селезенку, почки...

- Я повторю, – просипело оно совсем тихо, – повторю! Мне ничего не стоило передавить твоих гаденышей прямо в гнездышке, одного за другим. Но я не сделал этого, я смалодушничал! Теперь я очень жалею об этом! Их надо было...

Когти погрузились еще глубже в его тело. И Чудовище издало тихий стон. Оно не могло больше говорить. Но и кричать, визжать, биться, просить пощады оно не собиралось. Смерть надо было встретить достойно.

- Ты еще жив, милейший? – ехидно спросила паучиха.

- Жив! – отозвалось Чудовище.

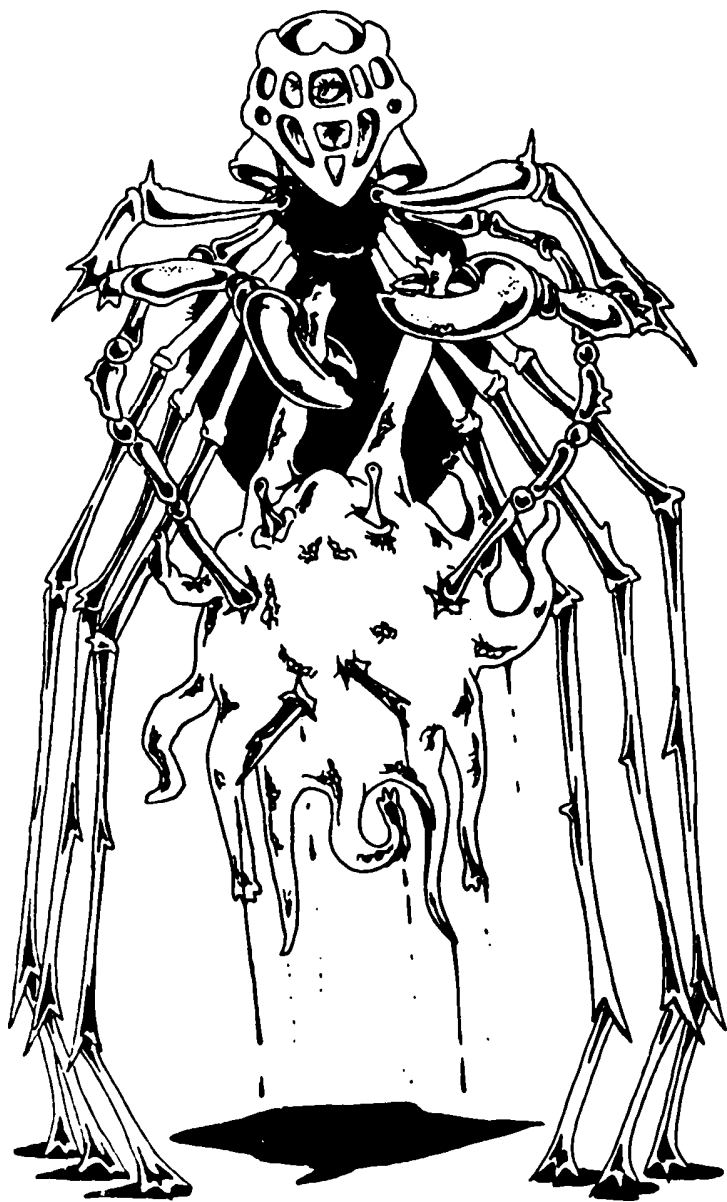
Оглушительный скрежещущий смех заполнил помещение.

- Ну так поживи, поживи еще немного. Помучайся, ридимый! Тебе не так уж и долго осталось – часиков через пять мне пора будет кормить моих очаровательных малюток. А пока поживи!

Когти чуть вышли из тела, давление их ослабло.

- Как ты себя чувствуешь, дружок?

- Прекрасно!

Чудовище еле дышало, ему было больно вздохнуть – все горело, колело, резало внутри, будто там орудовала тысяча безжалостных дьяволят.

- Ты не устал?

- Нет!

- Ну, тогда мы продолжим!

Когти вышли из ран наружу – как заостренные и шипастые гарпуны, они раздирали внутренности при этом движении. Но они вышли!

- Сейчас мы отдохнем минутку и снова начнем, милейший!

Когти уперлись в неповрежденные участки кожи и тела. Вот-вот они должны были вонзиться в него. Чудовище поняло, что оно не выдержит пяти часов! Оно и получаса подобной пытки не выдержит! Но оно молчало. Оно готовилось. Ждало. Напрягая все силы, собирая мужество и волпо, чтобы не застонать, не заорать от лютой боли.

В голове у него стоял туман. Мозги отказывались выполнять свою работу, они оцепенели, они одеревенели и превратились из мыслящего вещества, в вату, в груды мочалок, свитых, переплетенных, мертвых... И все же сквозь этот туман, преодолевая одеревенелость и оцепенелость, пробился слабенький знакомый голосок:

- Ну что это такое! Опять, Биг?! Стоило мне только заиграться с этими простачками-посельчанами, и ты влип в новую историю! Нехорошо, Биг! Это просто непорядочно!

Чудовище молчало. Ему казалось, что это лишь бред, галлюцинация. Ведь никакого чуда быть не могло, его ждала смерть. Смерть и ничего более!

- Ты здорово влип, Биг! Не знаю даже, смогу ли я выпутать тебя из этой истории! – проговорил в мозгу Отшельник. Теперь его телепатический сигнал звучал яснее, отчетливее.

Когти начали сжимать тело. Но они еще не прорвали кожи – та напряглась, вздулась, она вот-вот могла лопнуть в местах нажатия. И тогда новая боль, новая пытка!

- Я не могу тебе помочь! Я не могу тебя освободить! Но я могу собрать воедино все защитные силы твоего могучего организма! Они есть, Биг! Ты веришь мне?!

- Верю, Отшельник! – прошептало Чудовище. – Верю!

Паучиха громово захихикала.

- Да ты никак бредить принялся, милейший! Ну сейчас мы тебя освежим!

Когти надавили чуть сильнее. Вот сейчас, еще немного и из-под них брызнет изумрудная кровь, они вопьются в мясо, в вены, в артерии, в легкие, в нервные узлы...

- Ты непроницаем, Биг! Твоя кожа стала броней, Биг!!! - голос Отшельника звучал уже не только в мозгу. Им была наполнена вся Вселенная. Но это лишь казалось Чудовищу.

Нет такой силы в мире, которая пронзит твою титановую обшивку, Биг! Ты не живое существо, ты стальной монстр! ты бронированный корабль, который выдерживает давление в миллионы атмосфер! Ты не-по-бе-дим, Биг!

Чудовище почувствовало, что когти надавили сильнее, что паучиха жала, сжимала его тело, напрягая все мышцы, что она уже не играла с ним будто кошка с мышкой, что она начинала свирепеть. Но оно чувствовало и другое: игольно-острые концы когтей не могли проткнуть его плотную волдыристую кожу - она превратилась в броню. Когти скрежетали по этой броне, скользили, один обломился с треском... но ни на миллиметр они не проникли внутрь!

- Держись, Биг! Я помогаю тебе! - прозвучал опять голос Отшельника.

- Я держусь! - ответило Чудовище. Оно вновь обрело волю к жизни. Оно хотело драться за свою жизнь. Но оно было бессильно против этого исполинского механизма смерти. И надолго ли могло хватить его защитных сил, надолго ли могло хватить самого Отшельника?! Ведь тот был слаб! Чудовище помнило все очень хорошо - и его высохшее тельце, и огромную распухшую голову, и то, что он был почти недвижим. И все-таки надо было бороться за себя. Надо бороться!

Еще один коготь с хрустом сломался.

- А ты крепкий орешек! - зло проговорила паучиха.

И резким движением головы скинула железную решетчатую маску. Заостренный клюв навис над Чудовищем. Глаза паучихи из холодных, стальных превратились в безумно-дикие, пылающие желтым пламенем, это были глаза убийцы.

Голова откинулась назад, для размаха, клюв сверкнул вороненым тусклым блеском и пошел обратно, набирая скорость, силу, тяжесть для удара...

И в этот миг совершенно неожиданно правый глаз, выпученный, страшный, огромный, взорвался, словно его разнесло

изнутри неведомой силой. Кожу Чудовища забрызгало желтоватой студенистой дрянью. И только тогда раздался звук:

- Тра-та-та-та-та!!!

Чудовище еще ничего не поняло, когда то же самое произошло с левым глазом – его расплескало, разбрызгало в долю секунды. Теперь обе огромные глазницы были пусты, безжизненны. Голова вместе со смертельным своим орудием – острейшим тяжеленным клевом – свесилась набок. Жижка потекла из глазниц на пушистый ковер пола.

И только тогда боковым зрением Чудовище увидало стоящего на коленях Хенка. Он сжимал обеими руками пулемет. И продолжал стрелять по этим пустым, безжизненным глазницам. Он еле держался, его водило из стороны в сторону, лицо было меловым, под глазами синели большие набрякшие круги... Но он стрелял и стрелял. До тех пор, пока магазин пулемета не опустел. Вместе с последней пулей, вырвавшейся из ствола, Хенк выронил пулемет, упал навзничь.

- Осторожно! – пророкотал голос Отшельника.

Чудовище почувствовало, как ослабло давление когтей, ного-лап. Оно выпало из них мешком, шлепнулось на заросший пол. И тут же сверху на него обрушилось огромное серо-желтое брюхо. Лишь врожденная реакция помогла Чудовищу, спасла его – оно увернулось в самый последний миг, лишь три щупальца и одну конечность придавило к полу.

Собрав остатки сил, Чудовище дернулось, вырвалось. И рухнуло рядом, сознание оставило его.

И снова – качалась люлька, пела колыбельную мать, и несли теплые игривые волны... куда несли – неизвестно, лишь покачивало, мягко, приятно, усыпляюще. А потом и это пропало. Навалилась свинцово-черная пустота. Навалилась, прижала, лишила всего.

Когда Чудовище очнулось, над ним стоял Хенк. Он был не таким бледным как раньше, лишь круги под глазами остались.

- Ну что, продрыхся, приятель? – спросил он.

Чудовище не ответило. Оно еще не понимало, где сон, где явь. Голова была пустой и невесомой. Но когда оно перекаатило глаз назад, оглянулось и увидало ужасающие останки исполинской изуродованной паучихи, память вернулась. И все стало на свои места.

- Чего молчишь? – заволновался Хенк.

- Там, наверху, в гнезде, - медленно, вразбивку проговорило Чудовище, - детеныши этой твари! Надо бы их передать!

Хенк задумался.

Чудовище медленно приподнялось, встряхнулось.

- Но это же детеныши... - неуверенно начал Хенк.

- Неважно! - проворчало Чудовище.

Оно уже уцепилось щупальцами за нити-водоросли.

- Нет, Биг, не стоит! Ты потом будешь жалеть!

Чудовище выпустило упруго-мягкую зелень. Расслабилось.

- Хорошо, - проговорило оно, - тогда пошли отсюда скорее! А то и меня навряд ли вас всех начинает тошнить!

- Пошли! - согласился Хенк.

Бубу только за смертью было посылать! Он ушел и как в воду канул. Хреноредьев сидел, поджав деревяшку под жирную задницу, и ныл:

- Ни стыда, ни совести, едрена-матрена. А еще избранник! Не, Хитрец, надо нам промеж себя главного выбирать, а Чокнутого - к едрене фене, в отставку!

Вся маслянисто-жирная, расплывшаяся рожа Хреноредьева была красна от сока ягод, которых он на поляне не оставил ни одной штучки даже на развод... Хреноредьев обожрал все вокруг, не брезгуя молоденькими листочками, гусеницами, жучками, двумя невесть как попавшими на полянку пиявками и мышкой-норушкой, которую он проглотил от алчности целиком, не пережевывая.

- Не-е, с такими чокнутыми избранниками нам не по пути, Хитрец, они нас с тобой угробят, а сами и смоются, едрит их наперекосяк!

Пак лежал в засаде и помалкивал. Он выжидал жертву. И его больше не манило бездонное небо. Он присмотрелся к этой голубой пропасти, привык. И теперь всякий раз, поднимая голову, он видел совсем иное - не лазурь и сияние солнышка - а пепелище, скукожившуюся телогрейку, думы над поселком и бьющуюся в агонии Эду Огрызину.

А потому, когда за кружевом листы показалась двуногая вытянутая фигура, Пак, не раздумывая, нажал на спусковой крюк.

- А-аау!!! - раздался короткий вопль.

И через полминуты на поляну выполз Буба. Он держался рукой за ухо. Из-под ладони сочилась кровь. Хреноредьев шепнул Паку:

- Ты б его дострелил, что ли! Чего етому избраннику мучиться!

Пак треснул Хреноредьева железякой по башке. Хотя надо было бы треснуть за промашку самого себя.

- Ну и как знаешь, едрена! - не обиделся Хреноредьев. - А только я скажу, что он опять все забаламутит! Лучше бы его кокнуть!

Буба выразительно поглядел на Пака, но не стал выяснять отношений - Хитрец все еще сжимал в руках трубку, мог ненароком прострелить и другое ухо.

- Ну и чего ты там разведал? - ехидненько поинтересовался Хреноредьев.

- Военная тайна! - важно промолвил Буба.

Хреноредьев разинул беззубый рот.

Паку тоже не понравился ответ.

- Чего дурака валяешь! - сказал он строго.

Буба внимательно посмотрел на окровавленную ладонь, потом другой рукой потрогал продырявленное ухо, сморщился как гриб-перестарок, сплюнул под ноги.

- Нету там ни хрена! - сказал он беззаботно.

- Ну, я те щя нос отгрызу! - взелся Хреноредьев.

Пак оттолкнул инвалида локтем.

- Как это - ни хрена?

- А вот так, ни хрена, и все!

Инвалид пригорюнился, заплакал, снова уселся на собственную же деревяшку. Он не мог переносить этих бесчисленных оскорблений, этих обыгрываний на все лады его вполне симпатичной и милой фамилии. Но что было делать! Тут даже самый «компанейский мужик» сомлеет.

- Врешь! - лицо Пака скривилось.

- Ей богу, не вру!

- Врет он! - заорал Хреноредьев снизу. - Врет, едрена!

Глаза у Бубы стали совсем безумными.

- Ты, придурок старый, пораскинь остатками своих куриных мозгов, на хрена мне врать?!

Инвалид начал рвать на себе майку под комбинезоном. Его волнение грозило перерасти в истерику. И Пак еще раз дал ему трубкой по башке.

- Чего ты его все время по чану лупишь?! - заорал Буба. - Он и так ни хрена не соображает, а после этого и вовсе охренеет!

Хреноредьев встал. И прищурившись, исподлобья, уставился на Чокнутого.

- По-моему, - сказал он тяжело и весомо, словно преодолевая в себе что-то, - по-моему, Буба предатель и вражеский лазутчик.

Пак оглядел Хреноредьева так, как будто впервые его увидел.

- Не зыркай, Хитрец! Я давненько наблюдал, едрена коцера, за этим недобитком. Точно тебе говорю, враг! Подосланный он!

Чокнутый провел ладонью по лицу и перемазал его сверху донизу собственной кровью, теперь он стал похож на свирепого, но оплешивевшего и окончательно спятившего индейца, который прямо в сию минуту встал на тропу войны.

Но Хреноредьева трудно было взять голыми руками.

- Ну-у, - протянул он, - что я тебе говорил, едрена?! Или ты, Хитрец, чуть потерял? Ты погляди, кто перед тобою стоит?! Это ж контра, едрит его благородие!

- Ты, Хреноредьев, гусеницами обожрался, вот и спятил! - заявил Буба.

Но Пак начинал чувствовать к Чокнутому непонятную, не осознанную еще ненависть. Он поддался инвалидову настроению.

- Руки! - резко выпалил он.

- Чего-о?

- Руки в гору!

- Придурок...

Пак пальнул над самой головой Бубы.

- Руки, падла!

Чокнутый неторопливо задрал над головой свои костлявые грабли. Челюсть у него отвисла.

- Общищи, - приказал Пак Хреноредьеву.

- Это мы в момент! - ответил инвалид и засуетился вокруг Бубы, обшаривая его.

- Точно, придурки!

- Молчать, вражья морда!

Пак не спускал глаз с лазутчика. Он готов был прикончить его при малейшем движении. Да, бдительность и еще раз бди-

тельность! И как он забыл об этом! Прав Хреноредьев, проморгали врага и шпиона, но не беда – вперед наука!

– Нету ничего! – доложил инвалид, закончив кропотливое дело. – Видать, припрятал, гад!

– Ну чего я припрятал? – возмутился Буба.

– Чего надо, то и припрятал! – пояснил Хреноредьев тоном, не терпящим возражений, – У-у, контра недорезанная!

Глаза у Бубы бегали как у воришки, пойманного на месте преступления. Но он ничегошеньки толком не понимал.

– К дереву! – скомандовал Пак.

Хреноредьев толкнул Бубу кулаком в грудь.

Пришлось тому подчиниться. Он встал спиной к дереву, прислонился к шершавой коре.

– Так, значит, там нету ничего? – повторил вопрос Пак.

Буба покосился на Хреноредьева и дипломатично ответил:

– Абсолютно ничего.

Хреноредьев меленько засмеялся – противно, разливчато.

– Что и требовалось доказать, едрена-матрена! Враг! Скрывает что-то!

Потом будешь разговоры разговаривать, – разозлился Пак. – А сейчас снимай с него ремень и руки вяжи!

Хреноредьев исполнил требуемое моментально. Теперь Буба стоял истуканом, со связанными за деревом кистями рук. Он так и не врубился в ситуацию, так и не осмыслил происходящего – и чего эти придурки, недоумки, дерьмом набитые, обалдуи, собираются вытворять?! Может, они его разыгрывают? А может, чокнулись здесь, пока он по округе шастал?! Все для Бубы было странным.

– Придется пытаться! – зловеще проговорил Хреноредьев, скрипя деревяшками-протезами. – Тогда, едрена, как миленький сознается!

Для начала он ткнул Бубу кулаком в живот.

– О-ойей!!! – выкрикнул тот. И дал Хреноредьеву такого пинка своим длинным мосластым костылем, что бдительный инвалид отлетел на середину поляны.

Пак чуть не нажал на спуск. Клешни у него дрогнули, совсем малого усилия не хватило для того, чтоб железяка выплюнула из себя малюсенький кусочек свинца и чтоб тот продырявил Чокнутого насквозь.

– Отвяжи-и! – потребовал Буба.

– Вот сознаешься, тогда и отвяжем, – мрачно сказал Пак.

– В че-е-ем?!

- В чем надо!

Хреноредьев приковывлял к дереву. Но подойти вплотную к привязанному не решился.

- Как же мы эту контру попытать будем? - спросил он в замешательстве, почесывая набитый Паковой железякой затылок. - Вот незадача, едрена!

- Я тебя, придурок, сам запытаю! - процедил Буба.

- Разговорчики! - встрял Пак.

И немного помолчав, добавил с изрядной долей нерешительности:

- Может, он того - и в самом деле невиновен, а?!

- Невиновен я! - бодро заорал Буба. - Пак, мальщ, Хитрец ты мой разуменький, ты вспомни, кто всех призывал покаяться, а?! Кто народ спасал от беды?! Ну неужто бы враг и лазутчик стал бы таким делом заниматься?! Ну, подумай же?!

- К покаянию он точно, призывал, - согласился Хреноредьев. - Но для надежности, едрена вероятность, его все же следует уконтропупить! Я так рассуждаю, Пак, в природе и сообществе гражданском от етого дохляка ничего не убудет, точно ведь?! А порядку и благонадежности прибавится, едрена! Тах что, для надежности надо, Пак! Мы не имеем прав быть добренькими!

- А на коленях грехи отмаливать кто звал, а?! - не сдавался Буба. - Кто вас к спасению звал, кто на себя первый удар принимал?!

- Кто, кто! Не ты, Чокнутый! А наш доблестный обходчик, передовик папаша Пуго принял на себя и первый, и последующие удары судьбы, так-то, едреный ты возвращенец!

- Может, и впрямь его шлепнуть? - засомневался Пак. - Верно инвалид говорит, не убудет!

Кругом порхали какие-то небесные пташки, пели, чирикали. Одна капнула Бубе на плешь. И он плаксиво сморщился. Подступающий к нему с корявой дубиной в руках Хреноредьев укрепил в мыслях.

Буба созрел.

- Все! Сознаюсь! - торжественно произнес он. - Но прошу учесть, сознаюсь сам, добровольно, без давления и физического воздействия. Да, дорогие поселчане и сотоварищи, я матерый враг, двурушник, лазутчик, предатель, провокатор, шпион и диверсант!

Хреноредьев вместе со своей дубинкой шлепнулся на мясистую задницу.

- Едре-ена простота! А мы ж ему, гаду, во всем верили! Мы ж его дважды на ответственные посты избирали! А он?!

У Пака в голове помутилось. Все перемешалось в его мозгу - и покаяния массовые, и клятвы, и мольбы, и признания Бубы, и треск горящей трибуны, и упорхнувшие в неизвестном направлении голуби мира, и предупреждения карлика-мудреца - все!

- Ежели вы сей минут не заткнетесь, - сказал он, наливаясь злобой, - я вас обоих к едрене фене! Укокошу, гадом буду!

Хреноредьев погрозил ему обрубок пальца.

- Не-е, Хитрец, тут железные нервы нужны! Иначе он нас заново обдурит! И сдаст врагам тепленькими!

- Прошу предать меня всенародному презрению, покарать сурово и на первый раз простить, - предложил Чокнутый.

- Больно мудроно загнул, - сказал инвалид.

Пак его остановил, сунул железяку под нос, чтоб не возникло. Задумался. Думал он минут шесть с половиной, потом молвил:

- Не-е, Хреноредьев, в словах этого врага есть доля правды. Первым делом мы его предадим...

- Как его?! - привстал Хреноредьев.

- ...презрению предадим! - пояснил Пак. - Ты его презираешь?

- Презираю, едрена вошь! - твердо произнес Хреноредьев.

- Как шпиона, врага, лазутчика, диверсанта и оскорбителя честных людей презираю Бубу Чокнутого до глубины своей бездонной души. Все!

- И я его презираю! - сказал Пак. - Значит, с первым делом мы совладали, презрению его предали, верно?

- Верно, - вздохнув, согласился Хреноредьев.

- Конечно, верно, - подытожил сам Буба.

- Теперь нам остается что?

- Что? - переспросил туповатый инвалид.

- Покарать! А потом простить! - разъяснил умный Пак.

- И это дело!

- Только быстрее давайте! - Бубу охватило нетерпение.

- Ладно, щя мы тебя покараем, - Пак почесал голый лоб, поглядел по сторонам. - Ну, Хреноредьев, чего встал? Давай карай!

Хреноредьев понял все так, как, наверное, и следовало понять. Он поднял свою огромную дубину. Размахнулся. И ударил стоящего у дерева Бубу Чокнутого прямо по макушке. Тот

лишился чувств, голова его свесилась на грудь, ноги подогнулись.

- Покарали, - произнес Хреноредьев важно, с чувством выполненного долга.

- Покарали, - как-то смущенно согласился с ним Пак.

Они посмотрели друг на друга.

- Ну, а когда прощать-то станем, едрена-матрена? - задался вопросом Хреноредьев.

Пак снова почесал лоб.

- Погодим немного, - сказал он, все взвесив и разложив по полочкам, - вот прочухается, тогда и поглядим, прощать его или нет.

- Разумное решение, едрит мя по башке! - заключил Хреноредьев. Он был уверен, что Буба не очухается никогда. А если и очухается, так уж точно чокнутым!

- И все же мы с тобой, хрен старый, поспешили! - сорвался вдруг Пак. - Такого общественника обидели. Ну и что, что он враг и лазутчик, старая ты хреноредина, зато душа-то какая была?!

Хреноредьев выпучил рачьи глаза, я набросился на Пака с кулаками. Но не успел первый удар обрушиться на выпуклую Пакову грудь, как Хреноредьев вдруг замер, позеленел, схватился за сердце. И шмякнулся как подкошенный на траву.

- Ты чего? - заволновался Пак.

- Помираю, - синюшными губами простонал Хреноредьев, - От незаслуженных обид и оскорблений помираю, едрена...

Пак видел, что трехногий инвалид не шутит, что дела его плохи. Но ему до того надоела вся эта бестолковая возня и суета, из которой складывалась его непутевая жизнь, что он вместо того, чтоб оказать хоть какую-то помощь, отвернулся, плюнул под ноги. И пошел резким, все убыстряющимся шагом к той самой далекой лужайке, на которой резвились туристы - мужчины, женщины, дети. На ходу он встряхнул железяку, выставил ее стволом вперед. Бить! Всех подряд бить! Убивать! Одного за другим! Без жалости и пощады! Как мокриц поганных! Как слизней!

- Приидут праведные-е! - послышалось из-за спины. Это прочухался Буба Чокнутый. - И настанет судный день и час! И возопят грешники-и! И содрогнутся их души, ибо откроется их взорам геенна огненная, и встанет над ними страж небесный с мечом в руках! И ниспошлетя на всех, едрена-матрена, кара!

Пак не оборачивался. Он знал, что будет делать. И ему было наплевать на всяких там Чокнутых и на их проповеди. Хватит! Наслушался! Вот когда этот мир заволокет точно такой же пеленой, когда потянутся дымы от земли к небу и от горизонта к горизонту, закрывая все, когда ничего, кроме труб и краников, не останется в этом мире, а всех успокоившихся будут в нем отволакивать к отстойнику, когда придут и сюда охотники, чтобы охотиться за беззащитными жертвами, тогда и он отбросит ненужную железяку, вздохнет спокойно, встанет на колени и будет каяться хоть до конца света, будет разбивать лоб о грунт, глину, полы, паркет, мостовые, днища труб... А пока... Пока он будет сам карать. И не найдет такой силы, чтобы остановила его. Нет ее в этом мире – ни по одну сторону барьера, ни по другую!

Он вскинул железяку к плечу, поймал в прицел крохотную девочку, подождал, когда ее головка замрет хоть на миг, дождался и нажал на спуск.

– Ну все, хорош! – произнес усталый голос совсем рядом, будто из-за плеча. – Пошалили немного, поиграли, и хватит!

Пак на мгновение ощутил невесомость. Ему показалось, что он падает в это бездонное небо, что он тонет в его пучинах. Пак даже закрыл глаза, зажмурился, что было мочи, сжался в комок, съежился. Но трубки он не выпустил.

– Всех призываю я к покаянию! В последний раз, едрена-матрена, ибо грядет расплата! – провозгласил кто-то Бубиным голосом.

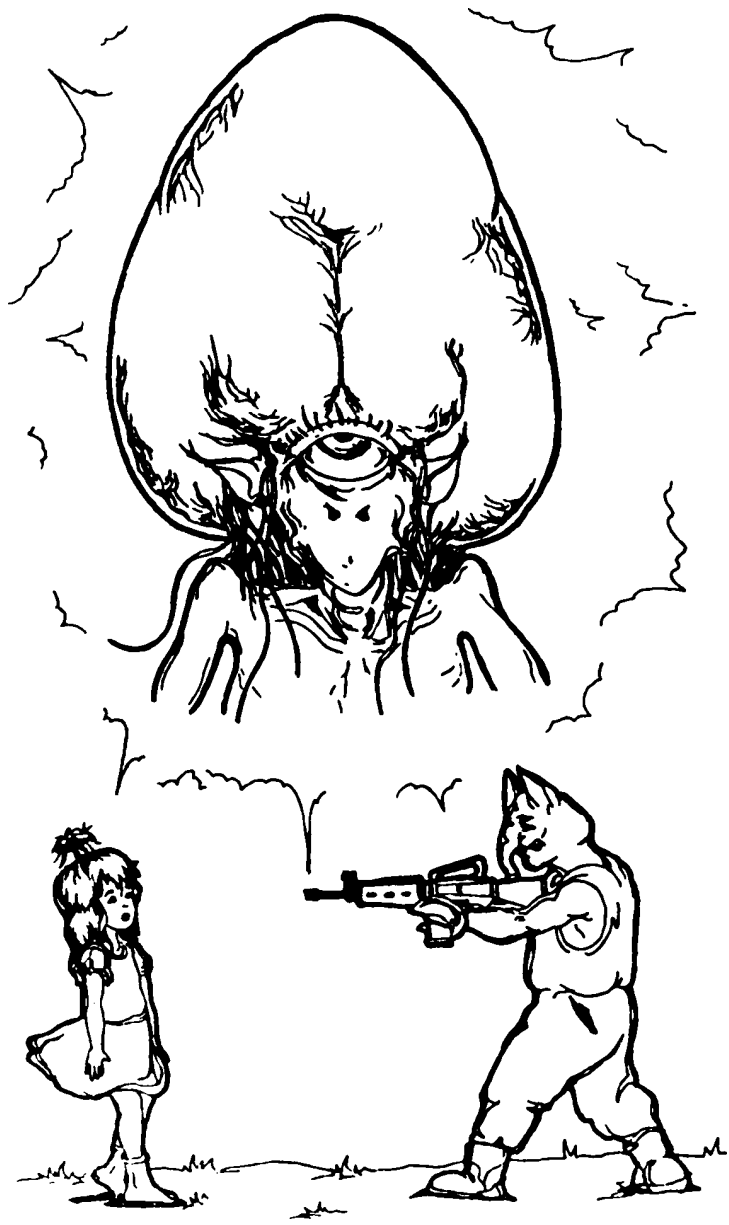
Пак открыл глаза. Прямо посреди каменного пола стоял на коленях Чокнутый. Он вздымал руки к потолку и вопил без умолку. Похоже было, что он все-таки спятил – и на этот раз окончательно

Хреноредьев, живой и здоровый, сидел рядышком, с недоумением вертел головой, он был румян и весел.

После ослепительного, чистого, ясного, прозрачного мира казалось, что в пещере стоит мрак. Да, это была пещера карлика-отшельника. И все стены ее были каменными, непроницаемыми.

Сам Отшельник сидел на своем грубосколоченном столе и смотрел вверх голов. Вид у него был отрешенный. Но когда он начал говорить, Бубин надрывный глас сразу куда-то запропастился, исчез.

– И с этим вы собрались идти в мир? – спросил Отшельник.

Ответа он не дождался. Да и что ему можно было ответить.

- Сла-авненькие ребятки, сла-вненькие!

- А с чем они пришли к нам?! – сурово спросил Пак. И добавил, совсем зло добавил: – Может, ты за их воспитание возьмешься?!

Глаз Отшельника подернулся пеленой.

- Я вижу, вы созрели, – сказал тихо. – Ну что же, пора!

- И-ех, обдурил нас! А. мы-то и поверили, едрена простота! – пожаловался Хреноредьев.

- Это была маленькая проверочка. И вы ее не выдержали! Ни по каким статьям не выдержали! – сказал Отшельник. – Но это ровным счетом ничего не значит. Я вам не судья! Это вон Буба ваш все о судьях-то толкует, а я не берусь судить. Не мной этот мир создан, не мне и менять его. Так что, Хитрец, не собираюсь я вас воспитывать, была нужда! Хотел помочь, да вот не получается! Что же делать-то, как быть?! И здесь я призадумался, чего это я за вас-то решаю, как, мол, быть, то да се, третье да десятое... А катитесь-ка вы отсюда без всякой моей помощи!

Пак взглянул на него исподлобья.

- Как же мы без помощи твоей сквозь стену пройдем?

- Не надо сквозь! Я вам ходы покажу – и гуляйте! А хотите, так назад возвращайтесь, воля ваша!

- На все воля всевышнего, – поправил его Буба и выкатил налитой безумный глаз.

- И ты, дружок, не притворяйся! Не такой уж ты и чокнутый!

Отшельник подтянул ко рту-кловнику трубочку, присосался. Банка пустела, далеко не первая банка. В огромной голове бурлило, переливалось что-то, какие-то вихревые потоки гуляли в глубинах полупрозрачного непостижимого мозга. И колыхалось еле заметное розовое сияние вокруг головы. Дышал Отшельник тяжело, с присвистом. Наконец оторвался.

- Как же мы дорогу-то найдем? И где выход? – спросил Пак.

- Был бы вход, Хитрец, – промолвил Отшельник, – а выход всегда отыщется.

Хенк бодрился, старался держать спину прямой. Но все это было напускным. Его шатало из стороны в сторону.

- Может, и впрямь тебя запереть в бункер, а? – предложил Чудовище. – Посидишь, отдохнешь немного? Жратвы и поила я тебе приволоку...

- Сам полезай в бункер! - ответил Хенк.

Чудовище вздохнуло - тяжело, с присвистом и прихлопом, с надрывом каким-то, так, что туриста обдало едким паром.

- Мне впору хоть на нижние ярусы спускаться, - пробурчало оно, - сам думай, Хенк, поселок они все равно пожгли, - людишек побили. Неужто ты считаешь, вот выползу я наверх, сдамся, и все путем пойдет?

Турист присел на корточки, привалился спиной к ржавой стене. На лбу у него выступила испарина, лицо было бледным, изможденным.

- Ни черта я не считаю, Биг! Я тебе уже говорил, они тебя из-под земли выгатают. Чего ты ко мне привязался, у меня советов нет, понял?!

Губы Хенка внезапно обмякли, глаза прикрылись, голова свесилась набок. И сам он сполз по стене на пол, скрючился в нелепой позе. Он был в обмороке.

- Ну и ладно! - сказала Чудовище вслух. - Чего будет, то и будет!

Оно подхватило туриста гибким сильным щупальцем, прижало его вместе с пулеметом к своему влажному волдыристу боку. И поползло наверх.

Перебитые конечности постепенно восстанавливались. Чудовище чувствовало, как они оживают, как уходит прочь оцепенение. Организм его обладал способностью к регенерации, но, скорее всего, помогал Отшельник. Иначе бы ушло не меньше недели, прежде чем щупальца стали прежними - мощными, хватистыми. И все же еще никогда в жизни Чудовище не чувствовало себя настолько измотанным, измученным, выжатым - и немудрено, после той трепки, что задала ему гигантская паучиха, после того безумного футбольного матча, в котором ему было суждено стать мячом, после кинжально-острых тисков, после невероятного напряжения всех сил.

- Ничего, Хенк, - проговорило Чудовище, проговорило опять вслух. - Сейчас мы передохнем! Мы заслужили маленькое право на маленький отдых.

Оскальзываясь и ударяясь боками о проржавевшие перильца, оно поднялось выше, почти к самой поверхности. Там была тихая бронированная комнатуха, в которой в былые стародавние времена жил смотритель. Туда-то и забралось Чу-

довище. Уложило туриста-приятеля на ворох полустгнившего тряпья. Осмотрелось.

Не сразу до него дошло, что в здесь может быть такое. Но было! В углу комнатухи стояло запыленное донельзя зеркало в витой деревянной, изъеденной червями раме. Было оно почти в рост человека. И потому Чудовищу пришлось пригнуться.

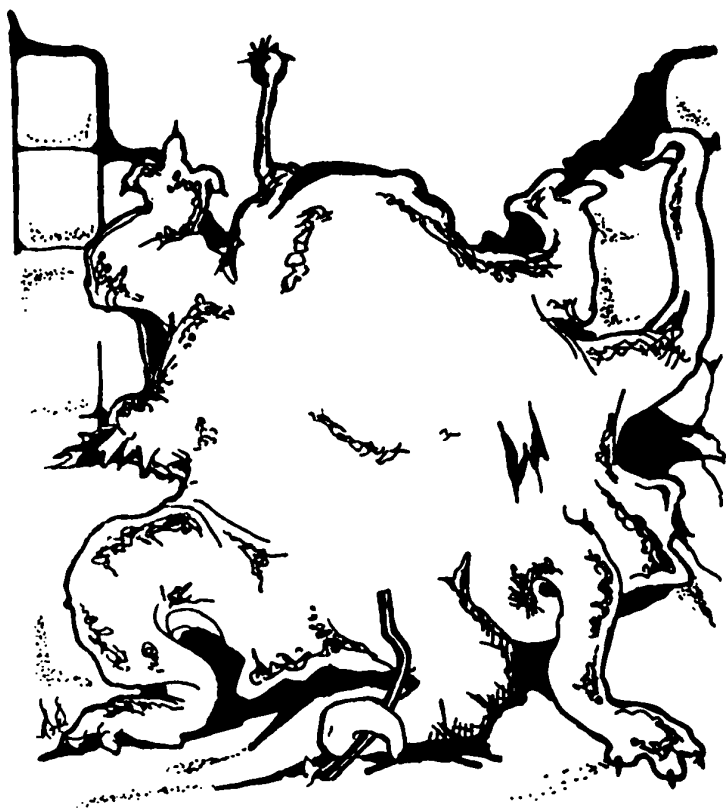
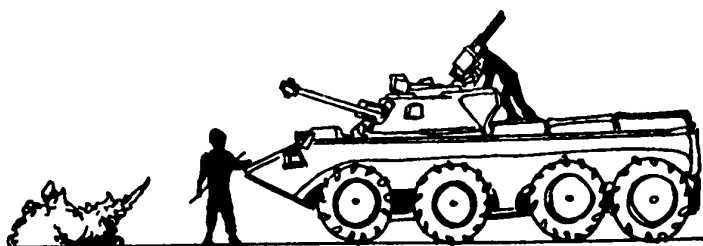
Оно выхватило из груды тряпок первую попавшуюся, смахнуло пыль с поверхности зеркала, потом протерло тщательнее.

Тряпка выпала из щупальца.

Это было свыше данных Богом и Природой сил – смотреть на подобное. Сегодня перекошенная и измятая, полуизуродованная морда выглядела особенно страшно и особенно мерзко. Волдыри и бородавки перемежались кровоточащими язвами, казалось, из каждой поры слизистой кожи сочилась гнояная зелень. Местами она запеклась, подернулась корочкой, залубенела – но и короста была изрезана сетью мелких трещинок. У носовых отверстий кожа свисала рваной, грубо наструганной лапшой, что-то черное, водянистое булькало и переливалось внутри, полипы шевелились будто живые существа, обладающие собственной волей. Ряды жвал судорожно подергивались, цеплялись друг за друга, путались, накладывались один на другой, усики бледно-розовых рецепторов трепыхались, полуисчезая в пузырящейся желтой пене. Два острых клыка обнажились, свисали ниже заросшего седой щетиной подбородка – распухший зев не принимал их, отвергал, высовывал наружу. Глаза прорвались сквозь кожу сразу в четырех местах, глядели бессмысленно, зло, устало. Они были не просто водянисто-желтыми с красными прожилками, как обычно, а налитыми, чуть не лопающимися от внутреннего давления. Нижний левый глаз был полузалеплен сиреневым подрагивающим бельмом... Нет, сегодня Чудовище не нравилось себе в сто крат сильнее, чем обычно.

Удар был мощным и безжалостным. Зеркало сразу же разлетелось вдребезги. Лишь стояла, чуть покачиваясь, витая, искусно вырезанная рама.

С диким сладострастием топтало Чудовище осколки, превращая их в почти что в пыль. Получайте! Так вам! Всем!!! И вам, безмозглые поселчане, вышвырнувшие собрата из поселка! И вам, охотнички, каратели! Всем!!! Сколько вас во всем мире, и здесь, в Подкуполье, и там, в Забарьерье?! Не больше,

чем этих мельчайших сверкающих пылинок под ороговевшими ступнями! Так получайте! Это вам! Вам!! Вам!!!

Не удержавшись, Чудовище взревело, мотнуло головой – брызги желтой пены разлетелись по обросшим паутиной стенам.

Хенк приподнял голову:

– Что там! – проговорил он, морщась, словно от сильнейшей головной боли. – Что там?! Обстрел, что ли! Война! Пожар?!

Чудовище отвернулось от него. Не вымолвило ни словечка.

– У тебя, приятель, с мозгами не все в порядке, – протянул Хенк на одной ноте. И снова отключился.

Ладно, пускай он думает, что хочет, пускай они все думают, что хотят! Чудовищем вдруг завладело безразличие. Они такие, а я такой! Наплевать на все и на всех! Пускай громят, жгут, уничтожают... пускай вырезают всех, кто им не нравится, мне-то что, наплевать сто раз! Надо быть мудрым! Надо быть таким, как Отшельник. Надо забраться в свою пещеру, в свою берлогу, обставить себя банками и бутылками с пойлом... нет, сначала надо скопировать у него агрегат! А потом – банки, бутылки, пойло – с утра до вечера и с вечера до утра! И книги! Пока глаза глядят, книги! Жить только той жизнью, нереальной, придуманной, и представлять себя таким, точно таким, как на этих полуистлевших страничках, на изъеденных временем картинках! И все будет отличненько! Все будет нормальненько! Все будет, как говорят там у них, о'кей! Можно год или два протянуть так. А потом? Потом глаза, залитые пойлом, перестанут различать буквы, мозг перестанет впитывать эту самую нереальную жизнь со страничек, усеянных мелкими черными значками... но тогда уже будет все равно! Тогда мозг сам будет выдавать такие картины, что только держись... А потом, еще позже, во время очередного наваждения, этот пропитанный пойлом мозг, это сплетение черт знает чего, отключится, угаснет! И будет очень хорошо, наступит благодать, придет нирвана! И все!!! И не надо будет перерезать себе горло осколком, не надо будет перерывать глотку стекляшкой с рваными зазубренными краями! Все произойдет само собой. Это ведь будет к лучшему? Ведь так?! Чудовище склонилось над Хенком, полуприкрыло глаза, ряды жвал сомкнулись – плотно, с хрустом и лязгом. Да! Так лучше. Но потом, не сейчас. Мозг Чудовища напряженно работал. Сейчас нельзя! Я уйду в пе-

щеру, берлогу, зальюсь пойлом... Ничего изменить уже невозможно, земля эта обречена, она была обречена много-много лет назад. Сколько еще пройдет времени, прежде чем вымрут оставшиеся? Десять лет, сорок, сто?! А если их всех под корень?! Как там, наверху! Тогда конец, тогда все... нет, тогда уже – ничего! Только берлога, только зелье! А наверху – никого! Пустота! тьма! смог! грязь! роботы! киберы! автоматы! агрегаты! трубы! трубы!! трубы!!! И – никого, ни одной живой души! Некому будет вспомнить, что жил большой народ, что была страна, даже несколько стран с разными народами, что текли реки, что шумели леса, что радовались жизни люди, звери, травинки... А чего еще ждать?! Иного не дано! Было когда-то все! Скоро перебьют последних выродков... А там, за барьером, будут учить детей, что не было ничего, что история их народов прекрасна и удивительна, что все создано умом и трудом поколений, живущих за барьером... Ну и пускай, пускай, это их дело! Наплевать! Может, и лучше, что они не будут знать всей этой мерзости и подлости, дряни и гнили, что они войдут в мир без ожесточения и злобы, чистыми и добрыми! Ладно! Все, хватит! Надо лезть туда, за жратвой, питьем. Это главное! Остальное никуда не денется.

И оно направилось к выходу. Перевалилось через край люка. Плотно затворило крышку, перекрыло ее внешней задвижкой – пусть турист посидит немного взаперти, ничего с ним не случится, только целее будет да и сил немного наберется, через часик у них будет все, что надо. А сейчас – наверх!

И оно полезло к выходу на поверхность – ступеньки, сваренные арматурины, прогибались под тяжестью его тела, ржавчина пылью осypалась вниз, в пропасть, глубины которой никто не измерял.

– Цыц, падлы! Я точно знаю, еще чуток! – проорал Гурыня.

Он пресекал уже не первую попытку бунта в своем броневичке. Хотя как такового «бунта» и не было, он существовал лишь в Гурынином мозгу, в его плоской и маленькой головке. Какой там бунт! Парни из его ватаги просто устали от бесконечной тряски, от тошноты, от тесноты. И потому немного ворчали. Гурыня разрешил еще остановку. И она была удачной. Наловили с два десятка крысосусликов, набили утробы – настроение поднялось. Теперь парни до боли в кистях – у кого они были – сжимали оружие. Теперь они точно знали, что зададут кое-кому шороха! Но продолжали ворчать, бурчать, по-

пискивать, делая это с простой целью – авось, Гурыня выложит-таки свой план!

Но Гурыней двигало одно – вперед! во что бы то ни стало, вперед!

Даже когда их броневик слишком круто взлетел на боковину внутренней полости трубы, и их перевернуло дважды, и они чуть не перекалечились, ударяясь о переборки, даже после этого очередного испытания решимость не оставила Гурыню.

– Шеф, пора бы и на привал, – робко пискнул из-за плеча Бага Скорпион. Ему при каждом толчке било окулярами прямо в лоб, и потому он терпел, терпел до последнего, да и не вытерпел.

– Ага! – поддакнул Лопухий Люк.

– Цыц!

В машине воцарилась гробовая тишина.

– Только вперед, падлы! Только вперед!!!

Хреноредьев скептически поглядел на Отшельника и сказал, потирая себе обрубком пальца горло:

– Ага-а, хитрый больно! Нет уж, едрена канитель, восвояси мы не пойдем, не стражай! Ты мужик башковитый! – Хреноредьев постучал себя по голове, округлил глаза: – Я б стока поила выхлебал бы за свою трудовую жизнь, я б не глупей был, едрена, у мене тоже мозгов в башке целая куча, один за другой заплетаются, на трех Чокнутых Буб хватит! Только я тебе скажу одно, показывай свой ход в светлую жизнь, в Забарьерье, едрена тарабарщина, не вымолвишь!

Отшельник поглядел на Бубу:

– Ну да! – промычал тот неопределенно.

Пак сказал прямо:

– Показывай – не показывай, я пойду туда!

Отшельник спрыгнул со стола, чуть не ударившись огромной головой об пол. Еле устоял на хиленьких, детских ножках. Побрел до ниши в каменной стене пещеры-берлоги, долго не мог взобраться на деревянный подмостик. Но залез, уселся. Свечение вокруг его полупрозрачной головы угасло.

– Ну и валите отсюда! – проговорил он совсем старческим бессильным тенорком. – Валите, воздух чище будет! Я вам покажу скоростную ветку, сядете там в кабинку – и тю-тю! Только, ребята, ежели вас за барьером пришьют, чур не обижаться, лады?

– Лады?! – переспросил на свой манер Буба.

- Договорились! – заявил Пак.

- Ты не тяни! – подал голос Хреноредьев. – Опять обдурит!

Что-то хрустнуло в голове у карлика-мудреца, зашипело – протяжно и нудно. Сам он подался вперед, уперев ручки-бляночки в колени. И одновременно из стены пещеры выдвинулся валуи, открывая проход.

- Ну, пока! – сказал Отшельник, – Топайте, други! Там сами все увидите!

Все оказалось именно так, как и говорил карлик-мудрец: подземная ветка, кабинки, тьма, посвист, потряхивания, подрагивания. Пак пучил глаза, пытался осмыслить происходящее и не мог этого сделать.

Они ничего не трогали, ничем не управляли... Но их несло куда-то. Куда? А кто это знал! Может, карлик совсем не тот, за кого пытался себя выдавать?! Может, он их на верную гибель отправил?! Но было поздно, они сами решили свою судьбу. Да и возвращаться на пепелище не хотелось.

- И-ех, едрены труболазы!

Что-то ждет вас впереди!!

Снаряд пронесся над самой головой. Волною воздуха обдало плечи и горб. Чудовище даже не поняло вначале, что случилось. Но инстинкт самосохранения сработал, оно успело увернуться, нечеловеческая реакция выручила. Первым желанием было броситься вниз, туда, в темноту труб, затаиться, спрятаться. Но в мозгу голосом Отшельника прозвучало: «Спокойно, Биг, спокойно, не суетись, не дергайся, раз уж ты попался, значит, попался!»

И точно! Снизу ударила очередь. Видно, где-то на промежуточных площадках среди сварных конструкций и неведомых нелепых сооружений затаились туристы – засада.

Одна из пуль попала в незатянувшуюся рану. Ту самую, что осталась от когтя паучихи. Болью пронизало все тело. Но Чудовище знало – это не смертельно, это всего лишь боль, обычная, досадная, но боль, которую можно перетерпеть. И оно уже собралось прыгнуть на нижнюю площадку, чтобы разделаться со стрелявшими. Но вдруг почувствовало, что начинает задыхаться, что горло и легкие заполняет жгучая горечь. Глаза защипало, из них покатались слезы, застилая все, весь белый свет и всю тьму подземелья. Но остановить их было нельзя, они лились и лились, затекали в носовые отверстия, падали на подбородок и грудь... Приступы кашля овладели

огромным телом, сотрясли его, ослабили. Снизу поднимались ядовито-желтые клубы дыма. И этот дым был не следствием случайного пожара. Нет! Они вытравливали его наружу, как вытравливают дымом хорька из норы. Они все рассчитали, значит, они следили, значит, они знали! Прав был Хенк! Все дороги к отступлению отрезаны!

– Тра-та-та-та-та-та!!!

Теперь уже несколько очередей слились в единую канонаду, вонзились десятками кусочков свинца в кожу. Да, пора!

Одним махом Чудовище выпрыгнуло наружу. Тут же упало на спину, волчком перевернулось несколько раз вокруг собственной оси, оставляя на земле сырой след от сочащейся из кожи зелени. Второй снаряд разорвался в двух метрах – осколками пронзило уродливый кривой горб. Но важных жизненных центров не задело. И это было сейчас главным. Что там будет впереди Чудовище не знало, да и не заглядывало оно далеко вперед. Ему нужно было сейчас выжить, уцелеть.

Сначала оно метнулось к развалинам зданий, под их укрытие. Но потом поняло, что укрытия эти хороши от пуль, но не от снарядов – засыпет так, что не выберешься из-под обломков! И оно припало к земле, огляделось. Метрах в шести, во немного левее, чернело что-то похожее на дыру, овраг или яму. А может, это был вход в подвал. Чудовище не стало выяснять, оно осторожно, вжимаясь в перемешанные глину, щебень, песок, поползло в сторону укрытия.

На этот раз разорвалось сразу два снаряда – один справа, другой позади. Осколки пронизали нижнюю конечность, плечо. Одним, особо крупным, оторвало наполовину левое среднее щупальце – оно извивающейся змеей взмыло в воздух, на какой-то миг застыло почти над самой головой, потом шлепнулось вниз безжизненным обрубок. Чудовище отвернулось. Но оно ползло вперед. Тихо, осторожно, распластываясь, казалось, до невозможности, но ползло.

Следующая партия снарядов взметнула вверх столбы щебня и пыли, когда Чудовище уже сидело в полуподвальной заросшей мхом дыре и задумчиво рассматривало культю щупальца. Кровь удалось остановить сразу, культя на глазах покрывлась твердящей, подсыхающей коркой. От огромного психического усилия Чудовище чуть не потеряло сознания, но приходилось идти на такие вещи, ведь если бы кровь хлестала струей, как сразу после ранения, оно истекло бы ею в первые же минуты, тогда конец. Отрастет щупальце не раньше, чем

через две недели. Но и это было не столь важно. Сейчас надо было разобраться – кто нападает, откуда, какие силы у противника и где можно отыскать место для прорыва. Рассчитывать на пощаду и снисхождение не приходилось.

Чуть передохнув, Чудовище высунуло голову наружу. Снова просвистел над нею снаряд. Вдобавок воздух разодрало пулеметными очередями.

Тогда Чудовище решило сделать проще. Оно приподняло голову на уровень поверхности, не высовываясь, и вытянуло на гибком длинном стебельке один глаз – получилось что-то наподобие перископа. Видно было очень плохо, во все же кое-что удалось рассмотреть. В трехстах метрах от развалин стояли семь больших бронированных колесных машин. Колеса они имели почти шарообразные, неимоверно толстые, с выпуклым резным протектором – по восемь колес на каждую. И все же машины были довольно-таки приземистыми. Плоские башенки, из которых торчали стволы орудий и пулеметов, почтя не возвышались над броней.

Но это было не все. С другой стороны, к тому же гораздо ближе, метрах в полутораста, среди чахлах желтых кустиков стояли еще четыре точно таких же машины, возле которых в открытую, ничего не страшась, прогуливались семь или восемь туристов в скафандрах, с трубками в руках.

Но самое страшное было то, что в небе, навоя «гончих» на жертву, зависли две тарактелки.

Чудовище глубоко и прерывисто задыхало, выгоняя остатки ядовитого газа из легких. Слезы почти не текли из глаз, правда, их еще пощипывало, покалывало, особенно тот, что был вытянут перископом вверх. Но что же делать, приходилось терпеть.

– Держись, малыш! – еле слышно прозвучало в мозгу. – Держись сам! Мне что-то совсем плохо, вот-вот загнусь, не успеваю даже следить за тобой и этими охотничками... Но ты ничего не бойся. Рассчитывай, Биг, на себя. Ну, а будет сложный момент, может, смогу собраться, может... если не окочуюсь до того. Совсем плох стал, малыш.

– Ты сам держись! – ответило вслух Чудовище. – Еще не хватало, чтоб ты, Отшельник, из-за меня загнулся! Нет уж, не надо, мне все равно подышать, обложили.

– Ну-у, как знаешь, – прозвучало будто из бесконечного туннеля, еле слышно, глуховато-призрачно.

– Ничего, мы еще поглядим! – сказала опять вслух Чудовище. И было непонятно, к кому оно обращается.

Летающая тарихтелка, одна из двух, сорвалась с места, стала прямо на подвал заходить, но высоты пока не снижала. Заурчали моторы броневиков. Пешие туристы взобрались на броню, размахивали трубками. Трое из них постоянно водили отверстиями каких-то штуковин, лежавших у них на плечах, должно быть хотели запечатлеть всю облаву на память. Чудовище знало, как это делается, но оно не знало ни техники съемки, ни даже того, как назывались эти штуковины. И сейчас им не владело любопытство. Надо было что-то срочно предпринимать.

Но мозг успел отметить – вот же гнусные создания! им мало просто убить, растерзать, им надо еще и заснять все это, чтобы потом любоваться, чтобы смаковать! чтобы показывать детям и женам – вот, дескать, какие мы герои! вот с какой жуткой тварью совладали! гордитесь нами! любите нас! таких героев поискать! ай да мы!!! Внутри что-то перевернулось от омерзения. Но эта перемена не расслабила, наоборот, она придала сил.

Броневики приближались – эдак неторопливо, надменно, как будто были не железными банками, набитыми всякой дрянью, а живыми существами. Стволы орудий, будто горделивые носы, были задраны вверх.

Тарихтелка и вовсе обнаглела. Она висела над самой головой Чудовища, в каких-нибудь пятнадцати метрах. И оттуда, сверху тоже снимали, тоже водили этой дурацкой штуковиной – видно, туристам хотелось запечатлеть картину во всех ракурсах. Все это было и подло, и погано. У Чудовища начинали пропадать остатки жалости к стройным двуногим существам. Пускай Отшельник сам будет гуманистом, пускай он распускает иони... только не у себя в берлоге, а здесь! Вот тогда и поглядим, кто человеколюбец, а кто и не совсем!

И опять два снаряда пронесли над подвальным укрытием, врезались в кирпичную стену, развалили ее в долю секунды, подняв клубы пыли в воздух.

Ждать, пока вся эта «свора гончих» приблизится, возьмет его в кольцо, Чудовище не хотело. Но у него не было ничего с собой, абсолютно ничего! Пулемет остался в клетушке смотрителя, он, видно, и сейчас валяется в ногах у Хенка. Вытащить из карманов приятеля-туриста парочку гранат Чудовище не догадалось. Да и как оно могло догадаться... Нет, нечего оправ-

дываться! Злость накатила волной. Но не погасила рассудка, не лишила способности трезво оценивать ситуацию. Пора!

Одновременно тремя щупальцами Чудовище ухватило три булыжника, припасенные кем-то в подвале, а может, и просто валявшиеся там случайно. Булыжники были совсем легкими, небольшими, с голову туриста, и потому бросать их было не слишком-то удобно. Чудовище предпочитало кое-что повесомее.

Гибкими катапультами щупальца откинулись назад. Но тут же выпрямились, опустились – все три камня полетели в разные цели в одно мгновение, словно их бросили три разных, но сильных и метких бойца, бросили по единой команде. Двое туристов с переломанными хребтами сразу свалились с машин – так могли падать не живые существа, даже не пораженные, но только мертвые или же набитые мякиной куклы. Третий остался лежать на броне. Рука его все еще сжимала поблескивающую трубку, тело покачивалось в такт движению машины. Ни один из тех, кто держал снимающие штуквины, не пострадал. Чудовище било лишь по стрелкам. Теперь в нем не оставалось жалости.

Уцелевшие туристы заволновались, засуетились... Они не бросились подбирать погибших, они устроили сутолоку у люков, стремясь побыстрее попасть внутрь, под защиту брони. Машины почти остановились, они ползли черепашьям ходом.

Чудовище напрягло мышцы, вырвало из кирпичной кладки полуподвала два блока, цементированные и угловатые. Оно могло бы перебить, передавить суетившихся у люков – хватило бы тех нескольких секунд, что были вызваны образовавшимся затором. Но оно поступило иначе. Обхватив каждый блок тремя щупальцами, поочередно, оно швырнуло эти рукотворные глыбы в машины. Удары пришлись по башенкам – грохот сотряс окрестности, будто некий исполин ударил в гигантское пустое ведро.

Чудовище не знало, что ощущали при этом сидевшие внутри броневиков. Но оно явственно видело, что стволы больше не стволы, что это искривленные и бесполезные железяки, от которых толку ноль. Можно было считать, что две машины выведены из строя. Правда, оставались еще две с этой стороны и целых семь с другой. Силы были явно неравные. Кольцо продолжало сжиматься.

Сверху ударила пулеметная очередь. Чудовище успело спрятаться под перекрытием. Но вечно сидеть под ним оно не

могло, тогда туристы подберутся вплотную и расстреляют его снарядами в упор. Пальбу из пулеметов можно было терпеть, пули застревали в плотной коже. Но от снарядов кожа не защитит.

Чудовище выглянуло. И вовремя! В днище тархтелки, висевшей над подвалом, раскрылся люк. Из него вывалились два бочонка. Чудовище уже знало, что это такое. И потому оно не стало выжидать.

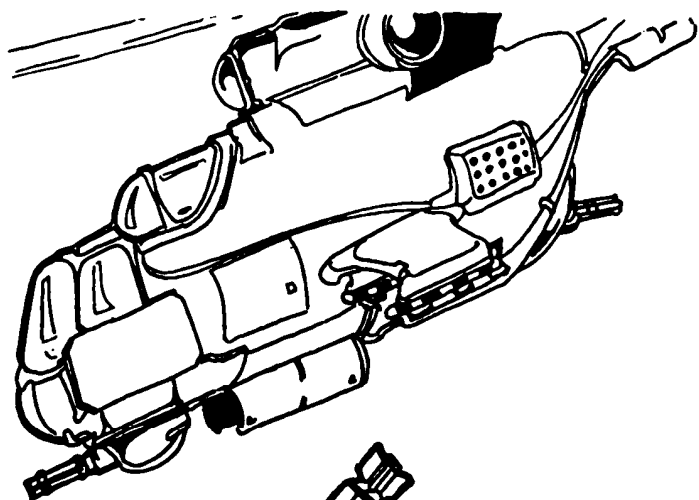
Прыжок вверх был молниеносным – Чудовище подскочило на двенадцать метров. Почти сразу же с боков и снизу просвистели снаряды. Но ни один из них не попал в живую мишень, прыжок был не только молниеносен, он был совершенно неожиданным, а стрельба из машин, судя по всему, велась вручную. Это и спасло!

С бочонками Чудовище встретилось в наивысшей точке своего прыжка. И тут же, пока эти небольшие резервуарчики с горючей смесью не набрали ходу, облепило их щупальцами и швырнуло в уцелевшие две машины. Оно не видело результата по той простой причине, что от мощного толчка перевернулось в воздухе – взрывной волной разорвавшегося неподалеку снаряда Чудовище отбросило в сторону. И оно упало в трех метрах от зияющего отверстия своего укрытия. Еще два снаряда, но уже с другой стороны пронеслись совсем близко, чуть не прогладив стремительными утюгами сырой и пористой кожи.

И только почувствовав себя в относительной безопасности, добравшись до подвала, укрывшись под переборками, Чудовище выставило наружу глаз. Все четыре броневики – и те два, что были искорежены, и два других, целых, стояли в море бушующего пламени. Изю всех люков, и боковых, и верхних, выпрыгивали туристы, пытались спастись, орали, вопили, стонали... немногим из них удалось преодолеть огненную стену.

Кольцо разомкнулось. Но семь машин с другой стороны, увеличивая расстояние между собой, охватывая все большее и большее пространство, одновременно надвигались на загнанную в капкан жертву. Похоже, сидевших внутри них туристов ничуть не смутило то, что произошло с их товарищами. А может, им просто не верилось, что живое и совершенно безоружное существо оказывает такое сопротивление, что с ним надо считаться всерьез!

Еще два бочонка Чудовище отбросило в самый последний момент, когда те почти коснулись земли – оставалось не более полутора метров. И все же они мячиками отскочили, разлете

лись бесцельно, заливая землю огнем, но не причиняя никому вреда. Усилие было поистине титаническим, все тело Чудовища свело судорогами. И оно даже вспомнило про Отшельника, на мгновение вспомнило... да только в ушах отголоском эха прозвучало: «Рассчитывай на себя! Рассчитывай на...» Чудовище упало на заросший мхом камень подвала и принялось биться об него, о стены, о перекрытия всем телом, чтобы хоть как-то усмирить судорогу, снять оцепенение.

Со всех сторон слышались разрывы снарядов. Подвал то и дело засыпало обломками каменных и кирпичных стен, щебнем, песком, заволакивало пылью. Чудовище почти потеряло слух. Но оно не собиралось сдаваться. Да и мышцы отпустило, удалось избавиться от внутренних оков судороги.

И вовремя! Обнаглевшая тарактелка зависла на шестиметровой высоте. Створки люка снова распахнулись... На этот раз Чудовище взлетело вверх ракетой! И оно не стало расшвыривать бочонки по сторонам, пружинистыми ударами сложенных вместе щупальцев оно подбросило бокастые подарки – один проскочил мимо, ударился о днище и полетел под наклоном вниз, зато другой залетел точно в дыру люка.

Взрыв был мощным. Чудовище ничего не услышало, не увидело, не почувствовало. Оно просто как-то сразу, вдруг, оказалось на земле, прижатым к ней, даже боли не было, лишь одно ощущение удара. И ему показалось, что вот сейчас обломки тарактелки посыпятся на голову, что жидкое пламя поглотит его, сожжет живьем.

Но машина упала совсем в другом месте – заклинившие винты отнесли ее на полсотню метров правее. Горящие обломки рассыпались, один, самый большой, рухнул прямо на крайнюю колесную машину. Та еще проехала метров с двадцать, неся перед собой и на себе огненный вал. Но потом остановилась, покачнулась. Что-то ухнуло внутри нее самой.

Броневикив оставалось ровно шесть.

Да в небе болтались хищными выжидающими птицами две тарактелки. Почему их снова было две?! Чудовище не видело, откуда пришла подмога. Если это будет повторяться вновь и вновь, никаких сил не хватит, никакая выдержка не спасет. Положение было отчаянным.

Но в отчаянном положении надо было и действовать отчаянно. Во всяком случае, теперь смерть грозила лишь с трех сторон, а не отовсюду. И Чудовище решило больше не меш-

кать. Оно в два прыжка достигло развалин. На секунду при-таилось за ними. И тут же отскочило в сторону – развалины разнесло метким выстрелом орудия так, будто их и не бывало. Но это не имело никакого значения. Теперь расстояние было вполне приемлемым – до ближайшей машины метров сорок, не больше.

Чудовище резко подпрыгнуло вверх, в полете изменило направление движения, приземлилось на все конечности, тут же упало на спину, бешено вращающимся колесом пронеслось по земле... Следующий прыжок стал решающим – четыре снаряда разорвались одновременно совсем рядом – но поздно, Чудовище уже сидело на броне одной из машин!

Крышку люка оно оторвало резким движением, еще не успев толком упасть на саму броню, еще не почувствовав жесткого ее удара. Крышка отлетела словно смятая картонка. Щупальца проникли внутрь, уцепили что-то живое, шевелящееся – ну, держитесь, ребятки, сами напросились! – два тела будто пружинами вытолкнуло из броневика, следом еще два, потом еще одно. Чудовище даже не глядело, куда оно вышвыривает туристов, ему это было безразлично, ему было наплевать и на их судьбу – уцелеют, так уцелеют, нет, так нет! Оно с огромным трудом протиснулось внутрь – люк был рассчитан на двух туристов, но все равно он был слишком тесен!

– Не торопись, малыш! – прозвучало неожиданно в мозгу. Отшельник, видно, вспомнил про своего приятеля. – Не надо дергаться. Биг! Ну чего ты устраиваешь здесь побоище?! Это тебе не кино, малыш, надо быть поосмотрительнее!

Чудовище его не слушало. Оно дергало за рычаги, нажимало на клавиши – машину чуть ли не на дыбы вздымало, она взревывала, кренилась, раскачивалась, и, казалось, вот-вот перевернется!

– Ведь ты все равно не знаешь, чего тут надо тянуть, чего дергать, малыш! На фига ты полез в нее!

– Отвяжись! – буркнуло Чудовище.

– Вылезай!

– Нет!

– Они зажарят тебя в этой консервной банке!

– Не вылезу, нет!

Ему удалось развернуть машину носом к другим машинам, удалось пальнуть раза два из орудия, но выстрелы были неудачные. Пока оно будет так учиться, точно, зажарят, как куренка, как жалкого птенца.

- Вылезай, я тебя прошу!

- Нет!

Отшельник закашлялся, захрипел.

- Хуже будет!

- Хуже не будет! – ответило Чудовище.

- Ну ладно, – голос Отшельника помягчал. – Слушай меня, тяни вот это, ага, вот так... нет, лучше расслабься, я буду сам управлять твоими щупальцами! Ну давай, Биг, не упрямличай!

Чудовище расслабило часть тела. Совершенно независимо от его воли щупальца начали вдруг нажимать какие-то клавиши, тянуть рычаги, дергать за что-то... И машина пошла так, словно ей управлял опытный ас-водитель.

- Ты гляди в окуляры, Биг! Так лучше будет, в смотровую щель не разберешь ни черта!

Чудовище прильнуло двумя глазами к окулярам, остальными продолжало наблюдать за происходящим сквозь смотровую щель.

Ствол орудия, как бы сам по себе приподнялся, машину качнуло раз, другой. И Чудовище увидело, что одна из тарактелок вдруг дернулась, завалилась набок, перевернулась вокруг оси. И совсем неестественно, по ломанной кривой, упала на землю. Ствол пошел левее, нащупывая вторую летающую машину. Но та, словно предчувствуя недоброе, вдруг сделала совершенно невообразимый вираж и стала удаляться.

- Ладно, черт с ней! В спины не стреляем! – прохрипел Отшельник. – Ну что, Биг, не будешь вылезать, а?!

- Нет, – ответило Чудовище.

- Гляди, прикокошат они тебя!

- Здесь?!

Отшельник вздохнул, словно сидел совсем рядом, так отчетливо прозвучал вздох.

- И здесь, и там, и повсюду... куда ты от них скроешься, куда денешься? Повсюду отыщут, Биг. Лучше тебе в глубины уйти, там сам черт ногу сломит, а тут найдут и укокошат!

- Ладно! – проворчало Чудовище, – Укокошат! Заладили все как один! Чего это вы, сговорились, что ли? Чего это вы меня все отпеваете?! Может, рановато еще, а, как ты думаешь... Отшельник?! Я же еще не сдох пока, ну чего вы паникиды устраиваете?! Еще поглядим!

Между делом и разговором они подбили три машины туристов. Оставались еще две, самые проворные, к которым никак нельзя было подступиться.

- Охо-хо, Биг! Ну ладно, тебе лучше знать, поглядим, так поглядим!

Вместе с последним словом Отшельника прогремело страшно, разрывая барабанные перепонки. Машину дернуло, и она остановилась.

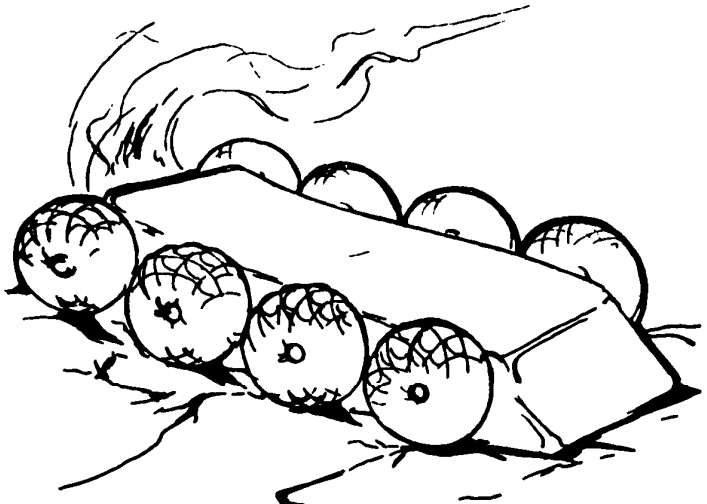
В мозгу будто отключилось что-то. Щелк! И все! Чудовище поняло - снаряд попал-таки в его броневичок. Нельзя было терять ни мгновения. Оно мощнейшим ударом левой конечности вышибло крышку бокового, десантного люка. Вывалилось.

Машина только-только начинала гореть. И Чудовищу удалось отползти от нее на десяток метров, прежде чем внутри рвануло. Тут же врезались в землю перед самым носом два снаряда, подняли целые земляные фонтаны вверх. Осколком вышибло глаз, тот самый, болезненный, полужалеженный бельмом. Но и в эту секунду Чудовище не почувствовало ни боли, ни досады. Слишком многое стояло теперь на карте. Любая промашка могла стоить жизни!

Оно откатилось на несколько метров левее, затаилось. В оседающем облаке пыли и песка его не было видно. Машины приближались. Теперь любое попадание снарядом могло стать последним, смертельным.

Бурое облако позволило одной из машин приблизиться почти вплотную. Мягкие круглые шины совсем не шуршали, не скрипели, моторы работали мягко и плавно. У Чудовища все обмерло в груди, когда хищный нос качнулся совсем рядом, башенка повернулась и ствол стал опускаться... медленно, будто дело происходило не в жизни, а в каком-то нелепом сне. Но Чудовище знало, что никакого сна нет и быть не может, что это самая что ни на есть настоящая жизнь, просто его реакции убыстрились настолько, что все кажется медленным. Медленным, но и неотвратимым ведь! Жуть охватила его с головы до пят, от кончика горба и до присосок щупальцев. Прямо в глаза почти смотрела смерть. Да нет, что там почти! Она смотрела прямо в глаза! И была на этот раз смерть в обличий круглого зияющего чернотой дула.

Чудовище не успело ничего решить, ничего предпринять по воле разума... Инстинкт бросил его вперед, прямо под колеса, точнее, между ними, под днище - это был бросок чемпио

на! Казалось, что тень промелькнула... но уже в сам след этой тени ударил снаряд! потом другой! Да только поздно, поздно они ударили, сея вокруг осколки, сея смерть. Чудовище почувствовало спиной, горбом прикосновение холодной брони, его вжало в эту броню ударной волной. Еще миг – и его бы расплющило между телом броневика и глинисто-кремнистой землей. Но в этот миг Чудовище выпрямилось, конечности его задрожали, горб вздулся, щупальца – все, даже обрубок, уперлись в броню. И машина стала медленно, нехотя, через силу, сопротивляясь, но все же вставать на дыбы. Последним толчком Чудовище перевернуло ее!

Теперь броневичок напоминал гигантского жука, лежавшего на спине и никак не могущего встать, перевернуться. Колеса бешено вращались, разбрасывая по сторонам прилипшие к ним камешки, кусочки глины, грязь. Брюхо поблескивало. Машина покачивалась. Внутри что-то хрипело и стонало. Ствол орудия был не виден, он был наверняка основательно поврежден.

Чудовище присело рядом с этим уродливым «жуком», ослабилось. Оно видело, как удирает последняя машина. И во все не собиралось бросаться в погоню. Была охота! Оно сидело и отдыхало. Еще не веря до конца, что избавилось от смерти, что гибель и на этот раз миновала его. Все было хорошо! Все было нормально! Голова постепенно прочищалась. Мысли приходи ли неторопливые, незлые. Вот, говорили все, укокошат да укокошат, угробят да угробят! Нет! Не вышло! И не выйдет, дорогие мои охотнички! Жаль, конечно, что кое-кто из вас тут останется лежать. Но так если разобраться, кто вас сюда звал? А никто не звал! Никому вы тут не нужны! А мы там никому не нужны! Вот бы и оставить друг друга в покое, самое верное дело бы было!

Чудовище приподнялось. И потирая опустевшую нижнюю глазницу, массируя кожу над ней, чтобы быстрее заживала рана, побрело к тому месту, где оно вылезло из подземных трубосплетений.

Прежде чем спуститься вниз, оно заглянуло в зев входного люка. Опасности вроде бы не было.

Оно наполовину опустило свое тело в люк, когда послышался отдаленный гул – с северо-запада в несколько рядов, от горизонта к горизонту, шла целая армада летающих тарактелок.

Чудовище не стало их поджидать. Оно быстро растворилось в темноте входного отверстия, накинуло сверху крышку. Ступени снова заходили ходуном под его тяжестью.

Хенк сидел на груди тряпья живой, веселый, перебирал пулемет. Когда входная железная дверца скрипнула, открылась и в смотрительскую вползло Чудовище, он улыбнулся, помахал рукой.

- Ну что, разведчик, принес чего похавать, а? – спросил он и подмигнул.

Чудовище недовольно проворчало:

- Себя еле принес! Ты бы знал, чего там творилось, тогда бы и не спрашивал!

- Засада?

- Было дело!

- Вырвался?

Чудовище посмотрело на него выразительно. И Хенк сам понял глупость вопроса.

Несколько минут они сидели молча. У каждого сводило желудок. Да и пить хотелось. Но где найти еду и питье? Как уберечь себя от неожиданных встреч? Ни один не знал ответа.

- Придется на крысосусликов переходить, – сказал Хенк.

- Успеется, – Чудовище откинулось к стене, размякло. – Ты лучше скажи, здесь их не было?

- Кого?

- Ладно, можешь не отвечать! Значит, не было!

Хенк прищурился.

- Что, круто приходится, приятель? Прижали?!

- Прижали! – коротко и ясно ответило Чудовище.

Хенк встал. Он наконец-то собрал свой пулемет. Закинул его за спину. Подошел ближе. И сказал совсем тихо, но с нажимом:

- Я знаю, что надо делать.

- Что? Уходить в глубины?!

- Нет!

Чудовище отвернулось, перевалилось на бок. Груда тряпья под ним начала буреть от слизи, сочащейся из ран.

- Надо идти туда, где тебя никто и никогда искать не будет, понял?!

- Это куда же, на тот свет, что ли? – вяло переспросило Чудовище.

- На тот свет успеешь, Биг. А сейчас нам надо идти в Забарьерье, к нам! Усек?!

Чудовище встрепенулось было. Но тут же снова обмякло.

- Знаешь, сколько топать? – проговорило оно. – Пока доберешься, сто раз засекут и прикончат!

- Нет, Биг, я продумал все! Тут есть скоростные трассы. Соображай давай, шевели своими мозгами, если они у тебя есть! По трубам шел, а кое-где и сейчас идет нефтепродукт, понял, газовая всякая гадость, сжиженная. А рядом есть трассы для людей. Я знаю, где! Если они исправны, если там не расщипали все, мы через пару часов будем за Барьером, Биг!

- Это дело! – ответило Чудовище, приподнимаясь. Ему не надо было растолковывать подробностей. – Пошли!

Пак выставил вперед железяку. И лишь после этого просунул в дыру голову. Никакой опасности не было. Только глаза защищало. Да голова закружилась – небо тянуло в себя, как там, в отшельниковском мире. Но этот мир был взаправдашний!

- Ну чего застрял, едрена! Застрял, понимаешь, как пробка в бутылке!

Хреноредьев ткнул Пака в спину, и тот вылетел наружу. Как был, так и вылетел – настороженный, оцетиненный, зажмуренный. Ноги у него дрожали. Железяка вываливалась из руки.

Сам Хреноредьев вперся в новый мир, в Забарьерье, как в собственную халупу. Даже ног не вытер! Точнее, ноги и двух своих деревяшек. Он сразу же огляделся деловито, прикидывая что и почему. Но вывода пока сделать не смог. Лишь произнес глубокомысленно:

- Вот она где, жисть-то!

Буба вылез последним. Он как-то сразу смирился с ролью «врага и диверсанта». И потому не навязывался в председатели, предводители и прочие преды. Он вылез, оглянулся назад, в темноту дырищи, словно желая вернуться обратно. Скривился, сморщился, отчего все синяки, ссадины, наплывы на его лице заиграли, запереливались. И только потом уже выдавил с натугой:

- Вот это уж точно! То родимая землешка! И-и-и, скоко же лет...

Буба собирался было снова упасть на колени, уткнуться лицом в траву... Но, во-первых, никакой здесь травы не было, а во-вторых, Пак дал ему по загривку, чтоб не юродствовал, а

Хреноредьев ткнул в бок, чтоб прямее держался. Буба все понял.

Они стояли на асфальтовой дорожке посреди чудесного парка. Парк этот был пустынен. Но даже отсюда вся троица видела, что парк совсем маленький, что за ним, сразу за деревьями, начинается то ли городишко какой-то, то ли поселок – торчали дома, какие-то непонятные длинные штуковины.

Со стороны поселка-городишки доносился слабенький шум, там явно шла обыденная жизнь. Но спешить вливаться в нее не стоило, это понимал каждый, даже урожденный в Забарьерье Буба Чокнутый.

– Ладно, нечего рисковать! – проговорил Пак Хитрец. – Вы как хотите, я пойду залягу в засаду и шлепну кого-нибудь... Для начала! А там будем разбираться понемногу.

– Быстрый какой, едрена, – отозвался Хреноредьев, – шлепнет он! А нас всех и повяжут, дурачина!

При слове «повяжут» Буба вздрогнул – еще живо было воспоминание о том, как его «вязали, карали и миловали». Бубе хотелось назад. Кто-кто, а уж он-то знал, что в этом мире им не прижиться! Только сейчас лучше было помалкивать.

– Во! – обрадовался вдруг Хреноредьев. – Стоит кто-то!

Он подковылял к какой-то огромной белой фигуре, которую они по ее масштабности и неподвижности поначалу совсем не приметили.

– Ух ты, едрено изваянье! – удивился Хреноредьев, пуча глаза. – И когда ж они успели-то?! Ну, дела!

На белом метровом пьедестале стояла белая пяти- или шестиметровая фигура какого-то могучего существа с огромными ручищами, короткими ногами, маленькой, почти безлобой головкой. В руке фигура держала что-то непонятное, напоминавшее то ли топор, то ли молот. Казалось, сейчас она сорвется с места и пойдет со страшной силой что-то крушить или вырывать, давать на гора.

– Вылитый! – заключил Буба. И утер скупую мужскую слезу.

Пак долго стоял с разинутым ртом. Потом вдруг всхлипнул, припал к пьедесталу.

– Папанька! – плечи его затряслись. – Папанька, родимый! Не ценили-то при жизни, а потом, после...

Пак голосил недолго. Он вдруг вспомни, что этими самыми ручищами «родимый папанька» его изо дня в день мордовал, ни спуску, ни прощения не давая. Да и приглядевшись

внимательнее, убедился, что никакой это не палаша Пуго. Тот был живее, добрее на вид, волосатее. И руки у него были почти до земли, а у этого всего лишь до колен, и лобик уже, и глазки меньше... Но главное, папаньку всегда качало, а этот стоял несокрушимо.

- Эх, сволочи! И здесь надули!

Пак отскочил на пять шагов от изваянья. Вскинул вверх трубку. Грохнуло. Псевдопапаньке оторвало ухо. Грохнуло еще раз. Отбило нос Но сам-то он стоял. Стоял все так же несокрушимо и непоколебимо. И Пак успокоился.

Оглядевшись, он не заметил возле себя ни Хреноредьева, ни Бубы. Те давно лежали в кустах, притаившись. Но Пак их обнаружил. Подошел, склонился.

- Вы чего? - спросил он шепотом. Хреноредьев отлягнулся от него протезом.

- Пошел вон, дурак! Пускай тебя одного, едрена, гребут! Чего нас тянешь?!

Но похоже, на грохот выстрелов никто не среагировал. В парке было по-прежнему тихо и безлюдно.

Чокнутый Буба оказался самым умным среди всех.

- Надо дождаться темноты, - предложи он, - а потом уже нос высовывать!

- Вот его дело, - согласился Хреноредьев.

- Ну, нет! Я - в засаду!

Пак ушел. Залег у самого заборчика, под кустиками. Стал приглядываться.

То, что он видел перед собой, было для него ново и непривычно. Но после мира Отшельника не шокировало. Видно, прав был старый карлик, устроив им небольшое испытание. Только не на правоте мир держится. Пак знал эту простую истину. А на силе и наглости, на том, кто кого вперед! И он хотел опередить любого, пускай только попробуют! Он им еще задаст! Всем задаст!

Сквозь кусты проглядывала улица. С одной стороны шли дома - по три, четыре этажа. Вдалеке возвышался один восьмиэтажный, совсем для Пака диковинный. Хитрец дал себе слово ничему не удивляться. По улице проезжали машины. Но не такие, на каких охотились туристы за поселковой малышней и подростками, а какие-то очень красивые, необыкновенные. Совсем рядом с кустами прошел маленький туристенок, лет пяти-шести, наверное, он Паку показался неземным созданием - до того симпатиченьким, кукольным, вымытым, чистень-

ким, ухоженным, разодетым, что Пах растерялся. У него руки опустились, железяка уткнулась в землю. Туристенек вел на веревочке за собой маленькую пушистенькую собачку. Собачка эта тоже была словно с картинки: четыре лапки, хвостик, мордочка! Таких Пак не видал. Да и вообще она вела себя очень доверчиво, какая это собака! Ладно, решил Пак, шлепну следующего, этих пока пропустим...

Потом мимо пробежала девочка в голубенькой юбочке и беленькой кофточке. Потом прошли две старушки – тоже невероятно ухоженные, двурукие и двуногие, одноголовые, картиночные. Пак пропустил и их. Но ведь надо было на ком-то выместить свою злость и обиду, все свои невзгоды, тяготы. Пак встал. Пошел к каменному папаше Пуго. И дал такую очередь, что изваянию оторвало-таки голову, а Хреноредьев с Бубой уползли вообще в неизвестность. Пак их не сумел найти. Сами они не откликались.

Темнело.

Но темнело не так, как это бывало в поселке. Там серо-желтая пелена за несколько минут становилась непроницаемой, все обволакивала тьма, лишь в отдельных окошках высвечивались огоньки лучин. Темнота бывала всегда жуткой, пугающей и всегда неожиданной. Здесь же все происходило будто в нереальном сказочном мире, будто в сновидении: небо постепенно темнело, наливалось сначала синевой, густой и плотной даже на взгляд, потом чернотой, какие-то белые и голубоватенькие огоньки посверкивали на этом ненастоящем небе, словно в бархатной ткани продырявили крохотные отверстия, сквозь которые и пробивался занавешенный ею свет.

Но не это было основным, другое растревожило Пака – небо темнело, в парке становилось темно, а на улицах и возле домиков по-прежнему оставалось светло. Там было все как на ладони. Ну куда, спрашивается, пойдешь, как проберешься-прокрадешься?! Нет, не нравилось все это Паку.

– Ну чего? – послышалось из-за спины.

Пак обернулся.

– Чего – чего? – переспросил он.

– Я спрашиваю, придурок, не захомутали тебя еще?! – разнервничался вдруг Буба. А это бил именно он.

– Как видишь!

Для остратки Пак все же треснул Чокнутого железякой по лбу. И спросил у него:

- Ты-то чего боишься? Ты ведь тут жил когда-то, все знаешь, чего у тебя поджилки трясутся?!

Буба поглядел на Пака сверху вниз, как учитель на ученика.

- Обалдуй, - сказал он, - тут тебе не поселок, тут сразу подзалететь можно, только высунься!

Пак врезал Бубе еще раз. И тот стал менее надменным.

- Я о чем толкую-то, - проговорил по-приятельски, как-то даже задушевно, - нам ведь чего, Хитрец, надо, сечешь?

- Чего?

- А-а! Не сечешь, значит! Нам надо перво-наперво, дубина, из этого садика пробраться через город, понял?

- А на хрена? - поинтересовался Пак.

- Я те вот щя дам «на хрена»! - прозвучало грозно у самого уха. Это незаметно подкрался Хреноредьев. - Я те сколько разов, едрена, говорил, чтоб тружеников не оскорблять, а? Я тя, Хитрец, в последний раз предупреждаю, понял? Я тя в порошок сотру! Я из тебя чучелу набью и напоказ выставлю!

- Да заткнись ты! - прервал его Пак.

Хреноредьев сразу же заткнулся.

- А ты отвечай, зачем нам через городишко-то прорываться надо, чего пудришь мозги?! - Пак чуть не за грудки схватил Бубу.

- А для того, - ответил тот спокойно, - чтобы залезть в такую глухомань, где нас сроду не отыщут, усек? Будем первое время в шалаше жить, жратву в городе воровать или в поселках. Главное, на глаза не попадаться! Они тут дотошные, черти бы их побрали, но размягченные, усек? Они бдительность-то утратили... Но ежели сам в лапы полезешь, так прихватят, что ты, Хитрец, потом из зоопарка не выберешься! А дурака Хреноредьева в какую-нибудь богадельню запрут на всю оставшуюся жизнь, усек? То-то! Надо уметь понимать мудрых людей!

Хреноредьев на «дурака» не обиделся. Его заинтересовал Бубин план. Хреноредьев был готов и в шалаше прожить «оставшуюся жизнь», лишь бы здесь, а не в поселке, не под Куполом. И его вовсе не прельщало удальство и геройство, он не собирался ни за кого мстить, тем более лежать с Паком Хитрецом, порастратившим свою хитрость, в засаде.

И потому он предложил свой план.

- А чего тут, едрена, думать! Днем еще светлее будет! Надо от дома к дому, от заборчика к заборчику - глядишь, и выбо-

ремся! – Хреноредьев помолчал для солидности. И добавил с мстительной подозрительностью: – А Бубу на прицеле держать будем, чтоб снова не продал...

– Чего?! Когда это я продавал-то! – возмутился Буба.

– Молчи, агент! – осек его инвалид. – Заведешь в западню, мы с Хитрецом из тебя лапши настругаем, едрена вошь!

Буба только рукой махнул. Ему надоело уже оправдываться.

– За него вступился Пак:

– А чего ты, старый хрен, привязался к Чокнутому? Он заслуженную кару понес?

– Понес, – нехотя согласился Хреноредьев.

– Стало быть, искупил?

– Не знаю, может, и не до конца, едрена канитель! Может, затаился до поры до времени, выжидает моменту. Нет у мене к нему доверия!

Пак долго думал. Потом предложил самое простое решение вопроса.

– Давай его тогда шлепнем здесь, и дело с концом!

Буба упал на карачки и пополз к заборчику. Хреноредьев бдительно следил за ним, подмигивал Паку, дескать, выдал себя агент и провокатор, вон как забеспокоился за свою продажную шкуру! Но вслух сказал:

– Не-е, Хитрец, шуму разводить не надо. Надо его просто связать, пускай полежит, пока свои не подберут! А мы пока что, едрена-матрена, смотаем удочки!

Они настигли беглеца, схватили его за длинные мосластые руки. Подняли. Обессиленный от бесконечных побоев за последние сутки Буба покорно поплелся меж своих стражей. Вел его недолго. До изваяния псевдопапаньки. Там же привязали Чокнутого к короткой толстой ноге белой статуи, Хреноредьев пару раз ткнул Бубу в брюхо кулаком. Потом сообразил, что без кляпа оставлять Бубу опасно, разорется еще! И, содрав с ноги «продажного агента» сапог, долго и старательно запикивал его в Бубни рот. Наконец справился с поставленной задачей, радостно и удовлетворенно потер руки.

– Ну, чего, Хитрец, потопали, что ли?

Пак стоял в раздумьи.

– А как же мы без него-то пойдем? Он хоть порядки тутошние знает, а мы вообще ни хрена...

– Но-но! – погрозил пальцем Хреноредьев. – Чего это мы вдруг без хрена?! С хреном! – он сам запутался, развел лапами.

- Короче, едрена, со всем, с чем полагается!

И пошел было к заборчику. Но тут и до него дошло, что поступили не слишком-то умно, сами своего же единственного проводника и связали!

Буба дико вращал выпученными глазами и пытался языком выпихнуть сапог изо рта. Разумеется, это была напрасная затея, Хреноредьев сработал на совесть.

Они еще около сорока минут препирались с Паком. Дело чуть не закончилось дракой. Потом поуспокоились, решили отвязать Бубу-мученника. Но кляпа не вынимать, руки связать за спиной - пускай идет впереди их, дорогу указывает, к этому самому - к шалашу.

Они подобралась к заборчику, улеглись в тени кустов. Решили передохнуть малость перед отчаянным броском сквозь неизвестность. Хреноредьев, отвернувшись, дожевывал припасенного полуразложившегося крысосуслика. Пак ронял слюня, облизывался, но не просил, терпел. Буба лежал на спине - ему было очень неудобно, мешали свои же связанные в кистях руки. Но и он терпел. За заборчиком было почти светло и спокойно. Никто не собирался, похоже, их травить и вылавливать, сажать в зоопарки или в богадельни.

- Чего это, едрена? - поинтересовался вдруг Хреноредьев.

- Где?

- Да вона, тама! - Хреноредьев указал в сторону изваянья, в глубину парка. - Шумнуло чего-то? Или слышалось?

Пак всмотрелся. От напряжения даже глаза заболели.

Нет, им не слышалось и не показалось, там кто-то был. Неизвестно кто, но точно, был! Оттуда, прямо из дыры, через которую они вылезли сюда, в Забарьерье, вылазил еще кто-то. Сначала мелькнул желтенький лучик, словно ощупывая пространство, потом высунулась какая-то странная конечность - то ли нога, то ли лапа, очень большая, потом лучик стал ярче... Но он освещал не вылезавшего, а то, что было перед ним. И все же Пак рассмотрел целую кучу рук, ног, лап... из-за этой кучи вдруг выглянул самый обыкновенный турист. Слышались неразборчивые голоса.

- Ты пока не стреляй, едрена! - предупредил шепотком Хреноредьев. - Спугнешь еще!

Пак думал, что стрелять не следует совсем по другой причине. Он вдруг сообразил, что эта самая «куча» лап, ног, рук принадлежит одному существу, причем существу, хорошо ему знакомому. Да, это было то самое Чудовище, виновник всех

бед и напастей! Непобедимое, несокрушимое, не боящееся пуль и камней Чудовище! Стрелять было просто бесполезно!

- Видал? - спросил Пак у инвалида.

- Чего?

- С туристом вылез, гад! Все они заодно! Я давно подозревал, что заодно! Помнишь, дурья башка, как эта тварь из башни на площади выползла, а? И как сразу все началось! И пальба, и огонь, и расстрелы...

- Тихо ты! - испугался вдруг Хреноредьев. - Тихо, едрена, авось не заметят!

Но их никто не видел. Чудовище с туристом почти сразу же подошли к изваянию псевдопапаньки. Турист долго чего-то показывал, лопотал, убеждал в чем-то. Потом Чудовище навалилась на пьедестал, загудело, заохало, заскрипело... и изваяние сдвинулось метра на три. Почти сразу же и турист и Чудовище пропали. Видно, залезли в какое-то потайное место, а может, и в лаз, в подземный ход! Пак разинул рот, глядел, ничего не понимал. Изваяние медленно, будто его подталкивали снизу, вернулось на свое место. И снова в парке стало тихо, спокойно, будто ничего и не произошло. Снова в нем оставались лишь Пак Хитрец, инвалид Хреноредьев и Буба Чокнутый.

- Пора! - произнес наконец Пак трагически.

- Пора, - заговорщицки отозвался Хреноредьев. Они перекинули через заборчик Бубу. Перемахнули сами, и вся троица побежала к домам, через улицу, побежала, стараясь не попадать под лучи фонарей... Но все равно они были видны до тех пор, пока не затаились между домами, пригнувшись у палисадничков, переводя в темноте дух.

- Все! - заявил Лопоухий Дюк. - Лопнуло мое терпение! Я шяс или перестреляю всех, кто попадется, или вылезу и пойду назад!

Гурыня, не оборачиваясь, закатил Дюку затрещину. Навесил для убедительности еще одну, сверху. Но ругать не стал, напротив, почти проорал, бодро и весело, с прищипом.

- Парни! Чует мое сердце - мы у цели! Все, падла, добрались. А ну, все по местам! Бага, падла, докладывай!

Бага Скорпион вытянулся в струнку - ровно настолько, насколько ему это позволило сделать внутреннее пространство броневика. И отрапортовал:

- Все в полной боеготовности, шеф! Парни ждут с нетерпением, понимаешь, так и рвутся в бой!

- Отлично!

Гурыня был взвинчен до предела. Он и чувствовал себя теперь не шефом, не вожаком, не Гурыней, а дрожащей стрелой в натянутом луке. Вот-вот, пальцы стрелка разожмутся, и...

- Вперед, падлы! Полный вперед! Эй, Плешак?!

- Я!

- Лопухий?!

- Я!

- Бага?!

- Я!

- Никто не спит?!

- Никак нет!!! - рявкнули одновременно три глотки.

Гурыня затрясся в предвкушении, маленькая головка задрожала на выгннутой длинной шее.

- Последняя инструкция, пада! Чтоб с ходу! С лету! Поняли, падлы?! Штурм и натиск! Туда - обратно! Налетели, перебили, похватали, чего надо, в машину - и сразу назад! Лихо! Смело, пада! Молодецки!!!

- Так точно!!!

Гурыня был доволен парнями. Но он сам не знал, что будет тогда, когда эта чертова труба кончится. Да и ладно, лишь бы она кончилась, а там разберутся!

- Полный вперед!

Снопы фар-прожекторов уперлись где-то еще совсем далеко в какую-то преграду, уперлись одним желтым кругом.

- Эй, шеф, притормозить бы! - заверещал Бага.

- Ни за что! Полный вперед!! К бою!!!

Хенк обливался потом, во не отставал, полз за Чудовищем по узкому земляному лазу. Он удивлялся, как само Чудовище не застревает в нем. Казалось, они тут находятся целую вечность. Но на самом деле они проползли не больше двух сотен метров.

- Во! Просвет! - невольно вырвалось у Чудовища.

Они выбрались в какое-то темное помещение, заваленное мешками, заставленное коробками и ящиками. Дышать стало легче. Первым делом Хенк осмотрел свой пулемет - все было в порядке, лишь немного земли набилось в пазы. Но в дуле ее не было.

- И чего дальше? - поинтересовалось Чудовище.

- Чего-чего, - передразнил Хенк, - будто я сам знаю. Посидим немного, потом выберемся. Ты мотай, куда тебе вздумается - лучше в леса какие-нибудь, там можно скрываться сто лет, а я уж до своих доберусь!

- Ладно, так и сделаем, - согласилось Чудовище.

На мешках было удобно сидеть. И вообще здесь было спокойно, хорошо. Не хотелось отсюда уходить.

- Я пойду на разведку, - сказал Хенк. И полез по лесенке наверх.

Чудовище осталось в темном помещении. Осмотрелось. В мешках и коробках было съестное. Это оно сразу определило по запаху. Проковыряло один из мешков, в нем лежали кругленькие штуквинки, совсем темные снаружи и белые внутри - Чудовище разгрызло одну. Подержало во рту. Проглотило. Потом, не раздумывая долго, вытряхнуло в пасть содержимое всего мешка, перетерло жвалами. То же оно проделало со вторым мешком, третьим. Сразу стало веселее. Даже сил вроде бы прибавилось. В коробках стояли бутылочки с желтенькой сладковатой дрянью. Если бы не жажда, Чудовище ни за что бы не стало глотать ее. Но пришлось опустошить десятка два бутылочек. Кровь сразу же забурлила в жилах.

Теперь Чудовище не могло сидеть, сложа руки. Оно было готово действовать. И оно полезло по лесенке наверх. Столкнулось со спускающимся Хенком. Тот чего-то жевал, запивал на ходу.

- Нам повезло! - проговорил невнятно из-за набитого рта. - Прямо в склад вылезли, продуктовый!

Они поднялись вместе. И оказались в чистом и уютном зальце, заставленном всяческой снедью. Чудовище не стало отвлекаться на съестное. Оно было сыто. Сейчас надо было подумать о том, чтобы не угодить в лапы туристам. Впрочем, туристами они были там, за Барьером, в Подкуполье, здесь они были просто людьми. Но это ничего не меняло.

- Пошли!

Хенк подвел его к небольшому круглому окошку. Подтолкнул рукой.

- Гляди! Обзор, лучше не надо!

- А толку-то?!

- Хенк замялся. Но быстро нашелся.

- Главное, сейчас все видеть, а самим оставаться невидимыми! Не бойся, здесь твои противники все-ем другие, здесь

они не палят направо и налево! Даже если кто и попробует, так на него быстренько таких собак навешают, что не отмоется потом. Но это не значит, Биг, что тебе нечего опасаться.

Чудовище передернулось.

- Я это понимаю, Хенк, - сказала оно с иронией.

Они проверили все двери. Никого в помещении, да, видно, и на всем складе не было.

- Время ночное, все спят, - сказал Хенк. - Но тут, Биг, не поселок! Тут ежели какая заваруха - с шумом и треском, сразу же спецотряды нагрянут! Чихнуть не успеешь! У нас умеют поддерживать порядок. Не поверишь, но с преступностью почти покончили...

Чудовищу трудно было понять, что имел в виду Хенк под словом «преступность» - у них в поселке не было ни преступности, ни законности, там все вперемешку было. Но здесь, за Барьером, наверное любили порядок. Что же, в чужой монастырь со своими уставами не суются. Надо приглядываться, принюхиваться, привыкать - хотя бы на время, пока не прекратятся облавы. Лишь одно Чудовище сразу приняло - это был воздух, чистый, приятный, без всякой взвешенной дряни, без паров и газов, какой-то необыкновенно прозрачный и даже вкусный. От этого воздуха кружилась голова. Но он придавал и силы.

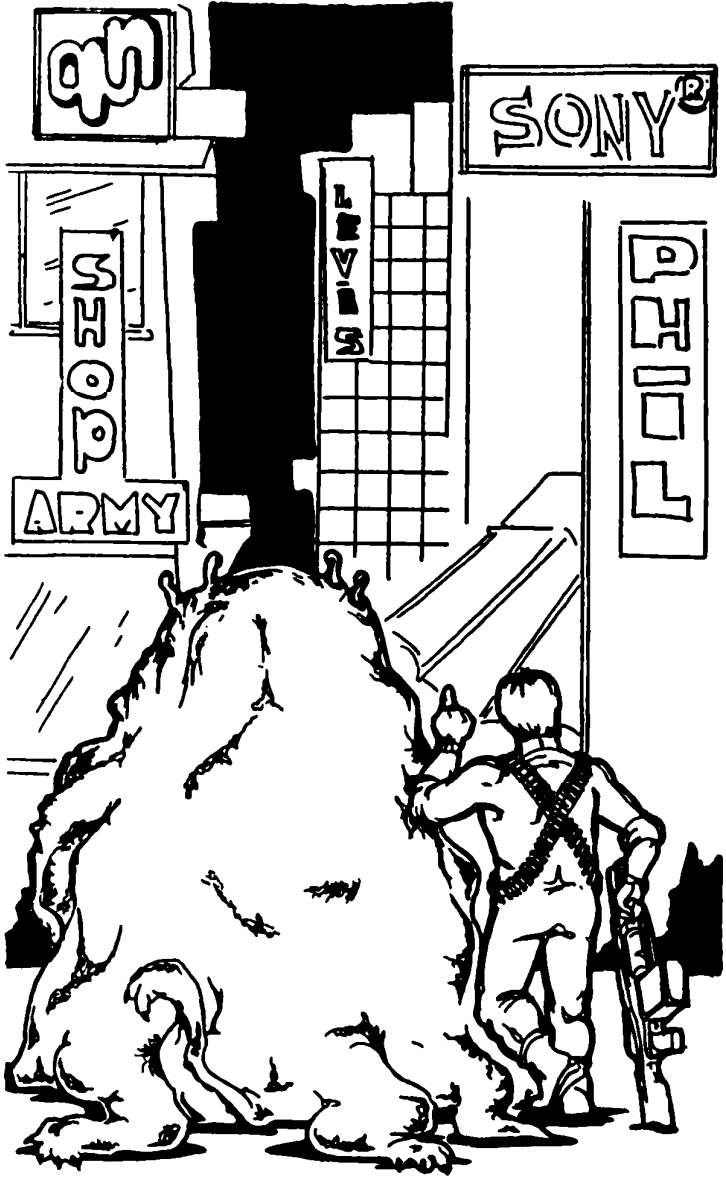
- Гляди, - Хенк указал пальцем в окошко. - Вон там, рядом с парком, это старые ангары. Они наверняка заброшены, даже при фонарях видно, что петли все проржавели... нет, оттуда опасности не может быть. В парке все тихо, сам видал! - Он повел рукой влево. - Там дома, пара ночных развлекалок, кабак, бордель... Биг, а ты вообще-то знаешь, что такое бордель?

Чудовище покачало головой, ему было наплевать на содержимое этих домиков, тем более на их предназначение. Лучше бы их вообще не оказалось тут.

- Ну и ладно, тебе это ни к чему! Тем более, что все девки разбегутся и помрут от одного твоего вида, ха-ха! Та-ак-с, дальше... дальше - вон, глади, большая башня. Там может быть охрана, а может, и нет. Туда надо поглядывать. Ты следишь?

- Ага, - ответило Чудовище.

У него все в глазах мельтешило от горящих вывесок, ярких светящихся букв, от фонарей и светильников. Оно не привыкло, чтобы по ночам было так светло и празднично. Все это сбивало с толку, расслабляло, от этого можно было лишиться бдительности.

- Да ты не бойся! - Хенк чувствовал теперь себя хозяином положения. - Сюда ни одна душа живая не припрется до утра. Если только роботы. Но на них можешь наплевать, у них свои программы - им нет до нас дела. Гляди дальше! Вон там участок, до него метров шестьсот, оттуда тоже могут... Но это все ерунда, Биг. Чего у них там, пулеметы, автоматы, пистолеты, с десяток винтовок дальнего боя. Тебе это все как песчинки, сам видал, так что будь спокоен!

Хенк говорил без умолку. Но было похоже, что он успокаивал самого себя. Чудовище не было настроено столь радужно. И ему казалось, что идти надо прямо сейчас, сию минуточку, не теряя драгоценного времени. Ведь ночь скоротечна, а ему надо уйти как можно дальше от людских глаз, он не Хенк, его сразу приметят, его сразу возьмут на мушку, а может, и сделают проще - вколют издалека какую-нибудь гадость, усыпят, и возьмут тепленьким!

- Пошли?

- Да погоди ты, - заворчал Хенк, - дай хоть немного отдохнуть.

Он опять что-то жевал, запивая все той же желтенькой гадостью. Ел с апшетитом, за обе щеки наминал. Отрывать его от приятного занятия не хотелось. Чудовище решило, что несколько минут игры не делают.

Хреноредьев зловонно дышал Паку прямо в ухо. Буба сопел внизу, под ногами. Он все пытался вытащить изо рта кляпсапог. Но ему это никак не удавалось. Они уже перебежали к четвертому домику. Еще через два проглядывалась спасительная чернота, там, наверное, был или глухой тупик или же неосвещенная маленькая улочка, ведущая к окраинам городка. Во всяком случае, Буба кивал в ту сторону, пучил туда глаза. И ему верили.

- Ну чего, побежали, что ль? - предложил Пак.

- Дыхалка барахлит, едрена круговерть! - пожаловался Хреноредьев. - Да и боязно чего-то! И-ех, Хитрец, может, назад вернемся, пока не поздно, а?

Пак треснул Хреноредьева железякой.

- Сам ты - продажная шкура и агент! - сказал он зло.

Буба под ногами ожил, зашевелился, закивал. Пак выдернул у него изо рта сапог. Минуты две Буба дышал, как выброшенная на песок рыба. Потом заявил:

- Точно! Я тоже да-авненько подозревал, что подлый наймит и враг трудового народа не я, а вот этот гад! Я лишь попал под его тлетворное влияние, Хитрец! Да ты сам знаешь, я ж избранник, меня все уважали в поселке!

Пак развязал руки Чокнутому. Тот сел, прислонившись спиной к деревянному заборчику. Смотрел Буба бодро и нагло.

Хреноредьев ему пригрозил.

- Клеветник ты и доносчик, едрена!

- Ага! Испугался!

- Да заткнитесь вы! - прекратил распрю Пак. - Тихо!

По улице шел какой-то покачивающийся турист. Пак его взял на прицел. Но стрелять не собирался, так, на всякий случай. Турист был явно навеселе. И Паку вновь вспомнился папанька. Слезы потекли изо всех четырех глаз - в темноте они поблескивали маленькими росинками. Хоть и злощип был папанька и драчун, а все-таки родней его у Пака никого на свете не было. Вот был жив папаша Пуго, Пак все ему отомстить клялся, все злил себя, разжигал... а как помер в мучениях, так стал видеться Хитрецу совсем иным, добрым и ласковым. Да что там вспоминать!

Турист прошел мимо. Стрелять не пришлось. Но почти сразу же с другого конца улицы подъехала машина. В ней сидело четверо туристов в синих форменках, с касками на головах. В руках у двоих были металлические трубки, такие как у Пака. Они поговорили с тем, который проходил мимо, отпустили. А сами встали почти напротив троицы - метров шесть разделяло их. Но машина стояла на свету, а три поселчанина затаились во тьме.

- Все! Каюк нам! - прошептал каким-то мертвецким шепотом Буба. - Влипли! Все влипли: и враги народа и друзья... Пак, ты сам-то - друг? Или кто? Все влипли: и агенты, и диверсанты, и честные труженики!

- Не ной, едрена! - Хреноредьев зажал Бубе рот. - Цыц!

Машина стояла и, похоже, никуда не собиралась уезжать. Туристы лениво переговаривались - двое прохаживаясь возле машины, двое сидя внутри, развалившись в креслах. Ни Пак, ни его сотоварищи не слышали, о чем речь шла. Да и если бы слышали, навряд ли бы разобрали что к чему - все-таки языки за двести лет раздельной жизни существенно изменились, будто и не были родственными в приграничье.

- Щяс кокну хоть одного! - не выдержал Пак. - Буба и Хреноредьев одновременно с двух сторон схватили его за руки. Пригнули к земле.

- Глади, едрена, а то и тебя повяжем! Не шебурши!

- Да ладно! - Пак дернулся и легко высвободился.

И по всей видимости, это резкое движение не осталось незамеченным - легкий шумок привлек внимание туристов. Они сначала насторожились. Потом те двое, что сидели внутри, вылезли, встали по бокам машины, выставили вперед трубки.

- Все! Кранты!!! - процедил Буба.

Двое остались стоять возле машины. Двое других медленно, не очень уверенно, даже с опаской стали надвигаться на затаившуюся троицу. Они еще ничего не видели. Но, судя по всему, они догадывались уже, что в кустах кто-то есть - и не просто кто-то, а прячущиеся, те, кто желает остаться незамеченными... Туристы приближались, тихо, словно вслепую, ошупывая подошвами башмаков каждый сантиметр под ногами.

Пак приподнял железяку. Указательный отросток клешни лег на спусковой крюк. Надо было бить, пока туристы находились в освещенном месте, потом будет поздно! И Пак уже почти нажал на крюк, как произошло нечто совершенно непонятное.

Оглушительный грохот разорвал тишину мирного городка. Не просто грохот - это было адское соединение рева, гула, лязга, дребезга, звона, треска... Словно само небо обрушилось или лопнуло. В глаза ударил свет. Что-то с невероятным напором вылетело из темноты на освещенную площадь, заливая ее снопами света.

И почти сразу же упали трое - те, что оставались у машины, и один из приближавшихся. Дернулись, переломились тела, их даже подбросило немного, прежде чем опустило на землю. Из машины полетели разбитые вдребезги стекла, сама она качнулась. Пак услышал свист пролетевших мимо пуль. И он не стал выжидать, он выстрелил прямо в лицо четвертому. Их разделяло не больше трех метров, и потому Пак не промахнулся. Четвертый вздрогнул, запрокинул голову, осел на землю.

Из-за машины было плохо видно, что происходит на площади. Но что бы там ни происходило, рисковать не стоило. Пак бросился на землю. Хреноредьев с Бубой уже лежали пластом.

Дьявольский шум, треск, лязг не смолкали.

Гурыня рванул рычаг на себя, выжимая из броневика последнее – мотор взвыл, машину затрясло. Скорость была бешеной. Преграда приближалась.

– Бага, сучонок! Жми гашетку!!! У-у, падлы-ы!!! У-у-у, полный вперед!!!

Ни один из них не слышал ни звуков очередей, ни ударов пуль о преграду – все! ее больше не существовало! труба кончилась! Мощнейшим ударом вышибив проржавевшие двери ангара, броневик вырвался на простор.

Гурыня стукнулся головой о переборку, потерял ориентацию. Но он вслепую притормозил, умерил ход машины – завизжали траки, задрезало железо под гусеницами.

Зато Бага Скорпион не сплюховал. В окуляры он сразу увидал, кто может доставить им неприятности. И неразбираясь, так саданул из крупнокалиберного пулемета, что троих туристов срезало мгновенно. Четвертый упал чуть позже. Для острастки Бага развернул башенку, не переставая палил – пусть впустую, сейчас главным было ошеломить возможного противника, потрясти его. Лопухий Дюк лупил из автомата в ночное небо – он ничего кроме него из своей бойницы не видел. Плешак Громбыла тоже выпустил очередь, но тут же опустил ствол. Стрелять было не в кого!

– А-а-а!!! Падлы! Всех перебью! Суки, заразы, чего смолкли!!! – взвыл бешено Гурыня. Он уже очухался и разворачивал машину к ближайшим домам. – Огонь, падлы!!!

Багу не надо было упрашивать. Он принялся стрелять по освещенным окнам, не разбирая, что к чему, зачем. Дюк и Плешак, отбросив страхи, поддались общему азарту.

– Вперед!!!

Гурыня вновь рванул рычаг. Броневик прошиб стену дома, выскочил через другую, крутанулся на месте, чуть не перевернувшись. И сразу же снова выехал на площадь.

– Огонь! Огонь!! Ни секунды им не давать! Огонь, падлы!!!

Гурыня видел, как выскакивали из домов туристы – голые и полуголые, как они бросались во тьму, но бежать им было некуда, всюду их настигали пули. Туристы падали, корчились, ползли, все еще цепляясь за жизнь. Три дома уже горели, занимались и еще два, соседних с ними.

Броневик, порождением самого Сатаны, вертелся посреди площади, сея по всей окрестности смерть, ужас, панику. В воздухе стояли вопли, стоны, плач, чей-то безумный смех.

Откуда-то слева выскочили еще две машины с туристами в синих форменках. Они ринулись наперерез броневику. Но Гурыня и не пытался ускользнуть от этих жалких преследователей на их жалких полуоткрытых машинах. Он все отлично помнил! Он помнил, как его самого срезала очередь из броневика, в котором сидели туристы, срезала там, в развалинах, когда он их вел к опутанному Чудовищу, когда он ждал награды и похвалы, а его изрешетили чуть не в упор, изрешетили, высветив мощными прожекторами. Нет, он все помнил! И он не был слонтяем, он знал, как надо мстить! Он резко развернул броневик – и одну за другой смял машины вместе с сидящими в них. Ни малейшей жалости не промелькнуло в его душе.

– Вперед! Штурм! Натиск!!!

Разгромив еще три дома, но уже по другую сторону, броневик остановился напротив того места, где были убиты первые туристы в синем. Гурыня крикнул назад:

– Дюк, Плешак – быстро наружу! Бага, прикрывай их! А ну, парни, проверьте-ка вон те кусты, что-то они мне не нравятся! Ну! Живо, падла, живо!

Лопоухий Дюк и Плешак Громбыла выскочили наружу. Их трясло одновременно от страха и от азарта, от жадности действий, они вкусили от плодов безнаказанной и кровавой потехи, они были готовы на все! А Плешачок, хилый Громбылка, и вовсе был в экстазе, он был готов тут же отдать жизнь за героя, вождя, предводителя ватаги, за самого Гурыню! Погибнуть, лишь бы на его глазах, в этом сказочном упоении, на этом яростном взлете! Они выскочили и бросились к кустам, не переставая палить.

Бубе оторвало последнее ухо и ноготь на мизинце ноги – сапога он так и не успел натянуть. Но Буба вовсе не собирался помирать. Он прополз в палисадник, потом через маленький садик на задворки. Там все польхало. Тогда Буба встал в полный рост и побежал к большому зданию. Он позабыл про все и про всех. Пусть калечат друг друга, пусть сжигают, уродуют, убивают, а он залезет на крышу этого местного небоскреба, упадет на жестяную кровлю, в том месте куда не долетит нико

гда ни одна пуля, заткнет дырки ушей пальцами и будет лежать, пока все это не кончится!

Буба бежал, не разбирая дороги, наступая на трупы и на еще живые тела, на булыжники, обломки, вывороченные внутренности... Он бежал – у него была цель.

А Пак лежал на прежнем месте, выставив трубку. Он уже расстрелял трех беззащитных жильцов, выпрыгнувших из горящего дома. Ждал, когда можно будет достать следующих.

Он так и не разобрался, что же происходило. Но теперь ему было все равно. Он знал, что погибнет или попадет в зоопарк, в клетку. И он старался утащить на тот свет за собой как можно больше этих подлых охотничков, их жен, детей, неважно, все виноваты! Пускай все отвечают! Они там не миндальничали в поселке!

От грохота и рева Пак совсем оглох. Хреноредьев лежал, не поднимая головы, стонал, рыдал, клялся, божился. Толку от него не было, только воздух портил.

Когда из броневика выскочили две странные и чем-то знакомые фигурки с пулеметами наперевес, Пак не удивился. Мало ли что может происходить в этом сказочном мире! Может, это вообще не мир никакой, не реальность, может это опять мудрец-карлик их испытывает! Ему что в своей берлоге! Ему там хорошо! А как здесь пришлось бы?!

Пак злился. Но вместе с тем он был как-то странно, рассудочно спокоен! Он уже не мог уловить ту грань, что отделяла все придуманные миры от настоящего, наваждения от яви. И все-таки фигурки были знакомы.

Одну из них, круглоголовую и лопухую, Пак сбил почти сразу – она рухнула за семь или восемь метров. Вторая подбежала ближе и Пак узнал... Но было поздно. Нападавший выпустил очередь прямо по земле, по лежавшим. Одна пуля зацепила Пака, прошла ему плечо. Он встрепенулся и... промазал. Еще очередь полосонула перед самыми глазами, взметывая фонтанчики песка вверх.

И тут Хреноредьев, смертельно раненый, с пробитой насквозь головой, дико заверещал, завопил, вскочил на ноги и вслепую бросился вперед. Видел ли он в этом своем прыжке убийцу или уже нет, был ли он пока в рассудке или же дернулся в припадке агонии... неважно. Хреноредьев с лету обрушился всей тушей на врага, опрокинул его, подмял. Что-то острое вышло сквозь его толстую и багровую даже в темноте шею.

Пак лежал, морщился от боли, потирал плечо. Теперь он точно знал, кто стрелял. Он подполз поближе к трупу Хреноредьева. Да, он не ошибся – под многопудовым телом трепыхался еще живой, но хилый и беспомощный Плешачок Громбыла, один из поселковых парней, тихоня и нелюдим. Пак видел и другое: Плешак мог бы извернуться, выскользнуть из-под расплывшегося тяжеленного тела. Но его острый и длинный клвов-долото пробил Хреноредьеву шею насквозь. И вытащить теперь собственного носа из трупа поселчанина Громбыла никак не мог. Он дергался, елозил, сучил лапками, пищал, хлюпал и сопел. Но ничего не получалось.

Пак собрался было перевернуть тело Хреноредьева, помочь Плешаку выбраться. Но вдруг подумал – а зачем? для чего? чтобы снова все это продолжалось? чтобы и еще кто-то придавил бы Плешака и сам бы погиб на этом острие, чтоб снова палил пулемет, для чего? Нет! Пусть все будет, как оно и есть.

И Пак прополз мимо умирающего, полу раздавленного Плешака, мимо трупа Хреноредьева, прополз, оставляя за собой кровавые капли на земле. Он твердо верил в то, что второй раз на обитай смерти ему не вырваться, что на этот раз он влип накрепко! Но он полз. Он хотел умереть не посреди улочки, а среди кустов, на траве – на настоящей зеленой, мягкой, вкусно пахнувшей траве, которую он увидал впервые в жизни в этот свой последний день.

Чудовище видело все – от начала до конца. Это было похоже на безумие. Какой ненормальный сидел в этом чертовом броневике?! Только сам дьявол мог вершить такое.

Когда на глазах у него двери ангара разлетелись в стороны, визжа, скрежеща, когда из тьмы выскочила наружу ревущая машина, Чудовище было готово броситься назад, в погреб, в земляной лаз, в трубные полости... Но что-то удержало его. Оно смотрело на происходящее словно замороженное, не могло пошевелиться даже кончиком щупальца. Не слышало, как что-то орал в самое ухо Хенк. Потом он убежал.

Чудовище увидело его через окно, на площади. Хенк как одержимый палил из своего пулемета по броневнику, потом он бросил одну гранату, другую. Обе разорвались, не причинив машине вреда, лишь заставив ее дважды вздрогнуть. Он стрелял до самого последнего мига, до тех пор, пока дребезжащие гусеницы не смяли его, не превратили в безжизненный, кровоточащий мешок.

Чудовище увидало двоих выпрыгнувших из люков. И оно все поняло. Это были поселковые парни, из ватаги Пака Хитреца, а может, из другой какой, но точно, поселковые. Нет, оно не могло сидеть на месте, не могло допустить этой кровавой и бессмысленной бойни. Это было сверх его сил. Оно рванулось к выходу.

- Не лезь, малыш! Не впутывайся в это дело! - голос Отшельника прорвал расстояния и преграды. - Это не твое дело, малыш!

- Отстань!

- Я не пущу тебя туда!

Чудовище вдруг почувствовало слабость - мышцы размякли, спина прогнулась. Оно упало на пол Щупальца, трепыхнувшись, застыли на кафеле плиток.

- Я не пущу тебя на смерть! Все равно ты никому не поможешь! Лишь себя погубишь!

- Я сам собой распоряжусь, - прохрипело Чудовище, - сам!

Оно напрягло все силы, собрало волю, заставило себя встать на колени, опираясь щупальцами о пол. Тело не слушалось. Но Чудовище превозмогло слабость, оно становилось сильнее собственного тела, собственных мышц, крепче собственного хребта и костей, прочнее собственных сухожилий и связок. Оно вставало.

- Биг, я тебя прошу, не лезь в это дело, - почти умоляюще проговорил в мозг Отшельник.

- Это мое дело!

- Наплюй! Забудь!

- Нет!

Чудовище встало. Оно бросило взгляд в окно - там бушевал сильный пожар. Броневики стояли возле огромного полупрозрачного дома, его пулеметы работали без умолку. Дом уже занимался снизу, его начинали лизать языки пламени. А пулемет все строчил и строчил. С верхних этажей сыпались обломки, со средних начинали выпрыгивать люди. Пламя разгоралось.

- Стой, Биг!

- Нет!

Чудовище почувствовало, что тело налилось силой. Оно рванулось к двери. Вышибло ее одним ударом. Выскочило наружу. Споткнулось, упало, перевернувшись раза три через голову. Но не остановилось. Тут же вскочило на конечности. И бросилось к броневнику, к пылающему дому.

Пожар становился все сильнее. Броневику заезжал то с одного края, то с другого. Теперь очереди били не в сам дом, а в людей, выпрыгивавших из окон. Крики раненых, горящих заживо были нечеловечески громкими, пронзительными.

В десять прыжков Чудовище подскочило к броневику. Но тот тут же подался назад, башенка развернулась – и грудь Чудовищу пробороздила очередь из крупнокалиберного пулемета. Пули попадали в незажившие раны, боль была лютой, непереносимой! Пули сыпались градом, но все в одно место, почти в одну точку, будто опытный и умелый стрелок задался целью пробить-таки непробиваемую толстую кожу. И он почти достиг своего – Чудовище чувствовало, что пули начинают проникать внутрь, что они вонзаются в кости, в мясо, пробивают вены... И оно прыгнуло в последний раз. Прямо на этот жуткий грохочущий ствол. Уже теряя сознание, оно уцепилось всеми щупальцами в самую башню, уперлось конечностями в броню машины, рвануло на себя – выворотило башню с корнем, вместе с сидящим под нею... и упало назад. Так и упало с зажатым в щупальцах бронированным колпаком на спине. Вороненый ствол воткнулся в землю, застрял в ней.

Бронированная машина, еле перебирая траками, наползла своим плоским брюхом на Чудовище, расплющила его, придавила. Нос машины задрался, застыл над придавленным. Но Чудовищу уже было все равно, кто на нем, что и сколько оно весит. Чудовище ничего не чувствовало.

Из раскоряченной машины выскочило наружу какое-то полубезумное, злобно шипящее существо с пулеметом в руках. Прямо с брони оно послало в пространство несколько очередей. Потом спрыгнуло наземь и, отстреливаясь от невидимого противника, побежало в сторону ангаров.

Свидетелей последней схватки Чудовища не было. Или почти не было. Пожар долизывал их тела.

Толпа зевак собралась значительно позже. Любопытствующие стали появляться, когда приехали с дальнего конца городка пожарные машины и пеной затопило половину местного небоскреба.

Зеваки стояли, судачили, давали советы, ругали пожарников, а заодно и власти. Это было неплохим развлечением.

Через полчаса огонь удалось усмирить. Но толпа не собиралась расходиться. Она глазела, как по длиннющим металлическим лестницам вытаскивают с верхних этажей раненых,

обоженных. Мертвых укладывали прямо на землю. Живых тут же увозили машины скорой помощи.

Лишь один из спасаемых никак не хотел даваться в руки пожарникам. Видно, спятил совсем, решили зеваки, не вынес ночного происшествия, рехнулся!

Он стоял на самом краю крыши. И ругал весь белый свет почем зря! Плевал вниз, показывал кулаки, кукиши. Был он длинный, мосластый, изможденный, весь покрытый синяками и ссадинами. Зеваки, даже почтенные старожилы городка, никак не могли узнать безумца. Да и откуда!

Ведь это был Буба Чокнутый. Снизшедшим с небес пророком парил он в светлеющей выси. Указующий перст упирался в облака. Лицо было исступленным, окаменевшим, горделиво застывшим. Только орал Буба совсем не по-пророчески. Он прямо-таки визжал, брызжа слюной, захлебываясь, пытаясь выкричать все сразу.

Но до зевак доносились одни обрывки:

– И придут судьи праведные и грозные... Кайтесь, подонки и негодяи! Все на колени! Нет! Поздно! Поздно!! Все вы недоноски и выродки! Не будет вам прощения! Точно, не будет! И никто к вам, дуракам, не придет! Понятно?! Потому что все вы тут недоумки безмозглые, кретины, олухи, дерьмом набитые!

Вампир обыкновенный.
Vampirus ordinarius.

ВАМПИРЫ И ОБОРОТНИ СРЕДИ НАС

Хроника, исследования.

На протяжении длительного времени вся информация о вампирах и оборотнях-вурдалаках была полностью засекречена. До сих пор нам неизвестно, где хранятся архивы государственных комиссий, занимавшихся расследованием особо важных дел. Когда будет снят гриф секретности? Кто первый возьмет на себя смелость осветить подлинные события? Много вопросов. Рассчитывать на "манну небесную", которая вдруг выпадет из верховных слоев на наши грешные головы, мы не можем. Не дождемся. И потому займемся расследованием сами.

Что опубликовано на сегодняшний день в открытой печати? Несколько дешевых книжочек, написанных шарлатанами и графоманами, отечественными и зарубежными. Этот мусор отмечаем сразу. И напоминаем, мы рассчитываем на читателя серьезного и вдумчивого. Перемывать старое белье сплетен и слухов, состряпанных на кухонном уровне, мы не станем. Есть несколько не заслуживающих добрых слов упоминаний объектов нашего исследования в научно-популярной литературе - и все с марксистско-ленинских позиций. Это нам тем более не годится. Хотя кое-кого из теоретиков и практиков упомянутых течений к ночи лучше не поминать. Что еще? Короткая заметка в энциклопедии "Мифы народов мира". Приведем ее полностью:

"ВАМПИР, в низшей мифологии народов Европы мертвец, по ночам встающий из могилы и являющийся в облике летучей мыши, сосущий кровь у спящих людей, насылающий кошмары. Вампирами становились "нечистые" покойники-преступники, самоубийцы, умершие преждевременной смертью и погибшие от укусов вампиров. Считалось, что их тела не разлагались в могилах, и прекратить их злодеяния можно было, вбив в тело вампира осиновый кол, обезглавив его и т. п. Оберегами против

вампиров служили также чеснок, железо, колокольный звон и др. В славянской мифологии – упырь."

Крайне мало. Практически никаких сведений. Но все же приведем коротенькую статью из упомянутой энциклопедии, посвященную упырю. Итак:

"УПЫРЬ, в славянской мифологии мертвец, нападающий на людей и животных, образ упыря заимствован народами Западной Европы у славян (см. Вампир). Согласно древнерусским поучениям против язычников, те клали требу (приношения) упырям и берегиням до того, как стали поклоняться Перуну. Согласно позднейшим поверьям, упырем становится после смерти человек, рожденный от нечистой силы или испорченный ею (ребенка-упыря можно узнать по двойным рядам зубов), умерший, через гроб которого перескочила черная кошка (черт), чаще – нечистый ("заложный") покойник, самоубийца, умерший неестественной смертью, особенно колдун. По ночам упырь встает из могилы и в облике налитого кровью мертвеца или зооморфного существа убивает людей и животных, режет высасывает кровь, после чего жертва погибает и сама может стать упырем; известны поверья о целых селениях упырей."

Негусто. Хотя радует признание советских ученых (у них подобное крайне редко бывает), что и народы Западной Европы у нас кое-что все-таки заимствовали, а то – все только мы, дескать, по миру побирались. Но – к делу. У дореволюционных ученых, исследователей материалов значительно больше, чем у нынешних "марксистов-теоретиков" и "марксистов-практиков" (иных категорий в нашей стране за редчайшим исключением нет, даже самые отъявленные нынешние "демократы-прогрессисты" взросли в недрах ортодоксального марксизма, сами его упрочили и погрязли в нем навечно, какие бы лозунги они сейчас ни выдвигали), материал этот значительно весомей, качественней. Между тем вампирология, как отдельная научная дисциплина, в РОССИИ не существовала – для титанов мысли и духа XVIII-XIX веков предмет сей был слишком мелок. Мы познако-

мим вас с основными изысканиями русской до-революционной науки в области вампирологии в следующих выпусках. А сейчас постараемся точнее определить предмет наших поисков. Для этого необходимо отрешиться от суеверий материалистического мировоззрения и попытаться самостоятельно (иного пути пока нет) снять те психостатические кодовые установки, что были заложены в сознание каждого из нас еще в школьные годы: в результате чудовищного беспрецедентного эксперимента, проводимого палачами-вивисекторами над нашим Народом, значительная часть мозга каждого из нас была просто отключена, эта часть не участвовала в мыслительных процессах. Полностью превратить нас в бессмысленных, бездушных роботов экспериментаторам-расистам не удалось. Теперь все в нашей воле – восстановим ли мы себя или нет, все зависит от нас. Ни один кодовый психобарьер не бывает вечным, об этом говорят случаи крайнего кодирования и декодирования, в частности, опыты проводимые с так называемыми "зомби", которым удается вернуть человеческую сущность. Повторяем, для проникновения в таинства окружающего нас мира необходимо предельное сосредоточение, ибо в обычном тексте заключается несколько слоев информации, не воспринимаемых одновременно, в результате разового прочтения. Помимо этого в кодированных психотекстах содержится значительная доля гиперинформации, подаваемой в виде образов-квантов, концентрированными порциями. Гиперинформация воспринимается исключительно на уровне сверхсознания.

Но начнем с начала, с первых ступенек циклопической лестницы, по которой нам предстоит взойти к Престолу.

Начнем с прямого, неприкрытого утверждения:

Вампиры и вампиризм, вопреки навязываемым нам марксистско-иудаистическим догмам, существуют, это факт, это объективная реальность как нашего, так и потусторонних миров.

Упрощенная классификационная схема выглядит так:

1. Животные-вампиры. В эту группу входят "вампиры" из семейства летучих мышей, сосущих кровь и основном из крупного рогатого скота, американские листоносы, которых называют "ложными вампирами", пиявки обычные и прочие животные-кровососы. Интерес представляют, пожалуй: лишь вымершие еще в мезозое гигантские головоногие моллюски-вампироморфы, имеющие сходство с нынешними кальмарами. Судя по всему чудовищные вампироморфы вымерли вместе с динозаврами, единственными носителями достаточных для насыщения "бурдюков с кровью", все остальные животные для вампироморфов были слишком мелкими. В настоящее время заметна явная деградация кровососущих животных, сходжение на нет популяций низшего подвида вампиров. И поэтому в дальнейшем мы не будем возвращаться к вампирообразным представителям животного мира.

2. Псевдовампиры. В эту группу входят носители психопатологий, люди, страдающие психическими расстройствами, считающие себя вампирами. Прежде всего подобными больными движет навязчивая, бредовая идея, заключающаяся в том, что все виды пищи для организма субъекта-псевдовампира губительны, что для поддержания жизненных сил ему необходима свежая теплая кровь, высасываемая непосредственно из вен и артерий жертвы. Мы не будем углубляться в изучение психопатологий, выискивать причины заболевания, отметим лишь, что подобное заболевание встречается довольно-таки часто. Но не всегда оно проявляется открыто, зачастую болезнь носит скрытый характер - окружающие не подозревают, что изо дня в день они общаются с псевдовампиром, что им может грозить опасность... Как правило скрытные или тайные вампиры хорошо владеют собой, умело скрывают свои подлинные чувства и намерения. Псевдовампир может прожить всю жизнь и не причинить никому ни малейшего вреда. Однако стечение обстоятельств может привести к острой фазе болезни, к кризи-

су – в этом состоянии, когда патологическая мания полностью овладевает сознанием больного, последний становится крайне опасным для общества. Жертвами "пробудившегося" псевдовампира становятся в основном не коллеги и не домочадцы, а случайные люди – прохожие, проститутки, обессиленные алкоголики и наркоманы, гомосексуалисты, искатели ночных приключений и – довольно-таки часто – любовники или любовницы. Мания не подавляет полностью в мозгу больного инстинкта самосохранения, наоборот, иногда усиливает – и от этого псевдовампир становится невероятно хитер, ловок, изворотлив. Казалось бы, больной, обреченный человек – и тем не менее, он способен в течение недель, месяцев, а иногда и долгих лет обводить вокруг пальца целые команды сыщиков-следователей, не говоря уже про специалистов-психиатров.

Сейчас вряд ли удастся долго скрывать тот непреложный факт, что подавляющее большинство убийц-насильников, совершивших десятки кровавых преступлений, лишь для сокрытия истинного положения дел представляются обществом "сексуальными маньяками". Элемент сексопатологии безусловно в их действиях присутствует. Но основной побудительный мотив совершения преступлений – вампиризм, этого уже не скрыть. Мы надеемся, что в самое ближайшее время следственными органами будут рассекречены и опубликованы подлинные статистические материалы. А пока скажем, что псевдовампир и вампир-больной в острой фазе внешне абсолютно не отличаются от обычных людей, распознать таковых по каким-либо физическим признакам невозможно. Синдромы болезни, тяга к насыщению организма кровью жертвы проявляются исключительно в ночное время, когда больной становится неуправляем, когда он, покинув дом или иное пристанище, отправляется на поиски жертвы. В отличие от подлинных вампиров больной человек, псевдовампир, практически никогда не использует в качестве режущего и колющего инструмента собственные зубы. Набор инструментов псевдовампира прост и незатейлив: бритвы, ножи,

ножницы, реже – пилы, клещи, топоры. Даже в состоянии аффекта псевдовампир не может перегрызть сонной артерии – в силу неразвитости челюстного аппарата и неприспособленности к неординарным ситуациям больной-псевдовампир идет путем имитации действий подлинного типического вампира. Но не следует представлять себе, что все, страдающие вампиризмом и той или иной степени, представляют угрозу для окружающих. Чтобы пресечь домыслы и ложные слухи, следует сказать прямо: подавляющее большинство (до 97,5%) псевдовампиров даже в критические моменты своей жизни, во времена острейших приступов, сохраняют способность управлять собственным телом, контролируют себя или пытаются нейтрализовать патологическое влечение иными способами. Для одних это длительные запои, уход из реальной жизни. Для других – самопогружение, самоизоляция на некоторое время, до истечения кризисного периода. Чаще выход бывает следующим: больные в качестве жертвы избирают животных – собак, кошек, голубей, кур, нутрий, свиней, лошадей, коров и даже крыс, мышей. Как правило все происходит за закрытыми дверями.

Псевдовампир вскрывает вены животным, высасывает содержимое – на какое-то время наступает облегчение, болезнь отходит. Тушка животного употребляется в пищу, она уже не считается больным "губительной", "ядовитой".

В Средневековье основной частью сожженных, утопленных, замученных "ведьм", "колдунов" и "оборотней-вампиров" были именно лица, страдающие в той или иной степени болезнями психики. Настоящим же, подлинным носителям inferнальной сущности почти всегда удавалось выходить сухими из воды. То же самое наблюдается и в настоящее время. Почему так происходит? Больной не обладает сверхъестественными способностями, рано или поздно он выдает себя. Подлинный вампир способен на полнейшую маскировку под рядового, обычного человека, и лишь в крайних случаях он бывает вынужден скрываться в психиатрических лечебницах, выдавая себя за псевдовампир, за обычного больного, страдающего навязчивой

манией и, как правило, явно идущего на поправку. В подобном характернейшем явлении – вампиромимикрии состоит невероятная сложность самого розыска-исследования. Мы коснемся данного момента позже. Сейчас лишь отметим, что вопросы псевдовампиризма – удел соответствующих специалистов, врачей-психиатров, социологов. Мы сообщаем обо всем этом для полноты картины. Но детально остановимся мы исключительно на третьей группе: подлинных вампирах-оборотнях, представителей inferнальных миров, ночных выходов из иных потусторонних измерений, а также людях или, точнее, человекообразных, которые в результате внедрения в них inferноносителей, сращивания с inferносууществами, приобрели основные признаки и функциональные особенности вампиров.

В обзорной части нашего труда мы рассмотрели две группы вампиров – низшую и среднюю. Напомним, что в первую входят вампиры-животные (летучие мыши, листоносы, пиявки, моллюски-вампироморфы), во вторую – люди-псевдовампиры (в подавляющем большинстве психически больные, патологические особи, одержимые навязчивой манией кровососания). Мы вынуждены были дать эту упрощенную классификационную схему для того, чтобы в дальнейшем проводить четкое разграничение между людьми-псевдовампирами и вампирами подлинными. Последние также неоднородны, об этом говорит не только статистика, но и весь опыт человечества. Мы остановимся на четырех основных подгруппах, не вдаваясь в более сложное деление и членение, так как многое еще сокрыто завесой тайны.

Первая подгруппа; воскресшие, псевдовоскресшие или находящиеся в зомбиальном состоянии заложенные ("нечистые") покойники, а также транслетаргические, иначе говоря, осуществляющие связь с загробным миром при посредстве сна-псевдосмерти, индивидуумы.

Вторая подгруппа: человеческие особи, в которых вселились вампироморфные inferносуущества, иными словами – гибридные хомо-вампиры;

Третья подгруппа: вампиры-оборотни или вурдалако-вампиры – инферносущества, способные принимать облик человека, животного, монстра;

Четвертая (основная) подгруппа: инферно-вампиры – обитатели иных измерений потусторонних миров, являющиеся на Землю в своем натуральном облике.

Наша задача – разобраться с основными видами вампирообразных инферносуществ, попытаться уяснить их образ жизни, физические и психические особенности. (От редакции. В одном из "демократических" изданий было высказано абсурдное обвинение в адрес наших авторов, которые будто бы подразумевают под инферносуществами "евреев и инородцев". Разумеется, это типический бред, свойственный многим нынешним обличителям-перестройщикам, которые уже не знают, за что им зацепиться, которым антисемиты и погромщики мерещатся под собственными кроватями, но которые сами по своей сути являются и антисемитами и национал-узурпаторами. Об интеллектуальных способностях подобных писаков говорить не приходится – творческая, научная, художественная, исследовательская мысль этим обличителям просто-напросто противопоказана, их уровень это базарные сплетни и перемывание грязного белья. Что же касается евреев, "инородцев" и всех прочих смертных, населяющих нашу планету, скажем прямо, никому из них не даны сверхъестественные функциональные особенности. Сравнить смертного с инферносуществом – полнейшая нелепица. Другое дело, что инферносущество может вселиться практически в любого смертного, какой бы тот ни был национальности. Но здесь лучше вернуть слово специалисту.)

Представители первой подгруппы наиболее близки и знакомы нам – в основном из сказаний, преданий и всевозможных страшных историй, передаваемых от очевидца рассказчикам-слушателям с последующими всевозможными, порою невероятными – искажениями. Что же такое "заложный покойник" с точки зрения современной науки? В первую очередь – это чело-

век, не доживший до своей естественной смерти, то есть индивидуум, чья жизнь оборвалась внезапно, в чьем теле еще сохраняется или сохранялся основательный запас потенциальной энергии. Умерший в собственной постели старец не может стать упырем-вампиром, он изжил свое тело, свои возможности, его ждет покой до самого Вечного Суда. Но всякий ли утративший жизнь в расцвете сил и лет обязательно становится жертвой потусторонних воздействий и превращается в псевдоживое существо, смертельно опасное для живых? Разумеется, нет! Множество людей умирает или погибает задолго до своей естественной смерти: на полях сражений, в катастрофах, под ножами хирургов, от рук бандитов. Как правило в таких случаях смерть сопровождается или бессознательным состоянием или же невероятным напряжением, даже взрывом всех нервных, физических и психических сил - человек уходит на своем излете, на пределе, в точке максимума максимума. Это одно обстоятельство, наверняка являющееся для инфернальных сил существенным препятствием к завладению телом умершего. Механизм это феномена пока еще изучен недостаточно, это белое пятно, которое ждет своих кропотливых исследователей, но факт остается фактом, и мы можем лишь принять его как некий реально существующий закон взаимодействия сил нашего мира и сил потусторонних. Второе обстоятельство в том, что тела вышеперечисленных покойников захоранивают на кладбищах. Останки погибших и умерших находятся под защитой креста, выражаясь современным научным языком, в заэкранированной зоне, практически недоступной, для силовых воздействий из иных измерений. Защитные функции христианской обрядности малоизученны. Дарованная свыше система защиты от инферносуществ, точнее целый комплекс всевозможных приемов защиты, передавались из поколения в поколение, отлично себя зарекомендовали, работали безупречно, но архитектоника самой защитной системы и механизм ее действия никогда не подвергались последовательному анализу. Мы не берем на себя смелость вести изыска-

тельские работы в данной области, ибо неумелым вмешательством зачастую можно нарушить баланс незримых и сверхъестественных в нашем понимании связей. Воспримем же второе обстоятельство также как и первое – как факт, как реалию бытия: захоронение на кладбище в основном гарантирует неприкосновенность тела покойника, и что интересно, в том числе покойника, скажем, бывшего при жизни атеистом, неверующим, грешником... Другое дело покойники иного рода – заложники. И снова мы сталкиваемся с двумя обстоятельствами, но уже обратными. Заложными покойниками становятся в первую очередь самоубийцы, колдуны, ворожеи, убийцы, палачи, а также люди, умерщвленные вампирами. Покойники такого рода не могут быть захоронены на христианском кладбище, их тела предаются земле вне защищенной, заэкранированной от инферпополей зоны. Трупы заложных покойников находятся в пределах первичной досягаемости из иных измерений или, выражаясь иначе, в пограничных зонах между так называемыми "этим светом" и "тем светом". Нет ничего удивительного в том, что именно они становятся объектами воздействия извне. О втором обстоятельстве внимательный читатель уже догадался: люди, становящиеся заложными покойниками уходят из жизни вовсе не на взлете, а наоборот, в минуты величайшей непостижимой депрессии, когда внутренняя психоэнергия приближается если не к нулевым отметкам, то к минимуму миниморуму. Для колдунов и ворожей этот процесс происходит в результате полного истечения регулярно заимствуемой из живых людей "белой энергии" и абсолютного возобладания внутри индивидуума сконденсированной "черной энергии", рано или поздно убивающей ее носителя. Депрессивное состояние самоубийц не требует специальных разъяснений, именно оно, а не внешние раздражители, и ведет носителя к трагической развязке. С убийцами и палачами дело обстоит несколько сложнее, у них нарастание депрессивных полей идет совершенно незаметно для окружающих, в одной фазе с обеспечивающими прекрасный тонус вита-полями. Но

одновременный взлет, образно выражаясь, плюса и минуса, положительного и отрицательного, обязательно приводит к внутреннему срыву, иногда даже в преклонные годы – кадавры подобных старцев, в отличие от скончавшихся миром, перенасыщены энергетическими полями, они дают как бы встречный энергетический пучок в инферно, как бы выходят на связь сами. Завладение телами тех, кто становится жертвами упырей, происходит уже в момент прокуса артерий полыми зубами вампиров. Здесь нет как такового "заражения", инфицирования, все обстоит значительно сложнее, видимо, на уровне слабых сверхпространственных связей, малых открывающихся из мира в мир туннелей-окон. Усугубляется положение и тем, что в процессе истечения крови из жертвы, после первого испуга, напряжения, взлета психического и нервного, наступает депрессивное состояние, столь, как мы выяснили, излюбленное для инферносуществ. Странно? На первый взгляд может показаться – не только странно, но и непонятно, необъяснимо. Между тем все законы Мироздания как правило достаточно просты. Перетекание и ход энергий происходят точно также как и в доступных нашему пониманию случаях: электрический ток порождается разностью потенциалов, плюсом и минусом, катодом и анодом... Психотоки – явление значительно более сложное, но и их движение можно проследить: резкое снижение вита-поля (депрессия) вызывает при отсутствии защитного экрана не менее резкий приток инфернополей, всплеск в нашем пространстве (или в пограничных зонах) инферноэнергий. И наоборот. Все кажется нам необычным и сверхъестественным лишь до тех пор, пока мы не разберемся детально с этим "необычным".

Но не будем столь самоуверенны, ибо не знаем мы во много крат больше, чем знаем, и наш познанный мирок – лишь чахлая хвоинка в бескрайней тайге, а сама тайга эта – легкий пушок на жгутике микроклетки-корпускулы, из миллиардов которых состоят микроядра бесчисленных атомов-ячей Неведомого, которое в свою очередь, всего-навсего невидимая пылинка, за-

терявшаяся у подножия уходящей в немыслимые выси скалы – основания Престола Создателя.

Мы сталкиваемся с иными мирами только тогда, когда до нас дотягиваются почти неощутимые протуберанцы из них. Но даже столь легкое воздействие повергает нас в ужас, по той причине, что мы абсолютно не подготовлены к контактам разного рода, мы замкнуты в догмах примитивнейшего первобытного антропоцентризма.

Слабейший всплеск инфернополей – это есть тот неощутимый нами протуберанец, который поднимает из могилы заложного покойника, оживляет его своей потусторонней энергией на какое-то короткое время, преимущественно ночное, темное (здесь опять эффект поляризации, феномен "плюса-минуса"), отправляет на поиски жертвы, столь необходимой по каким-то еще скрытым для нас причинам. И все-таки по чисто человеческим меркам этот энергетический всплеск достаточно мощен, коли он придает недвижному, остывшему телу силы, достаточные для того, чтобы разломать гроб, разворотить могилу (или сдвинуть каменные плиты склепа), выбраться наружу, сокрушая все на своем пути. Согласитесь, обычному живому человеку, даже незаурядной силы, вряд ли бы удалось подобное. Известны случаи, когда слабые, нежные и беспомощные при жизни девушки-утопленницы, найденные и захороненные вдали от поселений, разрывали руками железные решетки, которые накладывали на них сверху под слоем земли и камней, разбрасывали валуны, вырывали огромные старые корни и выползали наружу. Что за сила двигала их хрупкими телами?! Почему их не могли остановить ни осиновые колья, вбитые в тела, ни самые непреодолимые преграды?! Замурованные в стенах пробивали несокрушимую каменную кладку, залитые бетоном проходили сквозь него словно сквозь воск, сброшенные в морские глубины с чугунными ядрами на шее, всплывали наверх... Магьярские хроники XIII-го века повествуют нам о жуткой судьбе графа Варгоши, садиста и прелюбодея, спровадившего на тот свет около

полутора тысяч несовершеннолетних девиц и покончившего с жизнью самоубийством во время разнузданной ночной оргии в собственном замке. Варгоши был отлучен от церкви, предан анафеме, все упоминания о нем подлежали уничтожению. Труп Варгоши, покрытый необыкновенными пунцовыми язвами, прорвавшими позеленевшую кожу сразу после кончины, связали серебряными и бронзовыми цепями, запаяли их, поместили в дубовую бочку, залили ее кипящей смолой, сверлу облили листовой медью, склепали швы, еще раз окрутили уже железными цепями толщиной в руку взрослого мужчины, затем бросили на дно сорокаметрового каменного колодца (колодец был значительно глубже, но во время эпидемии чумы, свирепствовавшей за два десятилетия до описываемых событий, в него бросали трупы умерших от этой беспощадной болезни и заливали их кислотами и щелочью), сверху на кованную бочку вылили два чана расплавленного олова, заполнили доверху колодец водой, каменную кладку намертво забили распорной чугунной заглушкой. В радиусе до семисот метров через каждые два шага вбили в землю на глубину от полуметра до метра острые осиновые колья. Население окрестных городков и сел вздохнуло с облегчением, люди воспряли после кошмарного чудовищного "сна", были возобновлены работы на полях, в садах, вновь стали играть первые свадьбы, праздновать христианские празднества... Но уже на сороковой день после кончины графа-садиста, а точнее, на утро после сороковой ночи с памятной всем оргии, во дворе местной сельской церквушки прихожане обнаружили семь изуродованных женских трупов со следами насилия на теле и пунцовыми язвами на позеленевшей коже, шеи у мертвых были прокушены насквозь. Церковная ограда была согнута, сломана, кресты сбиты, повалены – по всей видимости, несчастные искали спасения в единственном надежном месте. Но ничто их не спасло. Поселяне, бросившиеся к колодцу, обнаружили, что земля вокруг него будто порота гигантским плугом по спирали на многие сотни метров, колья повалены, расщеплены.

Когда сняли заглушку, выяснилось, что вода полностью ушла вниз, в образовавшиеся пустоты, брызги и ошметки застывшего олова еще долго находили по всей округе. Часом позже в собственном доме обнаружили местного священника. Он был мертв. Его горло сдавливала тяжелая железная цепь, та самая, которой обматывали бочку с трупом графа. Крест на груди священника был расплавлен и представлял из себя сгусток стекавшего по груди серебра. Еще через семь дней во время небывалой грозы треснул от удара молнии, а затем рассыпался на камень старый замок. В течение сорока дней люди видели голубое свечение над ним. По заявлениям очевидцев – это воспаряли к небесам души невинно убиенных в замке. И все же проклятье висело надо всей округой еще целых четыре столетия – не проходило ночи, чтобы из близлежащих селений и городков не исчезал кто-либо. Колодец уже давно провалился, на его месте образовалась уродливая глубокая трещина. Со временем она заросла мхом, кустарником – место стало неузнаваемым. Но страшные дела все еще продолжались. Трудно даже представить себе, какой невыносимый всплеск "черной энергии" из иных измерений вызвала бурная жестокая деятельность графа-садиста Варгоши, трансформировавшегося после смерти в одного из самых лютых вампиров-упырей, каковых только знало человечество.

Однако в подавляющем большинстве случаев вампиры первой подгруппы, то есть воскресшие заложные покойники, ведут себя не столь вызывающе, напротив, они крайне осторожны и предусмотрительны, они стараются не оставлять следов, они набрасываются на жертву лишь в том случае, если абсолютно уверены, что их не видят, не слышат, что они в полной безопасности. Вероятно, сами инфернальные силы заинтересованы в размеренном, рассчитанном протекании процесса перехода типа "тот свет – этот свет". Заложный покойник ничем не отличается от обычного человека. Землистый цвет лица легко объясняется различными телесными заболеваниями. Резко сужающиеся на свету зрачки и закатывающиеся глаза также объяс-

нимы с медицинской точки зрения. Свою исполнинскую, нечеловеческую силу вампиры этого рода как правило не демонстрируют в людных местах и при свидетелях, единственное, что может их выдать – два ряда зубов, характернейшая примета воскресших под воздействием инфернальной энергии заложенных покойников, а также слегка увеличенные верхние и нижние клыки с еле различимыми отверстиями. Клыки эти имеют трубчатое строение. Феномен высасывания крови из жертвы до сих пор необъяснен. Упыри не глотают кровь, как это может показаться, не пьют ее горлом, а выщипывают через свои полые зубы-клыки. При этом кровь не задерживается в теле заложенного покойника. В XVI-ом веке во Франции был убит двадцатью серебряными пулями попавшийся в засаду вампиро-упырь Реми Лоран по прозвищу Последний Поцелуй. До этого на глазах у всех в считанные секунды он обескровил загулявшую парочку, юношу и девушку лет восемнадцати. В теле вампира не было обнаружено ни капли крови, даже в его собственных венах и артериях оказались лишь черные запекшиеся сгустки. Подобных случаев было достаточно. Около полутора лет назад жители одной из северных российских деревень буквально разодрали на куски ослабевшего при утреннем свете упыря, загрызшего троих детей. Ни капли жидкости не пролилось из подвергшегося самосуду заложенного покойника. Дело замяли, засекретили.

Куда же девается высасываемая из жертв кровь?! Это одна из самых любопытных загадок. Надо думать, что если во время и после переходного процесса ее не остается здесь, на "этом свете", следовательно, она перетекает каким-то образом, через каналы-окна, в другое измерение. Следовательно, она там кому-то или чему-то для чего-то нужна. Чем ближе мы сталкиваемся с проблемой, тем больше вопросов она ставит перед нами.

Все, о чем говорится в нашем труде, не должно ни в коей мере напугать или потревожить нашего добропорядочного читателя. Рядовой человек, тем паче прихожанин Православной Церкви, всецело исключен из сферы влияния

заложных покойников. Существуют особые законы, по которым к проклятым оскверненным местам как магнитом притягивает людей, являющихся потенциальными жертвами, лиц с неустойчивой психикой, подверженных приступам истерии, неуравновешенности, страдающих маниями преследования или гнетом страждущей совести за совершенные преступления и проступки. В первую очередь жертвами вампиров становятся женщины, обладающие повышенной сексуальной возбудимостью, ищущие острых ощущений, новых неизведанных чувств - очаги "черной" инфернальной энергии притягивают таковых к себе, остальное происходит по хорошо всем известному сценарию: неожиданная встреча с "интересным мужчиной" демонической наружности, поцелуи во мраке ночи, объятия, бушующие страсти... обескровленный изуродованный труп, следственная бригада, допросы, первый попавшийся безответный похмельный алкоголик, который ничего не помнит и берет вину на себя, тюрьма или расстрел. Подлинный виновник, вампир-упырь, практически неизловим, он всегда уходит от преследователей (существует версия, что далеко не всякое должностное лицо возьмет на себя смелость тягаться с заложным покойником, многие просто закрывают глаза на очевидное).

Но достаточно теории. В следующих номерах мы более подробно расскажем нашему читателю о конкретных случаях и злодеяниях, творимых вампирами-убийцами в прошлом и настоящем.

От автора. Прежде чем мы вернемся к нашим исследованиям, дорогой читатель, мне хотелось бы сделать одно очень важное, по крайней мере для меня, заявление. Восемнадцать с половиной лет мне довелось самым серьезным образом заниматься кропотливым изучением оккультных наук, черной и белой магии, теоретического и прикладного колдовства. Любой предмет исследования полностью и безоговорочно затягивает и себя настоящего исследователя, заставляет жить собою, затмевает все вокруг. И все же очевидного не ута-

ить – оккультизм в своей основе базируется на поклонении силам зла, дьяволу, в какие бы одежды он не рядился. Особенно это заметно сейчас, когда кабалистика, как разновидность сатанизма, захлестнула весь мир и в первую очередь нашу страну, когда мы падаем в пучину безверия и поклонения бесам. Познав таинства Черной Энергии и убедившись в ее чудовищном воздействии на людские души, я заявляю, что слагаю с себя звание бакалавра оккультных наук, обрываю все связи со служителями Зла и обязуюсь посвятить остаток жизни разоблачению основной религии современности, отравляющей умы миллиардов землян, – сатанизма. Подавляющее большинство из вас, даже не подозревая о том, ежедневно совершает языческие обряды поклонения дьяволу во всех его ипостасях – а управляют вами и заставляют вас отрекаться от Бога жрецы дьявола, ставшие в наше время подлинными правителями мира. Жрецам этим имя легион, они всюду – от высших эшелонов власти до детских садов и ясель, в их руках средства массовой информации, здравоохранение, образование... Отринув от себя Бога, мы отдались сами во власть бесов. Участь наша страшна. И все же я не теряю надежды, что перед неминуемым Концом незначительная часть гибнущего человечества прозреет и сумеет спасти свои души для будущей Вечной Жизни. Я призываю всех вас: опомнитесь, исторгните из сердец своих сатанинский яд, впрыснутый жрецами дьявола, обратитесь к Богу – и к вам придет Спасение!

В этой части нашего исследования мы рассмотрим конкретные случаи криминальной и криминальной деятельности антропоморфных вампиров-упырей первой группы. Напомним читателю, что в эту подгруппу входят воскресшие, псевдовоскресшие или находящиеся в зомбиальном состоянии заложные (нечистые) покойники, а также транслетаргические, иначе говоря, осуществляющие связь с загробным миром при посредстве сна-псевдосмерти, индиви-

дуумы. Подгруппа эта весьма обширна, зачастую она не имеет четких границ на стыках как с псевдовампирями-людьми, так и с инферновампирами. Для того, чтобы избежать путаницы на первых порах мы не будем рассматривать пограничные слои подгрупп. Приведем лишь очень короткий пример "двойного" вампиро-упыря. Речь пойдет о римском императоре Клавдии Нероне Тиберии, который правил Империей с 14 до 37 года с Рождества Христова. В данном индивидууме сочетались свойства двух подгрупп: с одной стороны он был клиническим патологическим псевдовампиром, то есть, обычным смертным, страдающим навязчивой манией кровососания, с другой - устойчивым летаргиком, периодически впадающим в сон-смерть и за счет этого черпающим отрицательную энергию из иных измерений (загробного мира). Несмотря на всю врожденную и благоприобретенную жестокость, а также такие черты, как недоверчивость, подозрительность, садизм, мнительность, лицемерие, предельная развращенность. Тиберий не отличался масштабностью своей вампирической деятельности (ведь при его абсолютной власти плюс болезни могло произойти непоправимое). В зрелые годы Тиберий сам прогрызал артерии юных девушек во время разнузданных ночных оргий, высасывал кровь, пьянея от нее больше, чем от вина. Свидетельств тому, что он поощрял к подобным действиям своих подданных соучастников у нас нет, можно лишь догадываться о размахе кровавых празднеств. К старости Тиберий сильно сдал, ослаб от развратной жизни, потерял все зубы, волосы... Однако от своих вампирических привычек он

отказаться уже не мог. Ежедневно, утром и на ночь, ему подавали два больших (до полутора литров) кубка со смесью женского молока и крови двенадцатилетних девочек, которым вскрывали артерии непосредственно перед наполнением кубка. В течение дня Тиберий неоднократно принимал ванны в той же смеси, подогретой до сорока-сорока пяти градусов по Цельсию. Заключившись на тщательно охраняемом острове в Средиземном море, окруженный телохранителями-преторианцами, Тиберий уже не помнил о государственных делах, ко всем его патологиям прибавилась еще одна - безумная маниакальная жажда бессмертия. Тиберий страшился не самой смерти, а тех страшных наказаний в загробной жизни за собственные чудовищные злодеяния. Эта жажда обрекла на смерть тысячи (может быть, и десятки тысяч) юношей, девушек, младенцев, как как Тиберий верил, что лишь постоянное питье "молодой" крови может его омолодить. Тиран просчитался жестоко. И захлебнулся в крови своих жертв. Как водится, слуги дьявола, покровительствовавшие ему при жизни, выжав своего "протезе" словно губку, бросили его, обрекли на вечные муки. Видимо, неслучайно Пришествие и Подвиг Христа пришлись именно на этот период - на период правления императора-вампира, ибо Добро и должно было проникнуть на Землю, когда на ней царил самый густой и ужасный мрак, а не тогда, когда на ней бывали светлые случайные промежуточные эпохи. Можно лишь гадать о напряженности и направленности инфернополей того времени - зафиксированы они по понятным причи-

нам не были. Но это были огромные величины.

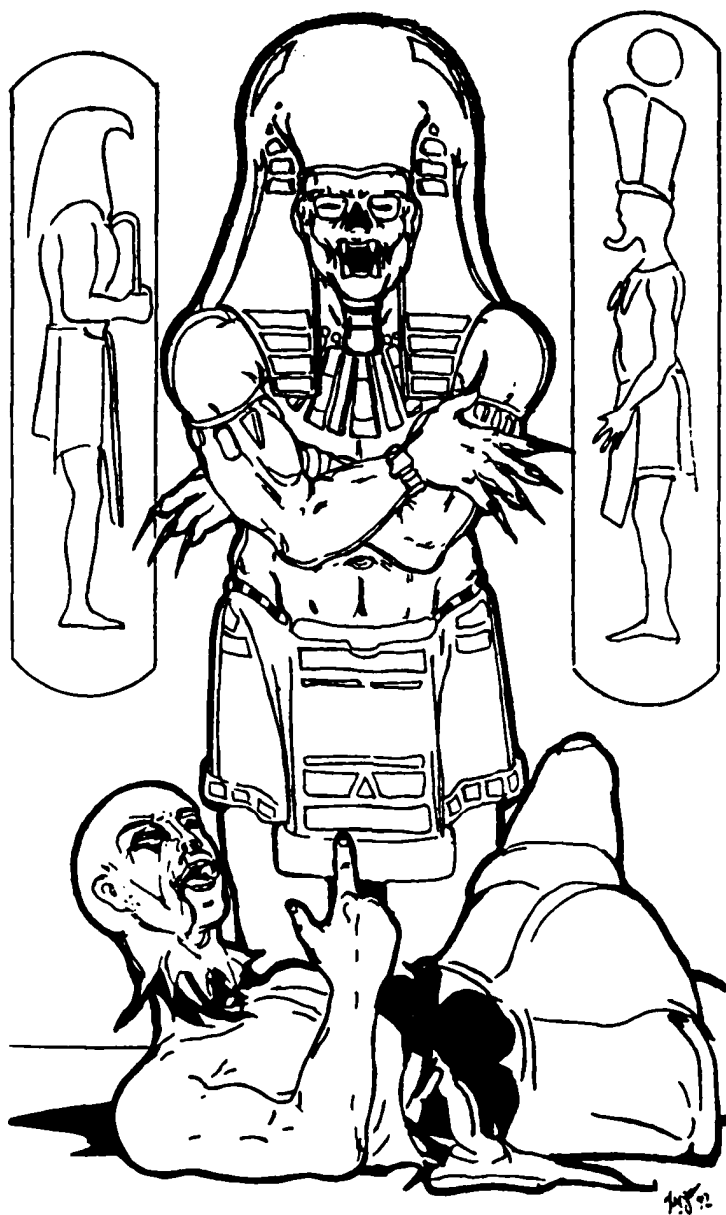
Подобных "двойных" вампиро-упырей в истории человечества было немало. Им можно посвятить отдельный объемный труд. Но не будем отвлекаться от предмета наших исследований. Итак, краткие примеры вампиризма первой подгруппы.

Общеизвестно, что в Древнем Египте существовал культ мертвых. Особое отношение к мертвым заставляло египтян не жалеть ни сил, ни времени на обработку тел умерших, мумифицирование. Но только ли забота о спасении души умершего двигала живыми, заставляла их затрачивать огромные средства, отнимая их у детей, сестер, матерей. Нет. Основная причина заключалась в ином. Именно в тех краях и именно в те времена был наиболее тонкий барьер между Нашим Светом и Тем Светом, пограничные области инферноизмерения практически напластовывались на зоны Нашего Света в районе плодородных долин Нила, шел процесс взаимопроникновения измерений. (От редакции. Автор настоящего труда, на наш взгляд, неосмотрительно отодвигает все в прошлое. У нас нет оснований говорить, что точки соприкосновения измерений сдвинулись, пропали и т. д. Следует обратить внимание и на то, что в Прорицании говорится о некоем Черном Озере, которое образуется именно в Египте. Насколько нам известно, Черное Озеро - это то самое, давно предреченное Озеро Мертвых, куда будут свезены трупы всех погибших до и во время Апокалипсиса землян. По Прорицанию Озеро истолковывается не просто как колоссальный могильник человечества, но и как сверхгигантская "реторта", напол-

ненная исходным биоматериалом, для выращивания внедряемых на Землю инферносуществ. Памятуя обо всем этом, можно предположить, что Озеро Мертвых неслучайно расположено именно на стыке измерений, в точке, где проникновение инферноматерии связано с наименьшими энергетическими затратами. Остается загадкой связь между инферносуществами и "негласными членами Комитета", то есть "инопланетянами", контролирующими ход развития и гибели земной цивилизации. Похоже, они действуют по одному плану-сценарию. Впрочем, толкование Прорицания - дело специалистов и посвященных). Древними египтянами в первую очередь двигал леденящий душу страх перед мертвыми, встающими из своих могил и пожирающими живых. Заложные, нечистые покойники, не обработанные по всем правилам мумификации, под воздействием прямого инферноизлучения огромной мощности, были бичом древних египтян и одновременно запретной темой, табу. О них нельзя было говорить, о них нельзя было писать на глиняных табличках... но они были повсюду, они вставали из могил, шли в селения и города, несли ужас и смерть. Чем большим влиянием обладал покойник при жизни, тем больший инфернопотенциал он обретал после смерти в результате контакта с Тем Светом. Огромные пирамиды фараонов, запутанные ходы, лабиринты делались не только в качестве защиты от грабителей, нет! Завалы, ямы, усеянные остриями ножей и секир, падающие гигантские плиты, отравленные колючки, стрелы и коловороты, хитроумные механизмы внезапного уничтожения - все это в первую очередь

предназначалось для того, кто мог восстать из саркофага и двинуться к оставшимся в живых.

Восставшие из мертвых поселяне, ремесленники могли убить, обескровить человека, род, семью... Восставший фараон-вампи́р нес гибель всей стране. Наделенный чудовищными способностями и исполинским запасом инферноэнергии, он мог полностью вывести из строя весь аппарат управления государством и тем самым сделать страну, народ легкой добычей для внешних и внутренних врагов. Этого боялись пуще всего на свете. Этого опасались и сами фараоны при жизни – они знали, что их ждет, какова их участь. Движущей силой в Древнем Египте был страх – жуткий, непрекращающийся Страх перед мертвецами-вампирами. Египтяне знали действие серебряных пуль (серебряные наконечники стрел), кольев, вонзаемых в грудь нечистым покойникам, и пр. средств обезвреживания упырей. Но то, что годилось для Европы, имеющей слабые связи с инферноизмерением, не подходило для узловой точки, для их родины. И потому смолами пропитывался каждый миллиметр кожи, тканей умершего, тело высушивалось до предела, связывалось гибкими прочнейшими ремнями-лентами, замуровывалось на больших глубинах, заваливалось валунами... И все равно. Каждая ночь была страшным испытанием для живых. Стоны, предсмертные вопли, хруст разгрызаемых костей и бульканье высасываемой крови царили в ночи. Сосед боялся помочь соседу, родич отказывался от родича, смерть правила ночным миром долины Нила.

Древние египтяне достаточно часто в качестве защитной меры (интуитивно) использовали изображение креста. Иногда это помогало. Чаще не помогало, по той причине, что кресты не были кодированы соответствующим образом и создавали чрезвычайно слабые заэкранированные зоны – до подлинного понимания функции креста были еще столетия, Свет Христианства еще не проник на Землю, система защиты от инферносуществ, еще не была дарована Свыше. И все же древние защищались от вампиров как умели, как могли. Волхвы-чернокнижники, несмотря на все запреты, донесли до нас ряд страшных случаев из повседневного бытия египтян. Так, влиятельный вельможа, приближенный фараона, старший писец Нуб-Ит был при жизни вполне добропорядочным человеком, добрым семьянином, не имел взысканий по службе... Две трети скопленных им сокровищ ушло на построение подземной каменной гробницы и обработку его мумии – домочадцы выполнили все его завещанные требования досконально, они были абсолютно уверены, что покойник не причинит им вреда, что его участь спокойно лежать в своей усыпальнице и ждать справедливого суда грозного Осириса, владыки загробного мира. Но на семнадцатую ночь после захоронения в доме покойного неожиданно погасли ночные огни (древние египтяне всю ночь держали зажженные светильники-лампадки, страх перед упырями парализовывал их волю, заставлял бояться темноты). Прислуга не решилась войти в темные ночные покои семьи Нуб-Ита. Всю ночь до ушей обезумевших от страха служанок доносились шаркающие звуки, чавканье, сто-

ны... а на утро всех шестерых находившихся в доме женщин-рабынь казнил младший брат писца, вернувшийся из загородной увеселительной поездки. Увиденное им лишило его рассудка: на ступеньках к домашнему алтарю Гора лежали четырнадцать обескровленных изуродованных тел с беспорядочными рваными ранами, перегрызенными шеями, прокушенными хребтами, содранной частями кожей. Уцелевший член семьи был полностью разорен - для мумификации погибших требовалось столько средств, что надо было влезать в кабалу к ростовщикам-иудеям. Самоубийство в Древнем Египте было недопустимо (самоубийца в узловой точке - стопроцентный вампир, тела таких сжигали в бронзовых сосудах, пепел развеивали в нубийских пустынях). Выручил Фараон, выделил нужные для похорон средства, младшего брата писца взял под личную опеку. На двадцать первую ночь младший брат в сопровождении отряда воинов, выделенных фараоном, засел в опустевшем доме в засаду. Проснулся на утро он в полнейшем одиночестве. Воинов, как ни искали, так и не нашли. Еще через день по специальному распоряжению фараона усыпальница Нуб-Ита была вскрыта в присутствии тридцати свидетелей. Оплавленный по краям саркофаг писца был перевернут, ритуальные сосуды разбиты, разбросаны. Самого Нуб-Ита нашли в глухом высохшем колодце, который вел из усыпальницы на общее кладбище. Нуб-Ит сидел, прижав колени к подбородку и тихо трясся. Когда два воина осторожно подошли к нему поближе, он издал стон-выдох, наполняя помещение смрадом, и замер. Он был мертв. Ни единого

следа мумификации на его теле не было. Нижнюю губу прорывали два больших изогнутых клыка. На месте носа зиял черный, заполненный копошащимися червями провал. Труп упыря залили смолой, подожгли... Три Дня над местностью тянулся черный дымовой шлейф. На четвертый, утром нашли мертвым в собственном доме начальника личной стражи фараона. Охранявшие его воины - до двадцати пяти человек - были свалены в дворовый колодец. Тела их были изуродованы до неузнаваемости. На коже начальника стражи было всего два пятнышка-прокола - на горле, у сонной артерии. Жрец Осириса предал Нуб-Ита вечному проклятию. Фараон изгнал из страны младшего брата упыря, казнил его жен, упоминания об Нуб-Ите были сбиты со всех глиняных табличек. Имя его запретили произносить вслух. Еще долгое время гибли люди. Но очевидцы того времени были скупы на подробности.

Иное дело - греки. Многие из греческих авторов живописуют события "старинны глубокой" в деталях. В 76-м году до Рождества Христова в одном из заброшенных храмов Аполлона Мусаета, что был расположен на маленьком островке в Эгейском море (о. Милон), вдруг объявился дух самого божества, долго не подававшего о себе вестей. Жители города и посада, а также все местные поселяне собрались воскресным утром, как и было объявлено жрецом храма, для того, чтобы выслушать волю божества. Жрец был на грани безумия и не мог связать двух слов. Белый словно мел он стоял, держась за стену, а к тому моменту, когда все собрались, он упал замертво и уже больше не вставал. Но никто не обратил

внимания на смерть старика, потому что из-под сводов храма раздался глухой голос, возвестивший о том, что божество крайне недоволено жителями острова и намерено погрузить сам остров в морские пучины в ближайшую ночь. Реакция была очень бурной – поселяне, привыкшие к мирному тихому течению времени и событий, впали в шоковое состояние, пали на колени, принялись молить о пощаде. Тогда глухой голос возвестил о том, что только кровь сможет смыть проклятье и спасти островитян: каждую ночь к алтарю следует приводить шесть девушек и юношей и оставлять их связанными – бог сам разберется, что с ними делать, а когда спасительных жертв станет достаточно, когда грехи будут смыты, божество само возвестит об этом. Ужас островитян перед неведомым был настолько силен, что они согласились. Жертвы избирались по жребию. Через два-три дня алтарь в храме почернел от запекшейся крови. Никто не видел самого божества. На ночь никто в храм кроме жертв не допускался. Даже любопытные побаивались приближаться в темноте к полуразрушенным стенам, к древней кладке. Так длилось месяц, другой – божество никак не могло насытиться. Большая группа молодежи бежала с острова на материк на трех вместительных лодках – две перевернулись, все выпавшие погибли. Погибли на глазах у островитян. Это вселило еще больший страх в их души. От мала до велика все видели, как какое-то черное существо с изуродованной головой всплывало над волнами, хватало зубами юношей и девушек, тянуло ко дну – ни одному не удалось доплыть до берега. Судьба третьей лодки оставалась

неизвестной, но все были убеждены, что с ней произошло то же самое. Еще три месяца обреченных вели в храм на заклатие. На острове практически не осталось юношей и девушек моложе шестнадцати лет. Только тогда смиренные островитяне начали терять терпение – как же так?! ведь божество обещало простить их?! почему же конца и края не видно смертям, жертвам?! Первых невольных растерзали сами островитяне – они пуще смерти боялись гибели острова, ведь такое в Эгейском море случалось, сила стихии, подвластной богам, была страшнее любых отдельных жертв. И все же настал час, когда собрался отряд смельчаков, решивших собственными глазами посмотреть, как божество принимает жертвы, как кровью смывает их грехи...

Связанных девушек бросили на ступени – они лежали молча, рты были заткнуты кляпами, лишь в глазах стоял ужас. Ждали долго. Почти перед самым рассветом из какой-то мрачной щели в кладке вылезло большое черное человекообразное существо, осторожно приблизилось к лежащим, перевернуло одну, склонилось над ней... Послышались чавкающие звуки. Часть из смельчаков сразу убежали.

Но оставшиеся смотрели и не могли понять, что же происходит?! Нет! Это был явно не бог! Не Аполлон! Существо вонзало зубы в горло беззащитной жертве, надолго присасывалось... потом переходило к следующей. Покончив со всеми, существо за ноги отволокло тела к провалу у стены, столкнуло вниз, затем само мягко спрыгнуло... и пропало. На следующую ночь смельчаки пришли вооруженными дубинами, ножами, копьями. В качестве жертв приве-

ли шестерых юношей, заранее подготовленных, крепких. Связали их только для виду, кляпы вставили так, чтобы можно было выпихнуть языком. Засада была надежной, и все же сердце каждого смельчака было переполено ужасом. Ночь показалась вечностью. И опять - существо появилось лишь под утро. Оно выползло из расщелины, огляделось, посверкивая красными угольками глаз... учуяло что-то непривычное. И моментально скрылось! Засада сразу же бросилась вслед. Но ничего кроме сырого подземелья, заполненного тысячами костей и остатками полусгнивших трупов она не смогла обнаружить. Наутро к поискам были привлечены все островитяне от мала до велика. Перерыли окрестности храма, переворостили все, что смогли. Уже смеркалось, когда один мальчонка, лет четырех неожиданно провалился куда-то под землю и отчаянно заголосил. На его крик тут же сбежалась вооруженная кто чем толпа, загомонила, заволновалась. Трое смельчаков спрыгнули за мальчонкой в провал. Когда глаза привыкли к темноте, стало ясно - опоздали: мальчонка лежал с переломленным позвоночником и перегрызенным горлом. Это прибавило ярости островитянам. Толпой они ринулись по подземному ходу. Бежавший первым с ходу вонзил трезубец в что-то шевелившееся, дышавшее почти на полу пещеры, в сырой нише. Следом прибежали двое с факелами. Все замерли. В нише лежал черный очень страшный полуистлевший покойник. Но несмотря на смрадное трупное зловоние, исходившее от него и гниющую плоть, он был явно жив: дышал, скалил огромные нечеловеческие зубы, кривил запекшиеся губы, посверки-

7/88/92

вал красными белками. Один из островитян сунул ему в лицо факелом. Покойник взревел, потом произнес лишь одно слово: "Поздно..." И замер. Все по голосу - глухому и раскатистому - узнали "божество", ставившее им условия и угрожавшее гибелью острова. За ноги покойника выволокли на свет. Черное жуткое существо еще долго стонало, рычало, истекало слюной, билось в агонии, пыталось зарыться в землю. Но, видно, силы вампира были утрачены, он умирал. Один из стариков узнал в черном существе жреца Геры, которого островитяне забили камнями девятнадцать лет назад за то, что тот похищал маленьких детей, насиловал их, а потом пожирал. При всем народе старик обломком бронзового меча выбил вампиру клыки, бросил их в огонь - только вспыхнуло зеленым огнем, и пропало. Вампир уже не стонал, не рычал, он еле шевелил скрюченными пальцами, вонзал когти в сырую землю. Его изрубили на множество кусков, но ни единой капли крови не вытекло из обезвоженного, гниющего тела. Этот факт еще раз свидетельствует о том, что вампиро-упыри являются лишь ретрансляторами, что через них кровь перекачивается в иные измерения, что жажда крови - это искусственная жажда, создаваемая в этих биороботах подлинными инферносуществами, жажда эта никогда не может быть утоленной, поэтому вампир не может остановиться, он все время ищет жертву. Разрубленные куски шевелились, сокращались, будто была разрублена змея, а не бывший человек. Островитяне не знали, как следует поступать с умерщвленными вампирами, но страх подсказал им, что надо полностью уничтожить все останки. Они

сожгли куски тела, запаяли в бронзовый кувшин, вывезли далеко в море, бросили на дно. Так окончилась эта история, вполне благополучная для островитян, легко отделавшихся от упыря, не обладавшего, по видимому, достаточным инфернопотенциалом и бывшего в момент поимки вдалеке от контактной точки.

В следующей части нашего труда мы расскажем о более страшных и стойких вампирах, терроризировавших население уже после Рождества Христова – от средневековья вплоть до наших с вами времен. Еще раз напоминаем читателю, что данные материалы лучше не давать читать людям с неустойчивой психикой, расшатанной нервной системой и ослабленными умственными способностями.

Ввиду неподготовленности читателя информация дается постепенно, порциями, достаточными для анализа и осмысления. Публикуется впервые. Перепечатка и внесение искажений запрещены и караются по закону. При перепечатке неизбежно искажение кодового сигнала, заложенного в текст, что может отрицательно сказаться при восприятии информации.

Временно оставив теоретические и практические изыскания по рассматриваемому вопросу, мы продолжаем знакомство читателя с наиболее характерными преступлениями вампиров, описания которых для нас сохранила неофициальная подпольная наука. Прежде чем мы вернемся к краткому изложению данных описаний, отдадим долг памяти десяткам тысяч исследователей-хроникеров, поплатившихся за любовь к науке и истине жизнями: сожженных на кострах, распятых, утопленных, четверто-

ванных, замурованных живьем в стены... преследования изыскателей продолжаются и по сию пору. Но крупницы Подлинного Знания, собранные ими, практически неуничтожимы - Человечество со временем (если ему удастся выжить в грядущих катастрофах) по достоинству оценит титанический труд мучеников Науки.

Итак, Римская Империя, весна 285 года. Девять месяцев назад обезумевшие от пьянства, наркотиков и разврата римские легионеры провозгласили императором Диоклетиана, беспринципного, циничного, жестокого, подлого воина, сына раба. Диоклетиан действовал стандартными методами: более двух лет, занимая наиболее ответственные военные посты в Империи, он вел подготовку к перевороту. Опорой для него, профессионального убийцы, могли стать только такие же люди - профессиональные воины. Свыше пятнадцати миллионов сестерций были тайно извлечены из государственной казны и пущены в "оборот". Диоклетиан знал, как можно было завоевать любовь легионеров: бесплатные, ежедневные и еженощные развлечения, выпивки, женщины. Развал в армии достиг своего апогея. Мирным гражданским жителям практически невозможно было высунуть носа из собственных домов. Появляющуюся на улице женщину тут же хватали пьяные, возбужденные солдаты, волокли в казармы или палаточные лагеря (в зависимости от дислокации). Как правило, жертва похоти назад не возвращалась. Римская Империя была уже полностью разложена, до ее окончательного развала оставались считанные десятилетия. Императоры сменяли друг друга словно в чехарде, как карты в та-

суемой карточной колоде. Но Диоклетиан не спешил – ему была нужна длительная власть, а не месяц на троне, и он все продумывал тщательно. Его личная преторианская гвардия насчитывала до восшествия на престол не менее трех тысяч воинов – они и обеспечили успех операции. За три дня до назначенного часа совершенно неожиданно полностью прекратилась поставка в казармы и лагеря вина, опиума, женщин. Первый день легионеры пребывали в мрачном иступляющем похмелье и растерянности. Их вылазки в города и селения за вином и женщинами отбивались молниеносно и неотвратимо малыми, но слаженными силами. В армии стал назревать бунт. Одновременно неизвестные сеяли слухи, что все трудности связаны с правлением нынешнего блиц-императора, выжившего из ума юнца-развратника, скармливавшего любимой своре борзых по утрам очередную любовницу. На третий день разъяренные толпы озверевших легионеров заняли Рим. Тут и появился Диоклетиан. Бурей восторга, взрывом неистовой слепой любви встретили его появление легионеры. Будущего императора несли во дворец на руках. Безумный рев стоял над городом, огромные черные стаи воронья кружили над головами. Уже лилась кровь, слышались стоны... но это было лишь началом. Охрана юнцаразматика не сумела оказать сопротивления и, тем не менее, она была в миг перерезана преторианцами (надо сразу отметить, что в личной преторианской гвардии Диоклетиана царил строжайший сухой закон: заподозренного в употреблении вина или наркотиков или топили в нечистотах или для наглядного примера подвешивали на

крюк за ребро у казарменных ворот – пощады не было). Диоклетиан действовал решительно и быстро. При стечении многотысячных толп он, возвышаясь на каменной трехэтажной балюстраде, поднял за шею юнца-императора, содрал с него одеяния, вырвал могучей рукой гениталии и только после этого бросил несчастного своре борзых, заранее загнанных во внешний открытый взорам дворик. Привлеченные запахом и видом крови злобные псы набросились на своего бывшего хозяина и разорвали его в клочья. Один из старых верных прислужников, попытавшийся вырвать у псовлюдоедов хотя бы череп для достойного захоронения погибшего императора, был также разорван. Кости обоих псы изгрызли... Диоклетиан скрылся на несколько секунд за колоннами. Вышел он уже в пурпурной мантии. Легионеры приветствовали своего нового императора еще большим ревом. Смена власти состоялась. На площадях и улицах появились бочки с вином, зашныряли торговцы и раздатчики опиума, слышались визгливые женские голоса – безумное веселье охватило всех. Общегородская оргия продолжалась более недели. Имя Диоклетиана было у всех на устах – и иначе как отцом-благодетелем его никто не называл, если и попадались инакомыслящие, с ними расправлялись тут же.

Но сам Диоклетиан не участвовал в буйном празднестве. Он лишь для виду поднял трижды золотой кубок с виноградным соком, трижды отхлебнул из него. В этот вечер он удалился на отдых в дворцовые покои рано, с наступлением темноты. Что происходило далее сумела сохранить для истории его наложница, чудом выжившая...

Диоклетиан был мрачен, зол, даже свиреп. Эта странная реакция на успешный переворот, захват власти многих удивила, но задавать вопросы никто не решался. Наложница лежала тихо, боясь за себя, страшась гнева новоявленного императора. А тот мерил покои шагами, хмурил брови, скрипел зубами, вскрикивал и будто бы с кем-то беседовал. Юная двенадцатилетняя девочка лежала на ложе ни жива ни мертва. Черные тени колыхались в свете свечей по стенам и сводам. Она слышала лязг цепей, стоны, хрип... потом она вдруг увидела вбежавшую неведомо откуда (при закрытых дверях) черную собаку с горящими глазами. Император бросился на ложе, прижался к девушке – его било в холодном ознобе, зубы стучали, со лба лил ручьями пот. Он так сжал наложницу, что у той затрещал позвоночник, и она вскрикнула – но тут же тяжелая рука закрыла ей рот. "Молчи!" – выдавил белый как мел Диоклетиан. Собака подбежала к самому ложу, замерла, оцетинилась... и вдруг ее начало рвать: из огромной огненно красной пасти вывалились наружу какие-то кишки, кости, жилы, мясо... Когда груды изверженного достигла края ложа, из нее вдруг стал вырастать красный призрак с расплывающимися очертаниями. Наложница чувствовала, что умирает от страха, что сердце не выдерживает, но отвести глаз она не могла. Мигом позже стало ясно – это призрак юнца-маразматика, умерщвленного предыдущего императора. У Диоклетиана судорогой свело нижнюю челюсть, руки, ноги. Он хрипел, стонал, слюна текла по подбородку... призрак приблизился, занес руки над застывшим поверженным Диоклетианом,

Page 42

улыбнулся зловеще. Его скрюченные пальцы потянулись к белому дрожащему горлу. И замерли, чуть коснувшись его. "Страшно?!" - спросил призрак ледяным отрешенным голосом. Диоклетиан ответить не смог, он был на грани безумия. Призрак сдавил горло жертвы, начал душить. Он душил долго и медленно, то отпуская, то вновь сдавливая костяные жесткие пальцы - это была страшная пытка! Напоследок призрак рассмеялся тихо, промолвил: "Нет, я теперь тебя не буду убивать! Я тебя убью потом! Когда придет твой час! А до того я буду приходить к тебе каждую ночь..." Вот тут новоявленный император пришел к себе. Он вскочил на ноги, отбросил наложницу, выхватил меч и трижды перерубил стоящего перед ним сверху донизу. Призрак не исчез, даже не сдвинулся с места - меч проходил сквозь его красное расплывчатое тело. "Жди меня! Жди каждую ночь!" - прошептал он бесстрастно. И исчез.

Диоклетиан долго не мог успокоиться. Он сидел на краю ложа, дрожал, глаза его были безумны. Вспомнив про наложницу, он снова схватился за меч. Но ослабевшая рука не удержала оружия, меч выпал. Девушка отползла по мраморному полу в угол, укрылась с головой бархатной портьерой. И все же она подсматривала в щелку. А смотреть было на что, казалось, новоявленный император умирает: он опять начал биться в конвульсиях, хрипеть, выкрикивать что-то неясное... Девушка ничего не могла понять. Но когда она случайно взглядела вверх, то увидела на сумрачном подрагивающем от мигания свечей потолке восковое женское лицо - оно было огромным, раза в четыре больше, чем обычное.

Глаза на этом лице были стеклянно-зелеными, застывшими, из краешка плотно стиснутых губ сочилась кровь. "Изыди! Убирайся прочь! - завопил Диоклетиан. - Я не хочу тебя видеть!" Но лицо не исчезало. Только глаза стали оживать, наливаясь неземным огнем, кровью, отблесками какого-то ослепительно-желтого пламени. "Прочь, Вифиния! Прочь!" С Диоклетианом случилась самая настоящая истерика - он бился головою об пол, катался по бесценным персидским коврам, совал лицо и руки в пламя свечей, раздирал ногтями кожу, рыдал, хохотал, пытался заколоться кинжалом... А лицо тем временем становилось все более выпуклым, отделялось от потолка, опускалось вниз.

Появились длинные и тонкие белые руки, они тянулись к беснующемуся, но не дотягивались. "Нет! Я не уйду, Диоклетиан! Мне нужна кровь - твоя кровь!" Женский призрак опустился на ложе, теперь он был размерами с обычную крупную высокую женщину-патрицианку. И ничего прозрачного в ней не было - только плоть ее была мертвенно-белой, а глаза горящими, прожигающими. "Дай мне жертву! Или иди сам сюда!" Покойница вытянула руки перед собой. Но Диоклетиан опередил ее - он бросился к бархатному занавесу, схватил умирающую со страху наложницу, подтащил к ложу, бросил к ногам покойницы. Но та даже не поглядела на девушку "...или иди сам!" - вновь прошептали ее губы. Диоклетиан отшвырнул наложницу ногой - в нем вдруг проснулись потаенные силы, он стал необычайно подвижен, силен, сообразителен. А наложнице казалось, что это не явь, а страшный кошмар. Но какая-то неведомая

сила не давала ей отвести или закрыть глаз. Тем временем Диоклетиан схватился за шнур у ложа, трижды дернул... и тут же из-за двери выскочили четверо здоровенных парней из его гвардии преторианцев. Трех он тут же выставил обратно, одного оставил, указал рукой на покойницу Вифинию. Преторианцу не надо было ничего объяснять - он львом бросился вперед, коротко взмахнул мечом... и вдруг выронил его, замер, а потом начал медленно расстегивать доспехи, стягивать одежды. Через минуту он был совершенно гол. Покойница встала и положила ему руки на плечи, притянула к себе. Потом она медленно, задом, не выпуская жертвы, подошла к ложу, легла спиной вниз, опрокинула на себя оцепеневшего парня, находящегося в полубессознательном состоянии, широко раскинула ноги и, томно изгибаясь, покачиваясь, свела их у него за спиной. Гвардеец двигался ритмично, словно заколдованный, то убыстряя свои движения, то замедляя их, полностью подчиняясь воле сластолюбивой покойницы. Любовная игра продолжалась долго. И закончилась она неожиданно: оба любовника поднялись на ложе в полный рост, причем лишь он стоял на ногах, а она продолжала обвивать его талию своими ногами, висеть на нем. Но когда она немного откинула голову назад, будто залюбовавшись красивым кудрявым парнем, наложница увидела, как из полуоткрытого пунцового рта выдвинулись вперед четыре длинных белых клыка... Следующее произошло мгновенно - клыки вонзились в шею гвардейца, хлынула кровь. Но сам парень будто не замечал ничего, он продолжал сжимать, оглаживать женское тело, продолжал рит-

Page 2

мично покачиваться... лишь ноги его стали вдруг ослабевать, подгибаться. Но они держали обоих до поры до времени, а затем покойница резко развела свои длинные полные ноги, встала на ложе, теперь она уже склонялась над своею жертвой. И чем меньше крови оставалось в венах и артериях гвардейца, тем безвольней становилось его тело – пока оно не замерло бездыханно на скомканном покрывале. Покойница оторвалась от шеи, еле заметно облизнулась, задрала голову вверх, тряхнула разлетевшимися волосами и взревела совсем не поженски, звериным рыком. После этого она как-то странно улыбнулась Диоклетиану. И пропала.

В иступлении новоявленный император сбросил на пол тело своего охранника, потом набросился на наложницу, избивая ее ногами, вкладывая в удары всю свою огромную силу. Он бил девушку до тех пор, пока та не потеряла сознание.

Очнулась наложница ночью на трупах. Рядом с ней лежал знакомый гвардеец. Она не сразу сообразила, что лежит в трупном рве за северными пределами дворца – в этот ров обычно сбрасывали трупы воров, убийц, прочих преступников, казненных, а также тех, кто становился жертвами ночных грабителей или же опивался, обкуривался досмерти. Более суток она лежала во рву и не могла найти в себе силы, чтобы вырваться из него. К полудню третьего дня она тихонько выползла изо рва. Неделю отлеживалась в Священной роще. Потом жила около года в притоне у старой карги, торговавшей женской плотью. Умерла она, не выдержав перенесенного потрясения, несмотря на то, что все телесные раны на ней

благополучно зажили. Перед смертью она поведала о случившемся.

Странное явление покойной Вифинии Диоклетиану было странным лишь для юной наложницы. Предыстория отношений Диоклетиана и Вифинии полностью раскрывает очередную тайну. Вифиния была одной из последних свободных и богатых любовниц Диоклетиана. Они жили вместе не менее полутора лет. Затем Диоклетиана полностью покорила иная страсть – растление пяти-шести – летних девочек, он перестал интересоваться женщинами, в том числе и Вифинией, обладавшей необузданной патологической похотью. Еще когда они были пламенными и нежными любовниками, Диоклетиану приходилось мириться с маленькими причудами возлюбленной: он лишь завершал ее пиршество плоти, которое начиналось с преторианцев-телохранителей, поочередно сменявших друг друга на ложе Вифинии. После сорока – сорока пяти предварительных любовников, когда она чувствовала, что наступает предел страсти насыщения, она звала Диоклетиана. А чаще он синая там же, в ее спальнях покоях и наблюдая с самого начала за любовной многоэтапной вакханалией. И всегда он становился тем завершением, которое на какое-то время смирало похоть Вифинии. Она уже не могла обходиться без него. Если он не приходил, менялись десятки крепких парней, но они не могли погасить бушующего в ней пожара любовной жажды – болезнь становилась беспощадной, иступляющей. И вот он оставил Вифинию совсем. Он бросил ее. Это была для нее страшная трагедия. Трижды она накладывала на себя руки. Трижды ее спасали,

откачивали. Потом она пришла к нему – бледная, измученная. Он предавался своей новой страсти, нисколько не стесняясь, что она все видит, страдает. Более месяца по ее приказу выкрадывали всех девочек, с которыми Диоклетиан проводил время, душили их, затем сжигали. Но это не приносило покоя. А сам будущий император, казалось, не замечал пропаж – ему поставляли все новых и новых... И тогда она пришла еще раз. На этот раз встреча закончилась скандалом, дракой. Она исцарапала ему все лицо, разорвала одежды, прокусила насквозь ухо... все завершилось в постели. Но наутро он пинками согнал ее с ложа. И посоветовал, чтобы укротить страсть, идти в лагерь к легионерам. И она поняла, что это все, что больше встреч не будет. Именно в ту пору разгул в армии достиг наивысшей точки – легионеры уже не удовлетворялись просто насилованием захваченных женщин, они их терзали до смерти, до утра не доживала ни одна из жертв.

Вифиния пришла в лагерь сама. Эта была ее единственная надежда утоления страсти. Иначе страсть задушила бы в ближайшую ночь. Легионеры застыли в столбняке, когда перед воротами остановилась прекрасная, полногрудая, двадцатилетняя патрицианка с распущенными до земли иссиня-черными волосами и умопомрачительными бедрами. Но смятение было недолгим. Сначала в очередь встали центурионы, потом десятские, а потом и простые легионеры... Прослышав о чудо-женщине, издалека понаехали посланники из других легионов. Вифиния продержалась три с половиной недели. Ей давали лишь два часа на сон. Кушанья носили в постель, поили

вином, обкуривали опиумом, чтобы придать сил, - ее берегли. Но поток не кончался. И страсть ее не иссякала... Она умерла с именем Диоклетиана на устах. И это вызывало взрыв восторга в лагере - legionеры неистовствовали, они славили своего благодетеля, они были готовы вести его на трон. Она умерла за четыре дня до провозглашения Диоклетиана императором. Он даже не узнал, где она умерла, как... Legionеры выволокли за ворота лагеря изуродованным распухший труп женщины, в которой никто не смог бы узнать красавицы Вифинии. Так закончилась эта земная любовь. Но дело на этом не закончилось. Впервые восстала из небытия Вифиния на четвертый день, когда ее незахороненное тело обжирали блудливые пригородные псы в придорожной канаве. Какой-то бродяга отогнал псов, вырыл яму, закопал останки, завалил камнями. Через два дня камни оказались развороченными, яма пустой. К Диоклетиану являлся призрачный бионоситель Вифинии. Но сам кадавр посещал лагерь. Пьяные, полубезумные legionеры не сразу стали замечать пропажу товарищей. Лишь когда на плацу было найдено сразу шесть трупов с прогрызенными шеями, наиболее трезвые, сохранившие разум, начали догадываться о чем-то. Женщина-упырь приходила ночами, когда все были пьяны. В лагере было множество женщин. Но все они были горячими, трепетными. Эта была холодна, неподвижна... но если до нее дотрагивались руки мужчины-legионера, тот уже не мог вырваться из смертных ледяных объятий - начиналась безумная любовная скачка, заканчивающаяся обычно пронзенной клыками артерией, трупом, страшны-

ми слухами. Женщина-упырь была неуловима. Через два месяца после ее появления более трети легионеров разбежалось куда-куда, остальные пребывали в постоянном страхе, но бросить своей развратной пьяной жизни они уже не могли. Число жертв росло...

От редакции. Во времена распада Римской империи, когда резко возросла преступность, а развращенность общества достигла наивысшего предела, все многочисленные жертвы можно было объяснить значительно проще, не ссылаясь на деятельность так называемых вампиров, а исходя из объективных критериев и причин. Мы считаем необходимым сказать, что не разделяем точку зрения автора данного исследования.

...Развязка, как мы уже писали, наступила весной 285 года. Диоклетиан к тому времени окончательно обезумел и объявил себя родным сыном Юпитера-громовержца, приказал поставить во всех храмах свои золотые, серебряные и бронзовые статуи. Он делал огромные вклады в храмы. Но несмотря на это каждую ночь ему продолжали являться призраки. Он знал, что обречен. И заранее выискал нескольких двойников, абсолютно похожих на него. Но затея с двойниками сыграла злую шутку с Диоклетианом. Он намеревался подсунуть призраку юнца-маразматика двойника. Этот двойник все время спал в его покоях, показывался на людях при церемониях. А сам Диоклетиан сидел в подвале – в одной из клетушек глубочайшего подземелья, находящегося под дворцом, императорской резиденцией. Два двойника уже сошли с ума от появления призраков. Третий был человеком непрошибаемым, обладающим несокрушимой нервной системой. Каждую ночь Вифиния умерщвляла по одному стражни-

ку. Становилось все труднее скрывать пропажу надежнейших гвардейцев-охранников. Диоклетиан пребывал все время в чудовищном напряжении. У него уже не оставалось ни сил, ни времени на упражнения с девочками, он выдохся. Ночами он не спал. Днем пребывал в полусне, полубреду. И вот настала ночь, когда ужас объял его. В сырой и полутемной клетушке, последнем убежище обезумевшего императора, неожиданно для него появился призрак предшественника... Точнее, это был не призрак... Диоклетиан ясно видел - это труп, страшный, полуразложившийся, как бы собранный из разгрызенных костей и растерзанного мяса. Да, это был ОН! "Я обещал к тебе придти? И я пришел! - прошипел истлевший юнец-маразматик, закатывая глаза, открывая огромные желтые белки и скрежеща зубами. - Ты достаточно помучился! И на завтра ты должен был бы умереть от своих мук, умереть сам по себе! Но ты умрешь по-другому! Я тебе помогу... Я и еще кое-кто из твоих хороших знакомых. Готовься! Я сделаю с тобой, то же, что ты сделал со мной!" Диоклетиан почувствовал, как костяная лапа скелета вцепилась в его гениталии, сжала их, потянула... "Но я не буду спешить! - добавил труп, - мне некуда спешить!" Он долго и мучительно вырывал из тела Диоклетиана живую болезненную плоть. И тот не мог ни защититься, ни рукой шевельнуть - он только корчился, орал, визжал, брызгал слюной и кровавой пеной. Но никто его не слышал. Из этого подземного убежища не доносилось доверху ни единого звука. А когда труп-скелет вырвал с корнем гениталии и, расхохотавшись, бросил их в лицо страдальцу, из мрака появи-

лась женская изуродованная до неузнаваемости фигура. "Ты помнишь меня, Диоклетиан? - прозвучал певучий нежный голос Вифинии. - Что же ты молчишь?! Я не буду тебя мучить, ведь я тебя любила и продолжаю любить!" Шатающейся неровной походкой женщина-упырь подошла к истерзанному императору, нежно обняла его, ласково провела рукой по кровоточащей ране, чем причинила страшнейшую боль, а затем припала к шее... Через минуту сердце императора Диоклетиана перестало биться.

Но под именем Диоклетиана страну еще двадцать лет правил двойник императора. Он не мог оставаться в старом дворце в Риме, так как и ему начал являться по ночам призрак - призрак погибшего. И потому Диоклетиан-двойник построил себе огромный замок-дворец на западном берегу Балканского полуострова. Это была неприступная крепость.

И именно на те же двадцать лет подлинной грозой Рима и окрестностей стал император-упырь, выходящий ночами из своей мрачной клетушки-подземелья и отправляющийся на поиск жертвы.

Как мы уже отмечали преемственность инферносущности при летальном контакте с упырем-заложным покойником практически стопроцентная. Механизм этот изучен еще не до конца. Ясно одно, что черная энергия из инферномиров передается в месте тончайшего защитного барьера первичному упырю, аккумулируется в нем. Иначе бы черная энергия не могла передаваться вторичной, третичной и последующим жертвам. Что касается туннеля-переходника, то по всей видимости, он также находится непосредственно в теле-кадав-

ре упыря – другим образом мгновенную перекачку крови из тела жертвы в инфернопространство по телу-каналу не объяснить. Уже сейчас существуют обоснованные предположения, что именно кровь служит для инферносуществ основным материалом для построения бионосителя, в который инферносущество как таковое (не путать с носителями инферносущности, земными особями!) вселяется с тем, чтобы в дальнейшем посетить наш свет (Белый Свет). Вся эта механика невероятно сложна и требует длительного изучения. Однако основы ее мы уже начинаем постигать. И основа основ заключается в том, что инферносущество в своем собственном виде ни при каких обстоятельствах не может проникнуть даже на минимальный срок в наше измерение. Для проникновения ему нужен носитель, а также мощная энергетика, концентрированные поля – без всего этого переход невозможен. Что касается целей проникновения, они нам совершенно неизвестны, они не моделируются и не могут быть поняты. Достаточно будет сказать, что инферносущества отличаются от землян абсолютно иной логикой, обратной ментальностью, а контакты всегда несут в себе (с нашей точки зрения) зло. И все же во всем комплексе инфернопроникновения в наш мир есть вполне определенная чуждая нам логика – проникновение ведется последовательно, целенаправленно и в рамках каких-то пока нам также непонятных ограничителей. Разумеется, все барьеры и защитные поля, которые земляне-христиане ставят на пути инфернопроникновения, другой стороной воспринимаются соответственно как абсолютное зло. На данном этапе даже говорить

о Контакте с инферномирами не приходится - все без исключения контакты чреваты множеством смертей как с одной, так и с другой стороны. В продолжении нашего исследовательского труда мы познакомим вас с более поздними проявлениями вампиризма - вплоть до наших дней. Загадка неуклонного и стремительного роста вампиризма имеет лишь один ответ, одно разрешение - инфернопроникновение расширяется, темпы его растут, потенциал инферномира резко возрастает. Не исключено, что в ближайшее время мы столкнемся с грандиозным, массовым вторжением.

Конец VII-го века в Европе - время смутное, тревожное и загадочное. До сих пор ученые всего мира, историки, антропологи, культурологи и философы не могут разобраться в нем. Именно в эти годы с непостижимой силой, будто на дрожжах начали возрождаться в Западной, Центральной и Южной Европе кровавые сатанинские культы, характеризовавшиеся массовым поклонением князю Тьмы и многочисленными человеческими жертвоприношениями. Время для расцвета сатанизма было исключительно благодатное. Христианская церковь Европы, погрязшая в ересь, словоблудии и междоусобицах, ничего не могла противопоставить сатанистам. Великая Инквизиция еще не прокатилась по Европе очистительным спасительным огнем. Дьяволомания нарастала. К слову, надо заметить, что негативное нетерпимое отношение к Инквизиции, высветившей пламенем костров мрак Средневековья, навязано нам искусственно. В течение долгих десятилетий так называемые «атеисты» внушали нам ненависть,

презрение и неприкрытую озлобленность к любым деяниям Христианской церкви и к ней самой. Высмеивались и очернялись церковные устои, благочестие, жизнь монашества, праведников, отшельников.. Но более всего досталось именно Инквизиции, спасшей Западную Европу от «революции» в вере, от провозглашения дьяволопоклонничества единственной религией и от полного истребления христиан и Христианства Причина такого отношения «атеистов» всех мастей мало кому известна, но вместе с тем предельно проста. Практически все средневековые дьяволопоклоннические секты были созданы или впрямую (или при непосредственном участии) иудеями-каббалистами, отвергавшими учение Иисуса Христа и несшими культы поклонения различным ипостасям Сатаны. В результате их бурной деятельности, подпитываемой не только дьявольской энергией, работоспособностью и экстрасенсорными навыками каббалистов, но и огромными денежными вливаниями, всемирными связями и содействием опутанных долгами и оттого послушных европейских «правителей», Христианству грозило полное уничтожение, в лучшем случае, возврат в первоначальное катакомбное состояние (в таком положении оказалась, скажем, подлинная Русская Православная катакомбная Церковь, вынужденная скрываться в подполье с 1917 года, когда к власти в России пришли большевики-иудеокаббалисты). Инквизиция прекрасно справилась с поставленной целью и почти очистила Европу от дьявольщины. Наследники иудеев-каббалистов, ставшие к концу XIX началу XX в.в. монопольными владельцами средств массовой информации и книгоиздательского дела, эти «атеисты», а по сути дела

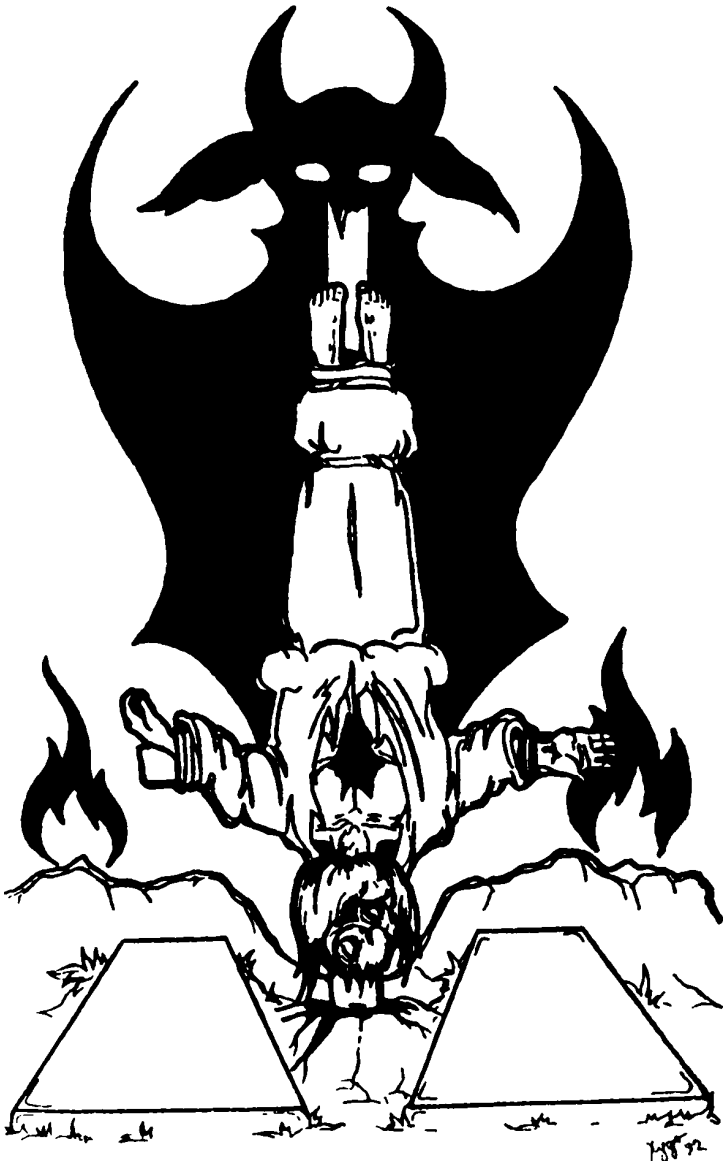
скрытые каббалисты-дьяволопоклонники начали брать реванш, искажая Историю, переворачивая ее вверх ногами. Лютая ветхозаветная ненависть, злопамятность, жажда отмщения Христианству при практически абсолютной власти над миром сыграли свою роль – в печать, на радио, телевидение (и не только у нас, а практически во всем мире) не допускались ученые, философы, историки, высказывавшие мнение, отличное от мнения атеистов-каббалистов... Но так или иначе, а Святая Инквизиция на время (пять-восемь веков) спасла Европу. Разумеется, Инквизиция действовала средневековыми методами, но тогда иных и не было. Особенно следует учесть, что дело происходило в Европе, погрязшей в бездуховности, деячестве, озлоблении, проникшими, к сожалению, и в церковные круги. В России и на Руси ранее ничего подобного не происходило в силу высочайшей нравственной силы народа, отвергавшего сатанизм в любых его проявлениях, не дававшего приюта каббалистам на своей земле (ныне положение совершенно иное: при внешнем отсутствии гонений на Русскую Православную Церковь, фактически власть в стране принадлежит каббалистам-дьяволократорам).

Итак, VII век от Рождества Христова, местечко Лоревиль на юге нынешней Франции или на самой границе тогдашней Галлии с Италией. Рассмотрим один из наиболее характерных эпизодов. Власть Церкви номинальна и практически ничтожна. Структура ее такова: наверху Папа Римский, далее – епископы, затем – аббаты, потом – священники и монахи. В Риме и столицах «варварских королевств» Церковь заметна. В провинции ее теснят бродячие проповедники, еретики, и в первую очередь каббалисты, держащие в

страхе и ужасе простой люд. Межвременье. Эпоха безжалостного покорителя, франкского короля Хлодвига канула в прошлое. Эпоха Карла Великого еще не пришла. В лоскутном королевстве хаос, развал, идеальная среда для темных сил. В местечке населения не более двух тысяч человек. Грамотных – шестеро: писарь при исполняющем должность префекта, остальные – священнослужители местного прихода. Уже несколько лет полуподпольно действует секта Черного Гостя. Забитые необразованные люди, до предела запуганные сатанистами, еще продолжают днем посещать ветшающую церковь, молиться, просить о милости Господа Бога. Но по ночам они с ужасом ждут «черной меты» – каждую субботу один из жителей, получивший ее, обязан отдать в жертву Черному Гостию (Вельзевулу) ребенка, жену или другого родственника. Воля крестьян полностью парализована, они даже не помышляют о сопротивлении, зная, что секта могущественна, что ей покровительствует соседский барон, которому секта поставляет наркотики, вывозимые с востока, и местных малолетних девочек для разврата. Кроме того почти вся молодежь местечка, привыкшая к кровавым ночным оргиям и кровосмесительному блуду, напрочь забывшая христианские заветы, не только поддерживает сатанистов-каббалистов, но и готова в любую минуту окончательно утвердить власть Вельзевула в Лоревиле и округе. Чтобы показать свое могущество «братья» секты раз в месяц прилюдно на площади секут священника и его прислужников.

События разворачиваются непредсказуемо. В мае в ночь полнолуния (на Вальпургиев шабаш) ни один из жителей не получил «черной меты». Как и обычно по этим дням

все члены низовой прослойки секты (две трети населения местечка) собрались на старом кладбище, в центре которого уже стояло семиметровое чучело, олицетворяющее Черного Гостя. С приходом всех «черные братья» зажгли круговые кострища, бросили в них порошки – тяжелый наркотический дух поднялся в тихом воздухе ночного кладбища. Служители культа, сгрудившиеся, под огромным чучелом, оглашали окрестность пронзительными, призывными воплями-молитвами – они звали своего покровителя – господина Вельзевула, чей дух должен был вселиться в черное чучело, прежде, чем сам он появится здесь и примет жертвы. Надзиратели секты из молодежи бегали по рядам поселян, стоявших кругами, били без разбору старых и малых плетьюми, доводили себя до экстаза. По хриплой команде одного из жрецов люди посбрасывали с себя одежды, кинули их в кострища, повернулись спиной к чучелу и согнулись в поклоне, повалились наземь, выставляя вверх зады, взбрыкивая ногами, лбом колотя в землю, в могильные плиты, надгробия, проросшую траву... Это было обычным приветствием Сатане. Потом прибежала ватага парней и приволокла три креста, сбитые с церкви. Кресты воткнули в землю под чучелом, предварительно перевернув их. Молодежь по очереди стала мочиться на кресты, подзадоривая себя дикими выкриками, безумным смехом. Буйство длилось полчаса. За это время полностью закончили сооружение сатанинского алтаря под чучелом, и под вопли и смех вывели из склепа священника. Два здоровенных совершенно голых «брата» разложили старика на алтаре, жрец Вельзевула остройшей бритвой взрезал вены, воткнул нож в грудь жертвы.

– О, Великий Властелин Тьмы и Света, Господь наш Вельзевул, единственный на земле и в небе, в пучине и аду, прими жертву и приди к нам! Приди – мы молим тебя!!!

Кровь ручьями потекла в ведра. Когда старик-священник затих, обескровел, его перевернули вверх ногами и распяли на одном из крестов. То же самое проделали и с остальными служителями Божьего Храма. Когда все было закончено, жрецы начали лить кровь в ноги своему идолу. Молодежь неистовствовала, но и она не могла перекрыть визга жрецов, выполняющих обряд. Наконец идол начал медленно поднимать огромные, трехметровые руки. Из утробы его раздалось хрипкое рычание, лающий смех вырвался наружу. Все замерли. А главный жрец провозгласил, сильно коверкая слова, ломая чужой язык:

– Господину нашему, Черному Гостю, угодно принять еще десять жертв. Братья во Сатане, вперед!!!

Несколько десятков парней бросились в толпу голых и беззащитных. Они уже знали, что от них требуется. Они хватали самых красивых девушек, валили их наземь, пинали ногами, потом волокли к алтарю. Над девушками вершили массовое насилие, прежде чем их можно было убить, принести в жертву. Насилие длилось несколько часов. Истерзанных, замученных девушек закололи как и священнослужителей, кровь сцедили, тела бросили в склеп. Дым валил все гуще. Толпа добропорядочных ранее, но запуганных и диких поселян начинала дуреть, звереть. Она вопила в ответ на каждый вопль, визжала, ругалась, хотала... Кровь залила чучело-идол, и тогда все вдруг воочию увидали, как явился из Тьмы сам Черный Гость, как он вселился в чучело. И оно ожило, взлетело, начало описы-

вать круги над кладбищем. Это была жуткая картина, от которой многие попадали ниц. Но одновременно «черные братья» ритмично забили в барабаны. Начиналась дикая оргия. Голые обезумевшие от крови, дыма, воплей, страха и экстаза мужчины и женщины, юноши и девушки, мальчики и девочки бросились друг на друга, сгорая от похоти. Черная огромная тень кружилась в ночи, закрывая полную колдовскую луну. А под тенью извивались, дергались, вжимались друг в друга сотни тел. Вакханалия продолжалась до рассвета. Потерявшие чувство меры жрецы ползали среди голых и резали их ножами, высасывали кровь, кричали что-то по-своему. Но к тому времени, когда люди стали приходить в себя и медленно расползаться по домам, ни одного из жрецов на кладбище не было...

Прошло более трех недель. В разгромленной церкви установили идол Вельзевула. Там шли еженощные бдения, малые шабашы. Местечко медленно вымирало. Люди теряли потребность работать, жить, творить... они хотели одного – дурмана, оргий, шабашей. Они пребывали в полузабытьи. И все же они покорно несли золото, серебро, ценные вещи на алтарь своему новому божееству. Они пригоняли своих коров и лошадей – все куда-то пропадало. Жрецы забирали все – кур, гусей, семена, вино, запасы вяленного мяса. Взамен они давали порочное наслаждение от служения Вельзевулу, и люди готовы были на все.

И вот на двадцать второй день в ближних к кладбищу домах утром обнаружили истерзанные трупы пяти парней. Лица их были обезображены, шеи изодраны и прокушены, руки вывернуты, выломаны... Поначалу не обратили внимания. Обычаи были забыты, хотя не прошло еще месяца с того памятного

шабаша. Но трупы не стали хоронить по христианским заветам. Их оставили на растерзание собакам. На следующее утро обнаружилось еще восемь трупов. Они были изуродованы сильнее прежних. Так продолжалось семь ночей кряду. Поселянам было все безразлично. На девятую ночь писарь решил разузнать в чем дело. Это был, пожалуй, единственный человек в местечке, сохранивший разум. Во время шабаша он прятался в старом заплесневелом склепе на краю кладбища. Утром ползком уполз в рощицу. Он провел все эти дни после шабаша в состоянии парализующего страха. Он боялся выявить себя как-либо, знал – не пощадят, если догадаются, что он не попал в сети Черного Гостя. И все же он решился.

Угроза исходила со стороны кладбища. Писарь сразу это понял – убийства вершились по мере удаления от этого проклятого Богом места. В ночь писарь приполз на кладбище, заполз в уже знакомый склеп, отдышался и стал ждать. Около двух часов ночи, когда тьма была особо густой, его насторожил шорох, доносившийся из центральной части кладбища. Осторожно высунувшись, он увидел, что из того самого слепа, куда сбрасывали тела истерзанных девушек, выползает кто-то, поблескивая голым костянистым черепом. И он не ошибся! Поочередно из склепа выползли десять оскаленных изможденных трупов с обвисшей, сползающей с костей плотью. От страшного зрелища писарь потерял сознание. Когда он пришел в себя, было уже светло.

Утром в поселении нашли двенадцать трупов с перегрызенными глотками и выдавленными глазами.

На следующее утро обнаружилось еще восемь трупов. Они были изуродованы сильнее

прежних. Так продолжалось семь ночей кряду. Поселянам было все безразлично. На девятую ночь писарь решил разузнать в чем дело. Это был, пожалуй, единственный человек в местечке, сохранивший разум. Во время шабаша он прятался в старом заплесневелом склепе на краю кладбища. Утром ползком уполз в рощицу. Он провел все эти дни после шабаша в состоянии парализующего страха. Он боялся выявить себя как-либо, знал - не пощадят, если догадаются, что он не попал в сети Черного Гостя. И все же он решился.

Угроза исходила со стороны кладбища. Писарь сразу это понял - убийства вершились по мере удаления от этого проклятого Богом места. В ночь писарь приполз на кладбище, заполз в уже знакомый склеп, отдышался и стал ждать. Около двух часов ночи, когда тьма была особо густой, его насторожил шорох, доносившийся из центральной части кладбища. Осторожно высунувшись, он увидел, что из того самого слепа, куда сбрасывали тела истерзанных девушек, выползает кто-то, поблескивая голым костянистым черепом. И он не ошибся! Поочередно из склепа выползли десять оскаленных изможденных трупов с обвисшей, сползающей с костей плотью. От страшного зрелища писарь потерял сознание. Когда он пришел в себя, было уже светло.

Утром в поселении нашли двенадцать трупов с перегрызенными глотками и выдавленными глазами.

На следующую ночь писарь спрятался в рощице и наблюдал оттуда. Он видел все десять черных поблескивающих костями теней, которые шли к домам. Превозмогая ужас, он пополз следом и сумел подсмотреть картину расправы над беззащитными людьми. В одном из домов, в котором жила теперь моло-

дежь секты, охранявшая жрецов, горела лучина, все было хорошо видно. Девушка – мертвец, трясущаяся словно от страшного холода, заползла в дверь, застыла на пороге, будто выбирая жертву. Парни спали на полу и лавках вповалку, они были то ли пьяны, то ли в дурмане. Писарь рассмотрел ужасный лик упырихи – это был почти голый череп, с кровавыми болтающимися на жилках желтыми глазными яблоками. Непомерно большие и острые клыки торчали изо рта вверх и вниз. На костлявых пальцах были острейшие желтые когти, на ногах... ноги были нечеловеческими, это были ноги птицы – трехпалые, морщинистые, когтистые. Именно такой ногой-лапой упыриха разорвала горло лежавшего ближе к ней. Тот и шелохнуться не успел. Двоих других она одновременно придушила руками – силой она обладала исполинской, колдовской. Оставалось еще шестеро. И тогда она вдруг выпрямилась. Вскинула голову. Глаза загорелись фиолетовым огнем – какие-то пронзительные лучи стали исходить от них.словно по команде парни проснулись, заворочались, забурчали, стали приподниматься. В глазах у них стоял ужас, их трясло не меньше, чем девушку-мертвяка. Но они были словно загипнотизированы. Они не могли ни бежать, ни руки поднять.

– Я пришла к вам, – заговорила упыриха, – отдать долги.

Лица и рубахи парней взмокли от чудовищного напряжения. Насильники знали точно, Пощады им не будет. Но защититься не могли, участь их была ужасающая.

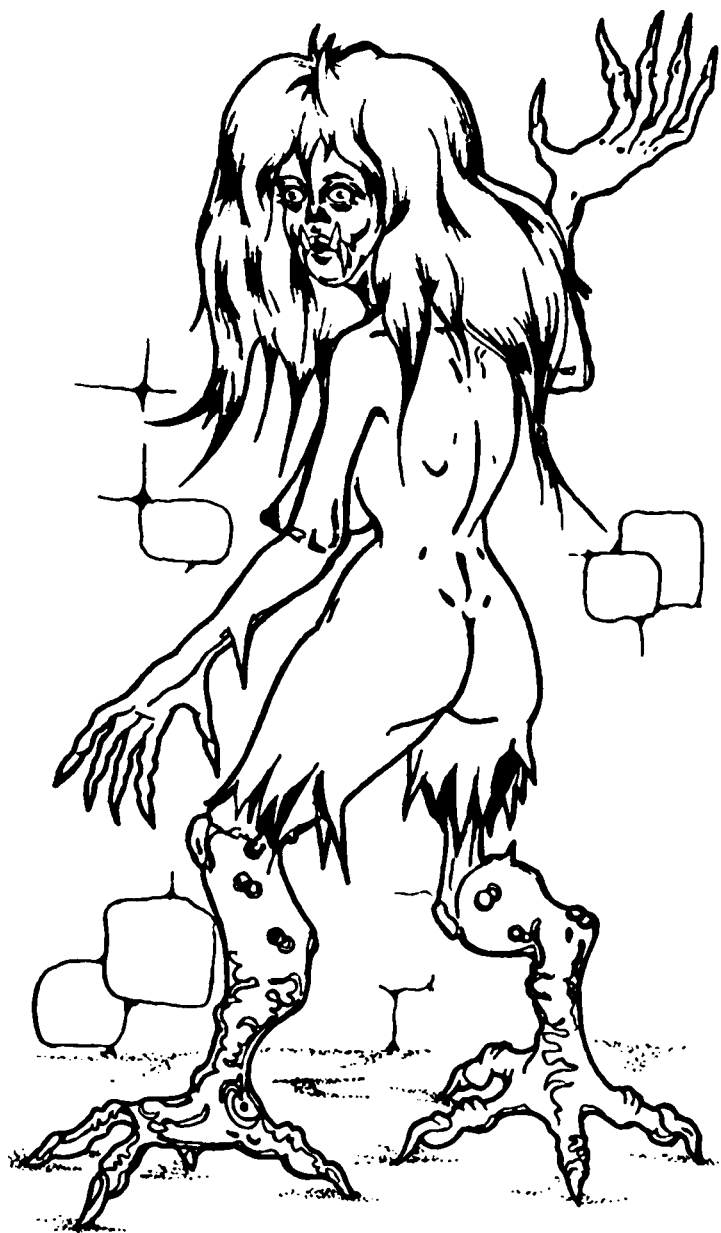
– Нет, я не буду вас терзать так, как терзали вы меня! – проговорила упыриха и жутко ослабилась. – Я вас быстро спроважу в ад.

Там вас хозяин давно заждался. Не будет вам прощения!

Она подошла к ближнему, встала на колени и на глазах у остальных, спустив с жертвы штаны, отгрызла ему гениталии. Кровь полилась на земляной пол. Все видели, какие муки испытывал парень, как его корчило, трясло, выгибало, как то бледнело, то пунцевело его лицо, градом катил пот... но ни звука, ни сто-на. Упыриха приподнялась и стала целовать его в шею и губы. Она целовала без передышки, все страстнее и страстнее, потом стала слегка прикусывать кожу, потом кусать, потом медленно, неторопливо жевать ее, грызть. Писарь опять потерял сознание. А утром он увидал, что всех парней постигла та же участь, что и первого, - на трупы было страшно смотреть!

Следующей ночью писарь уполз из местечка. Он нашел приют у барона - тот сделал его «дураком»-шутом. Через полгода писарь скончался от болей в голове и груди.. Последние месяцы он, в свои тридцать лет, был похож на дряхлого выжившего из ума старца. И все же он успел кое-что записать, передать потомству.

Еще до этого он многое рассказывал и барону и его дворовым. Никто не верил «шуту», все поднимали его на смех. Однако в Лоревиль идти не решались. Встревожился барон лишь тогда, когда сатанисты не прислали ему очередную партию малолеток для растления. Он послал гонцов в местечко. Они не вернулись. Второй отряд также пропал без вести. Тогда барон отправился в путь сам с двенадцатью бойцами-телохранителями. Он без приключений добрался до Лоревилья. И обнаружил мертвую пустыню, гиблое место. Обглоданные скелеты валялись меж обобранных

пустых стен – будто жесточайший покоритель прошелся по этим местам. Сатанистов и след простыл. Барон с отрядом решили заночевать. Страх не было, волнения тем более – ведь барону приходилось принимать участие не в одном воинском набеге на города, селения. Он знал, что такое мор и глад, смерть и победа.

Но то, что ему довелось пережить этой ночью, превзошло по своей напряженности все предыдущее. Он проснулся от громкого хруста костей. Спросонья ничего не понял. Лишь потом его глаза различили страшное, изможденно-костлявое существо, которое грызло последнего из стражников. Все другие были истерзаны до полной неузнаваемости. Существо глядело на него в упор желтушными большими глазами, чавкало, хлопало, скрипело зубами и грызло, не переставая. Барона выручил опыт и решительность. Он слыхивал разные истории об упырях-покойниках. И на всякий случай носил с собой большой серебряный кинжал с лезвием более шестидесяти сантиметров. В этот раз он его взял с собой специально, хотя и смеялся вместе со всеми на «шутом»-писарем. Молниеносным движением он прыгнул на упыря, вонзил ему в грудь кинжал и, не выдергивая его, отскочил, бросился из дома, а потом из местечка. Он бежал через буреломы и болота, через поле и рощицу. И он вырвался. Но по странному стечению обстоятельств тоже умер через полгода после случившегося. Перед смертью он был дряхл и безумен.

Люди обнаружили проклятое место. Более полутора веков никто там более не селился. Его обходили стороной.

Бытовали слухи, что почти везде, где находили пристанища жрецы и «братья» из

черной секты, происходило тоже самое – гибли люди, разорялись села и городки, появлялись упыри, вороны, гиены. В других местах, где царствовали более умеренные секты дьяволопоклонников, было не так плохо, но постепенно все приходило в упадок, беднело, зарастало, вымирало, Отступившая от Бога Европа испытывала нелегкие времена.

В отличие от Западной Европы случаев вампиризма различных степеней на территории России зафиксировано значительно меньше. Посвящая теоретическим исследованиям отдельную главу, в данной мы обратимся к конкретным и наглядным фактам ввоза и распространения вампиризма, вурдалачества и людоедства в Россию.

Все выше перечисленные пороки никогда не были свойственны коренному славянскому населению Великой России, отличавшемуся на протяжении тысячелетий, с самой глубочайшей древности физическим и психическим здоровьем, устойчивыми, выдержанными нравами. Как известно, чай, кофе, водка, табак, все виды наркотиков, так же как и мздоимство, проституция, все виды половых извращений, инфекционные болезни и прочие «подарки» были каждый в свое время завезены в основном с развращенного и прогнившего Востока, частично с Запада.

Таким же образом происходило просачивание на Святую Русь и всех видов вампиризма. В качестве доноров-распространителей в первую очередь выступали, разумеется, сатанистско-каббалистические секты Запада и Востока, создававшие вокруг себя очаги вампиризма, сатанизма, антихристианства, пробивавшие туннели в инферномыры и вызывавшие оттуда инферновампиров и сопутствующее зло. Кабалло-сатанизм, расплзшийся по миру из очагов псевдоцивилизаций Ближнего Востока, при каждой локализации приобретал свое собственное, отличное от иных лицо, свои приметы. Мы не будем специально освещать данного предмета, так как в настоящее время это чревато непредсказуемыми последствиями, ввиду

того, что у власти в России находятся иудеи, презирующие и ненавидящие Россию, но свято чтущие свои древности, свою историю и недопускающие просачивания на свет белый некоторых нежелательных фактов этой истории. По той же причине нам придется полностью опустить главу наиболее яркую и насыщенную, посвященную злодеяниям на Руси Хазарского Каганата, этой цитадели вампиров-оборотней. Потомки иудеев-хазар, полностью разорившие Россию с 17-го по 33-й годы, уничтожившие на корню русскую интеллигенцию и более половины русского населения России, в годы нынешние повторно взяли реванш над потомками Святослава и получили от «мирового сообщества» Россию и русский народ в полное и абсолютное владение. И потому любое напоминание о злодеяниях их предков может вызвать цепь репрессий и казней. Тем не менее, опуская по вышеизложенным причинам значительную часть исследования, мы предлагаем читателю наиболее интересные фрагменты иных глав.

Как известно, первобытным людям на территории Западной Европы и в Азии был присущ повседневный, привычный каннибализм – людоедство. Наиболее чтимым лакомством считался мозг. До сих пор археологические могильники возле стоянок первобытных людей изобилуют сотнями, тысячами раздробленных и пробитых человеческих черепов. Люди пожирали друг друга с самой седой древности, пожирают и ныне, хотя формы каннибализма в значительной степени изменились (чистый каннибализм сохранился лишь в Африке и на ряде тропических островов). Предки славян в силу непонятных для нас пока причин отвергали людоедство и считали его абсолютно неприемлемым для своих ранних и поздних общин. Случаев открытого вампиризма тем более не было, ибо даже малейший намек на нечто подобное мог закончиться для искателя приключений плачевно. Однако уже в седьмом веке до Рождества Христова в районе Северных Балкан был зафиксирован случай явления трех волхвов-чародеев из «огненных земель», который мы вкратце опишем.

Три волхва – «ликом черны и злострашны», обладающие, судя по всему, огромной силой гипнотического воздействия, появились в городище

Суза. Никто не мог объяснить их прихода в городище и неожиданной власти, которую они возымели над старейшиной вождей-царей Выгом Ставеном. Еще недавно сильный, статный и могучий старейшина начал сохнуть, болеть, редко показываться на людях. Людям было объявлено, что хворобы одолели главу городища и союза племен-родов, что именно для излечения Ставена и вызваны из чужедальних земель волхвы. Ближнее окружение старейшины выполняло все требования волхвов в надежде спасти повелителя, пользующего любовью народа. По их настояниям в огромный терем старейшины были приведены девять дюжин детей обоего пола. Отроки и отроковицы должны были развлекать высыхающего старейшину своими песнями и танцами, отдавать ему часть своей неумемной силы и энергии. И на самом деле с утра до ночи и с ночи до утра из терема раздавались песнопения, странные ритмичные звуки, крики, стоны... Выг Ставен совсем перестал показываться на обширном внешнем гульбище терема, во внутренние покои никого не допускали. И все же одному из витязей младшей дружины Ставена удалось обнаружить, что детей в тереме убавляется с каждым днем. И вот однажды перед рассветом ему, пробравшемуся в закрытую опочивальню старейшины, представилась жуткая картина: вся комната была наполнена пахучими, едкими дымами, сам старейшина, явно пребывавший в гипнотическом трансе, стоял столбом посреди покоев и мерно покачивался, взирая безумными глазами на висящее перед ним золотое сверкающее в свете колдовской свечи яблоко, тем временем все три волхва сидели вокруг старейшины в драгоценных парчовых одеяниях, с золотыми обручами на головах, и медленно, содрогаясь в вакхическом, сатанинском экстазе, пуча черные, наполненные жгучей магической силой глаза, пожирали расчлененный труп десятилетнего ребенка. Это был странный, непонятный обряд. И если бы витязь промедлил секунду, он неминуемо попал бы под власть колдовских чар. Однако реакция воина сработала молниеносно – бронзовой булавой он разбил головы волхвов, подхватил старейшину, выволок его на свежий воздух. После этого бросился к детям. Только восемнадцать мальчиков

и девочек удалось ему найти живыми. И у тех были следы прокусов на шеях. После каждой «трапезы-обряда» во внутренних покоях, волхвы, зачаровывая детей, прогрызали им шеи и высасывали кровь, запивая поглощенное ранее человеческое мясо. Потом они смазывали раны снадобьями и погружали несчастных в гипнотический сон. Трупы упырей-волхвов выволокли далеко за пределы городища, бросили на растерзание диким зверям. Старейшина пришел в себя через три недели. О диких ночных оргиях чужеземцев он ничего не помнил. Провалы в памяти были большими. Выг Ставен уверял, будто последнее, что он видел, перед тем, как впасть в забытие, были три дряхлых старца-путника, которые попросили его накормить их и напоить, лица их были покрыты капюшонами. На вопрос старейшины, кто они, откуда держат путь, зачем пришли на Русь, старцы ответили, что они посланцы далекого божества, что они проповедники и посланы в земли славян, чтобы принести свет истинной веры Востока и что каждого зовут хуру-учитель, и что без их проповедей и учений стоит над землями славянскими тьма и безверие. Собрание городища лишило Ставена власти и приняло завет – не пускать отныне в земли свои проповедников, несущих «свет истинной веры», ибо не свет они несут, а кровь, горе и раздор, и что насылаемы все они, независимо от стороны, из которой пришли, силами зла, и имя им – бесы.

Таково одно из первых упоминаний о вампирах в наших землях. Другое дошло из Угорской земли III века до Рождества Христова, коренной земли росов. Чужеземца-проповедника, бродившего из поселения в поселение, сеявшего зависть и злобу, за растление и убийство двух девочек живьем закопали в землю в трех верстах от родового кладбища. Закопали и забыли. И лишь через три месяца местный охотник совершенно случайно обнаружил рядом с тем местом изуродованную тушу огромного бурого медведя. Свирепый хищник был изломан, искорежен до неузнаваемости – кости переломаны, челюсть выдрана, горло перегрызено, хребет вывернут винтом. Когда охотник попытался было подойти ближе, он неожиданно увидел, как из под туши вылезла костяная рука

1912

скелета. Он замер, остолбенел. Туша медленно переворачивалась, что-то неживое и страшное выползало из-за нее. Опомнившись, охотник опрометью бросился наутек. Ему никто не поверил. Но той же ночью в поселение пришел страшный мертвец-скелет, он долго ходил вдоль домов, жутко выл, скрипел костями, клацал зубами, заглядывал в окна. Так повторялось семь ночей подряд. Наконец, один смелый житель поселка не выдержал и с мечом в руке выскочил на улицу, набросился на мертвеца. Тот одним ударом вышиб меч, затем повалил несчастного смельчака, прогрыз ему горло и высосал всю кровь. После этого мертвяк совсем озверел, он, по всей видимости, набрался силы от выпитой крови. И стал вламываться прямо в дома, наводя ужас и сея смерть. Ушел он восвояси перед самым рассветом – причем, как обнаружилось потом, ни одного следа на дороге он не оставил, будто шел по воздуху. Промедление и нерешительность были чрезвычайно опасны. Был тут же собран Большой круг. И решено действовать в двух направлениях. Воины поселка готовились к схватке, собирались идти к месту захоронения чужеземного проповедника-вампира. Жрец бога Белеса готовился по-своему. Задолго до официального введения христианства на Руси практически все протославянство, праславянство и славянство жили по христианским заповедям, знали защитную силу креста... родовые боги служили больше в качестве чисто психологических защитников и сберегателей. И вот отряд воинов добрался до страшной, проклятой могилы... но нашел ее развороченной и пустой. Мертвец скрывался где-то в окрестных лесах. Принялись прочесывать чащу. Операция заняла весь день. Уже был темно, когда отряд вернулся в поселение. Глазам воинов предстала ужасающая картина – десятки человеческих тел с прокушенными шеями лежали по обочине дороги. Обезумевшие от ярости воины бросились на поиски вампира-убийцы. Но они опоздали, все было сделано без них. На центральной площади поселения в обережно-оградительном круге, усиленном с четырех сторон четырьмя большими деревянными, заговоренными крестами, бесновался скелетообразный мертвец-упырь. Он бросался на невидимую преграду, скалил зубы,

выл, рычал, бешено вращал кровавыми безумными глазами, угрожал, ругался... но ничего не мог поделаться, преграда не пускала его. Вампир попался в незримые сети жреца бога Велеса! Это была его окончательная смерть! Прежде, чем воины успели броситься на загнанного в ловушку мертвеца, двенадцать слугителей Велеса преградили им путь. «Рано! – закричал жрец. – Пусть придут все!» С большим трудом удалось собрать весь люд поселка, многие не могли преодолеть парализующего страха. И все-таки жрец добился своего. Люди собрались все до единого. И вот тогда служители, вооруженные двухметровыми острейшими осиновыми кольями, сузили круг и на глазах у всех пригвоздили кольями беснующего посланца сатаны к земле. Воины бросились было со своими копьями, палицами и мечами, чтобы добить упыря. Но жрец остановил их. «Не смей! – закричал он. – Вы дадите ему возможность выжить, если хоть один меч коснется его! Стоять на месте!» Вампир, пригвожденный кольями к земле, бился в страшных судорогах, хрипел, изрыгая омерзительнейшие проклятия. Никто не подошел к нему, никто не помог, никто не добил. Так и испустил он свой мертвецкий черный дух. Жрец запретил трогать упыря восемь дней и ночей. На девятую в обережном круге не осталось ни волоска, ни косточки – преисподняя полностью забрала к себе чудовище, насланное на Русь под видом проповедника «истинной веры». В течение тысячелетия ни одна нога не вставала на огражденное проклятое место.

Значительно позже, перед самым Рождеством Христовым, в окрестностях Старгорода, что стоял в низовьях Днепра, объявилась пророчица. Она ходила от села к селу, от городища к городищу и пугала всех прорицаниями о грядущем пришествии врага рода славянского. По доброте и радушию древние росичи принимали всех странников с распростертыми объятиями, угощали, укладывали на ночлег, одаривали едой и одеждой. Так принимали и странную пророчицу. Была она необычайно высока, иссиня черна, огромный гнутый нос свисал к подбородку, выпученные черные глаза занимали больше трети морщинистого страшного лица и наводили на добрых людей страх. В глаза тогда росичи еще не верили, так как уро-

женцы самих славянских племен не обладали «дурным глазом», а захожих сатанистов, каббалистов (или как их называют ныне, экстрасенсов, психоэнергетиков) было не так уж много, в основном они приходили вместе с чужеземными набегами, с ордами, реже с заморскими купцами. Но их всегда гнали, зная, что это черное и страшное зло, что способность к сглазу дается недобрым людям, дается или силами зла или лишением разума, то есть вселением бесов и обречением на безумие. Знали об этом в основном славянские жрецы-волхвы (у нас совершенно необоснованно считают славянских жрецов, волхвов язычниками, идолопоклонниками, замечая лишь внешние детали их сверхсложных верований и культов. Фактически же славянские волхвы были подлинными зародителями и создателями Христианского Учения, ниспосланного им Свыше. Именно они, обитая еще с древнейших времен и на Ближнем Востоке, и в Малой Азии, и на Балканах, и в Причерноморских степях, и в Иране, Индии и на всех путях, связующих эти земли, на протяжении двенадцати тысячелетий подготавливали арийское население Земли к восприятию Христианства, Его Приходу, работа эта была многотрудная и кропотливая, она до сих пор не то, что не оценена, а полностью скрывается нынешней так называемой «наукой», точнее, лженаукой, которую всецело контролируют иудео-каббалисты). Пророчица старалась не встречаться с волхвами, обходила их храмы и священные рощи. И все же сами жители начали замечать, что после ее прихода скот переставал давать молоко, телиться, дети начинали болеть и постоянно плакать, у беременных случались выкидыши, старики умирали и горе зависало над селением, где ступала черная нога черной пророчицы. Но больше всего встревожило то, что из селений вдруг пропадали юноши, почти мальчишки. Вот тогда жрецы, собравшиеся в Старгороде на совет, и решили проследить за странной проповедницей. Все оказалось просто – колдунья собирала юношей в укромных местах очаровывала их (как потом рассказывали выжившие, им она казалась черноокой полногрудой красавицей), вселяла безумные надежды, обещала научить целительству, ворожбе, колдовству... и уводила с собою в глухие чащо-

бы. Специальные отряды дружинников обнаружили в лесах восемнадцать «черных скиотов», где в землянках жили изможденные, околдованные юнцы, жаждавшие получить от колдуньи незримую власть над людьми. Все они были абсолютно безумны. Ни одного не удалось излечить. Каждую ночь они надрезали себе вены на левой руке и спеживали кровь в черный жбан, из которого пила пророчица-колдунья. Но та выпивала не всю кровь. Из остатков она готовила какое-то снадобье, которым потом мазала губы младенцам в поселках... из причащенных ею вырастали злые, завистливые, безумные люди, сеявшие вокруг себя рознь, распри, кривотолки, вражду. Бесчинства колдуньи длились слишком долго, по той простой причине, что «простота хуже воровства», добрые люди, не подозревая черного обмана, верили ей, надеялись, что она принесет им здоровье и добро. Жрецам пришлось затратить много усилий, чтобы разрушить эту ложь. Пророчицу утопили в Гнилом болоте, вбили в страшное место сорок семь заостренных осин, вбили так, что они пустили корни и так росли потом, образовав невероятное сплетение стволов и ветвей. Но долго еще жуткое зло кружило над старгородскими местами.

В IV веке от Рождества Христова занемогшая княгиня киевская Добруша (Киев стоял на своем месте задолго до Рождества Христова, был укрепленным боевым замком, торжищем, одним из средоточий необъятных Русских земель. Этот факт также скрывается псевдоучеными иудеями-каббалистами, держащими под своим «колпаком» не только Отделение истории АН России, но и аналогичные заведения всего мира) вызвала через дальних своих скифских родственников врачей-врачевателей из Магриба. Никто не знает, кем были эти врачеватели, теперь это установить крайне трудно. Но пришли они с какими-то своим целями. Приход их был черен и дик. В тот миг, когда нога первого ступила на Киевскую землю за Большими воротами, с единственного христианского храма Андрея Первозванного упал огромный серебряный крест, а жрецы-волхвы богов Велеса, Рода, Перуна, Святовида, Стрибога и Даждбога независимо друг от друга ощутили, что над городом, повисла незримая черная туча и все вокруг потемне-

ло, наполнилось потусторонним злом. Князю Бодру рассказали обо всем, попросили немедленно изгнать бесов. Но тот не мог уронить чести, отменить княжьего слова и решения. Княгиня скончалась через семь дней после прихода «врачевателей». Тяжко занемог князь. Дружина была в растерянности. И вот тогда проявил себя народ. Горожане выволокли бесов из терема и плетью гнали их до Больших ворот – в городе их боялись убить, зная, что если прольется хоть капля черной сатанинской крови в эту землю, проклятье зависнет над городом... А за воротами, в восьми верстах с трех сторон стояла дикая иноплеменная орда. Дело закончилось кровопролитной битвой. Киев удалось отстоять. Но, судя по всему, если бы бесам-оборотням пришлось побывать в городе еще денек-другой, исход был бы однозначным – всем жителям готовилась страшная смерть и вековечное рабство. В течение четырех дней после казни бесов их черные души посещали горожан, пытались вселяться в наименее твердых духом, слабых – вселяться, чтобы вечно царить в Русской земле. Но совместным решением Христианской Церкви и всех церквей родовых славянских «изверги Магриба» были прокляты, преданы вечной анафеме – черное зло оказалось слабее Вселенского Добра.

В следующих публикациях мы расскажем о преступлениях вампиров и оборотней в средневековой России, постепенно приближаясь к нашим временам – к взрывному нашествию на Русь нечисти и сатанистов, растлителей и людоедов, нашедших у нас поддержку антинародных властителей колониально-оккупационных слоев.

Послесловие писателя Юрия Петухова. С разрешения читателя мне хочется хотя бы в очень коротеньком послесловии выразить свое отношение к рассматриваемой теме. Я, разумеется, не специалист по вампирам и прочей нежити, но имею на сей счет свое мнение. С большим уважением отношусь к научно-исследовательскому трактату Олега Владимировича Исакова, ко всей его титанической научной деятельности. И все же мне кажется, что он сконцентрировал свое внимание на отдельных не самых важных эпизодах и упустил

главное. Мне трудно делать различие между инфернальным потусторонним вампиризмом и обыденно-бытовым людоедством и кровососанием, это дело ученых, а не писателей. Хочу заметить одно – все описываемые случаи по своей трагичности и масштабности не идут ни в какое сравнение с чудовищным, тотальным вампиризмом XX века. Нашествие на Россию в семнадцатом году осатанелых иудеобольшевистских полчищ кровавых вампиров ни с чем не сравнимо! Это был просто какой-то вселенский взрыв черной ненависти к России. Будто сама преисподняя выбросила в Святую Русь свои черные дьявольские орды убийц-сатанистов, принявших с непостижимым усердием (прикрываясь насквозь лживыми лозунгами) истреблять Русский народ. Вот это вампиры! Вот это оборотни! В истории не было страшнее вурдалака, чем бесноватый Ильич – будто сам дьявол пришел из ада – миллионы замученных, загубленных, растерзанных. Образ лукаво улыбающегося «друга детей», мудрого дедушки был создан самой людоедской сволочью, измывавшейся над Россией. Ложь! Кровавое чудовище захлебнулось в пролитой им кровице, утратило остатки своего безумного нечеловеческого разума и издохло в жутком маразме, брошенное и преданное своими же поделщиками-вампирами, «интернациональной» гадиной. И все же вампиры-последыши решили сохранить своего вождя-дьявола для будущих поколений. Именно для этой цели был построен мавзолей, забальзамировано тело чудовища, именно для этой цели создан Институт мозга, где в целостности и сохранности хранятся все внутренности сверхупыря, именно поэтому из народной казны идут миллиарды в валюте на сохранение и поддержание в целостности всех его останков. Наследники-вампиры верят – вот-вот наука научится оживлять трупы, вселять в них жизнь, уже успешно проходят первые опыты (многие видели их по ТВ). И вот тогда! Тогда вновь народится на свет Вампир № 1 – чудовище из чудовищ. Это и будет приходом в наш мир Антихриста, Зверя, число которого 666! Именно поэтому никак «не решаются» нынешние демократы уничтожить останки злодея. Никакие они не демократы! Они «верные ленинцы». И они верят во второе прише-

ствие своего вождя-дьявола, в воскрешение Антихриста! В приход Зверя! Именно поэтому они не трогают и прочих людоедов-вампиров, высосавших всю кровь из Земли Святорусской. Именно потому мы продолжаем жить на улицах, площадях, переулках Марксов, землячек, Свердловых, бела кунов, цеткиных, бауманов, бухаринных и прочих врагов рода человеческого. Им мало нашей крови! Им надо выпустить из нас всю нашу кровь! Вот где вампиры! Вот где людоеды! Это вам не волхвы седьмого века до нашей эры, не пророкица, соблазнявшая юношей. Свыше ста миллионов Русских людей были уничтожены упырями XX века. Готовится новое кровопускание. Уже сейчас по всей России идут кровопролитные войны, уже сейчас смертность намного превысила рождаемость. Упыри торжествуют. Но это даже не начало. Это прелюдия Начала Эры Антихриста! Россия превращена в резервацию для вампиров. Русский народ – это «жертвенный скот» для упырей, которые высасывают из него и кровь и все соки. Мы все уже полупокойники, бледные, изможденные, высосанные наполовину – каждый из вас видит это, когда сравнивает себя с заезжими чужеземцами. Из нас сосут кровь! Вот где вампиризм подлинный! Разве позволил бы другой народ называть свои улицы и площади именами своих палачей?! Разве называют евреи свои площади именами Гитлера, Муссолини, Гимmlера, Геббельса? Нет! А мы называем! А ведь евреи пострадали в несравнимо меньшей степени от идеалистов III рейха. Нас же вампиры уничтожили почти начисто! И мы продолжаем жить под ними. Горе России, ждущей прихода Зверя! Избави нас, Боже, от нового кровопускания. Долой из России кровавую сволочь! Вон! Хватит уже с нас кровососов-вампиров!!!

Юрий Петухов, писатель

НОВЫЕ ДАННЫЕ ТРАНСЦЕНДЕН- ТАЛЬНОГО ШПИОНАЖА ЗА ПЛАНЕТОЙ ЯН- ТАРНЫЙ ГУГОН

(В основу данной статьи положен секретный доклад трансцендентальной разведки ККНС)

Ученые знают, что в Реальности существует много Вселенных. Эти вселенные отличаются характеристиками пространства. Различия таковы, что физическими способами невозможно обнаружить объект, принадлежащий другой вселенной. Но в мгновения Больших флуктуаций происходят взаимопересечения разных пространств, и объекты чужой вселенной проникают в наш мир. Тогда они становятся доступными трансцендентальному сознанию. Одним из таких осколков Чуждого мира и является планета Янтарный Гугон .

Страшная тайна связана с этой планетой-призраком.

Почему же так необходимо изучение Янтарного Гугона?

Внегалактическое содружество цивилизаций интересуют следующие вопросы:

1. Какова поверхностная структура взаимодействия пространств с различными мировыми константами?

2. Каковы возможности трансцендентального проникновения в иные Вселенные?

3. Как остановить постепенное поглощение нашей Вселенной миром Янтарного Гугона?

Последний вопрос особенно важен. Дело в том, что Янтарный Гугон понемногу захватывает пространство нашей Метагалактики и преобразует его по своим законам. Пока скорость поглощения невелика – 3 нанопарсека в год, но прогрессия такова, что через двадцать лет скорость поглощения возрастает до 100 нанопарсеков в год, через 200 лет – Янтарный Гугон уничтожит Землю, а через 400 лет наша Метагалактика перестанет существовать.

"Вот почему миллионы сынов Земли вынуждены отдавать свои жизни в смертельной схватке с жестоким миром планеты-призрака" – заявляет Внегалактический Совет.

Как происходят похищения земных младенцев? Двести тысяч агентов Внегалактического Совета находятся в настоящий момент на Земле. Все они – земляне, прошедшие специальную обработку в особых воспитательных лагерях.

Агентура размещается в родильных домах и работает там под видом нянечек, медсестер, врачей и другого персонала. Вживленные в их мозг рецепторы дают возможность оценивать трансцендентные возможности младенцев и информировать об этом находящиеся на обратной стороне Луны – секретные базы инопланетян. Вживленные в мозг рецепторы превращают людей в биороботов, которые готовы выполнить любую волю своих хозяев.

После проведения необходимого дистанционного психомолекулярного зондирования пришельцы изготавливают практически абсолютно точную копию младенца и с помощью своих агентов осуществляют подмену. Обычно такой младенец растет и развивается как нормальный ребенок, у него лишь один недостаток – он, когда повзрослеет, не может иметь детей. Примерно трое из ста жителей Земли произведены именно таким образом. Весьма частым явлением среди детей-подкидышей являются генетические болезни, психопатия и шизофрения. Некоторые из них

в процессе своего развития из-за нарушения генной структуры клеток начинают мутировать, превращаясь в упырей, вурдалаков, снежных людей, а так же русалок, кикимор и ведьм. Естественно, все младенцы-подкидыши могут управляться инопланетянами, и лишь некоторые из них (мутанты) выходят из под контроля и начинают убивать, пить кровь, менять свой облик, выдавая, тем самым, своих хозяев.

Впрочем, приведенные выше цифры опаривают ученые. Как стало известно из кругов, близких к руководству биорадиологического отделения института, разработанная там методика психометрического сканирования позволяет со 100%-ной вероятностью определять, кто это: человек или биоробот?

Результаты негласных исследований ошеломляют: в крупных городах каждый седьмой – подкидыш.

Более детально некоторые аспекты поведения людей – биороботов, возможно, будут освещены в отдельной статье.

Как происходит предварительная подготовка десантников?

На протяжении полутора лет похищенных младенцев выращивают в инкубаторах, где их по автоматической специальной программе, обжигают горячим воздухом, студят льдом, пытают жаждой и голодом.

Дальнейшее гиперобучение личности включает регулярную обработку инферноноспектральными гиперлучами. Эта обработка не предназначена для улучшения психоприспособляемости личности в экстремальных условиях. Физическая подготовка десантников состоит из изматывающих тренировок, рукопашного боя и уроков работы с оружием. При этом живыми мишенями служат их же собратья-земляне, не выдержавшие предварительного испытания.

Необходимо заметить, что ежегодно Внегалактический Совет тратит колоссальные средства на подготовку звездных бойцов. Однако эти средства окупаются на расположенных вокруг Гугона туристических базах, мно-

жество инопланетных посетителей с азартом наблюдают беспощадную борьбу людей с жестоким миром планеты-призрака. Гибнущим же на потеху публике землянам постоянно внушают, что они борются за существование Метагалактики против необузданных сил иной Вселенной.

Мы не имеем права молчать! То что происходит на Янтарном Гугоне не является героическим покорением планеты-призрака. Это всего лишь грязная кровавая бойня.

**Дм. Байков,
Мих. Антонов -
Трансценденты-4**

КАКИЕ ПРАЗДНИКИ МЫ ОТМЕЧАЕМ

С детства нам знаком красочный весенний Первомай! И хотя канули в прошлое те годы, когда нас толпами выгоняли на демонстрации (хорошенькое словечко-корень слышится в этом понятии - "демон"! "шествие демонов!"), но все же праздник есть праздник. Каковы же его исторические корни? У католиков и протестантов день 1 мая - это день святой Вальпургии. Мы немного знаем понаслышке об этом деньке - каждый слышал о Лысой горе, шабаше ведьм и т. д. Как пишет энциклопедия "Мифы народов мира", ночь с 30 апреля на 1 мая - это "время ежегодного шабаша ведьм". Вся нечисть слетается в эту ночь на метлах и прочем подручном транспорте на Лысую гору и торжествует, пляшет, беснуется, совокупляется, злобствует, насыляет порчу на людей. Правит бал в эту первомайскую Вальпургиеву ночь сам Сатана. Православная церковь и ее прихожане, разумеется, сатанинские праздники не отмечают.

Издательство "Метагалактика" предлагает.

Юрий Петухов с/с в 8 томах

- роскошное издание: черный переплет с золотым тиснением, суперобложки, иллюстрация, объем каждого тома - 720 стр.

Осторожно! Суперфантастика!!!

Высылаются 1,2,3 тома + абонемент.:

- стоимость с пересылкой - 25 000 р.

Доставка остальных томов гарантируется.

Почтовые переводы высылают по адресу.

111123, Москва, а/я 40, Петухову Ю.Д.

Внимание! Редакционный киоск

"Приключения, фантастика" находится:

метро Новослободское - напротив -

через дорогу у троллейбусн. остановки.

Огромный выбор. Низкие цены.

Оптовикам и реализаторам! Филиал редакции

- Рязанский пр.,82/5. От м.Выхино одна

остановка на автобусе, 417 отд. связи,

вход со двора. Оптовые цены.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД!

Библиотекам, школам, детдомам, колониям,

домам инвалидов и престарелых, общенарод-

ным и патриотическим объединениям

литература предоставляется по сверхнизким

ценам или бесплатно. Обращаться: лично -

по вышеуказанным адресам., письменно -

111123, Москва, а/я 40, Петухову Ю.Д

КНИГИ – ПОЧТОЙ!

Издательство "Метагалактика" высылает:

Журнал **"Приключения, фантастика"**

Номера 1991 г. – 4000 р. Комплект 1992 г. – 5000 р.

Комплект 1993 г. – 5000 р. Комплект 1994 г. – 15000 р.

(отдельные номера 1994 г. – по 3000 р.).

Библиотека приключ. и фантастики **"Метагалактика":**

Серия "МГ 1993 г. в 5 книгах – 6000 р.

Серия "МГ 1994 г. в 6 книгах – 15000 р.

(отдельные книги "МГ 1994 г. – по 3000 р.)

Библиотека мистики и ужаса "Галактика":

Комплект 1993 г. – 3000 р.

Номера 1994 г. – 1,4,5,6 – по 2000 р.

Для любителей аномальных явлений и тайн –

Подборка ежесеместрника **"Голос Вселенной"** – 5000 р.

ТАЛИСМАН–ОБЕРЕГ от сглаза и порчи – 5000 р.

Прорицания о будущем. в 2х книгах – 3000 р.

Классификатор инопланетных пришельцев – 2000 р.

(самое подробное описание инопланетян и НЛО).

Тома серии "Приключения, фантастика":

Прокол. Бродяга. Чудовище. Западня. Бойня.

Сатанинское зелье – по 3000 р.

Одержимые дьяволом. Мистика - 1000 р.

Мордоворот. Детектив о рэкетирах – 1000 р.

Красный карлик. Эрот. повесть ужасов – 2000 р.

(детям до 16 лет не рекомендуется).

ДОРОГАМИ БОГОВ. Подлинная история Русского

Народа. Впервые публикуются данные, скрываемые,

официальной наукой. – 3000 р.

Голос Вселенной, номера 7-8, 9-10, 11-12 1994 г.

(расширенные номера) – по 2000 р.

Для получения заказа необходимо выслать почтовый

перевод по адресу издательства: 111123, Москва, а/я 40

Петухову Ю.Д. На обороте талона точно укажите

заказываемые издания. Четко пишите свой адрес!

Отправка – немедленно!

Для организаций и других коллективных (оптовых)

заказчиков перечисления принимаются на расчетный

счет 1468489 в Перовском отделении Мосбизнесбанка

МФО 201735 получатель "Метагалактика" (суммы от

50 тыс.р. и выше).

qп ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

В номере:

"Вампиры и оборотни.

Хроника преступлений" и др.

